

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*
Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

Отдел внешних церковных связей
Московского Патриархата

ISSN: 2221-8181

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия

Главный редактор: митрополит Волоколамский Иларион

доктор богословия, доктор философских наук

Зам. главного редактора: М. В. Первушин, кандидат

богословия, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

протоиерей Николай Балашов, доктор богословия

архимандрит Филарет (Булеков), кандидат богословия

протоиерей Сергей Звонарев, кандидат богословия

протоиерей Игорь Якимчук, кандидат богословия

священник Димитрий Сафонов, кандидат богословия,

кандидат исторических наук

священник Алексей Дикарев, доктор миссиологии, кандидат богословия

священник Димитрий Агеев

иеромонах Стефан (Игумнов)

диакон Феодор Шульга

Ответственный секретарь: А. А. Макарова

ЮБИЛЕЙ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

От редакции. К 75-летию Отдела внешних церковных
связей Московского Патриархата.....7

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Обращение по случаю 75-летия Отдела внешних
церковных связей Московского Патриархата.....19

Митрополит Волоколамский Иларион.

Деятельность ОВЦС в прошлом и настоящем.

К 75-летию Отдела внешних церковных связей.....26

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Иеромонах Александр (Галушка).

Особенности государственной политики по отношению
к православным и униатам в Чехословакии во второй
половине XX века.....63

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Епископ Новокузнецкий и Таштагольский Владимир.

Дореволюционное и советское летописание:

конфликт подходов.....77

<i>Иеродиакон Иоанн (Мерзляков).</i> Некоторые явления церковно-государственных отношений Московской Руси в XIV–XV веках.....	89
<i>Священник Алексей Рыженков.</i> Феномен «автобиографического жития» в контексте старообрядческой письменности.....	98
<i>Священник Андрей Курлыкин.</i> Кадровый состав Русской Духовной Миссии в Китае: миссионерский аспект.....	114
<i>Священник Михаил Лях.</i> «Путешествие по Далмации» епископа Порфирия (Успенского) как культурно-исторический источник...	133
<i>Протоиерей Александр Берташ.</i> Пюхтицкий Успенский монастырь в революционное время и в независимой Эстонии.....	146
CONTENTS.....	205

ЮБИЛЕЙ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

ОТ РЕДАКЦИИ
К 75-летию Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата

4 апреля 2021 года исполнилось 75 лет со дня создания Отдела внешних церковных связей (до 2000 года — внешних церковных сношений) Московского Патриархата.

По случаю 75-летней годовщины основания Отдела поступили поздравления от имени Святейшего Патриарха Болгарского Неофита, Блаженнейшего Митрополита всей Америки и Канады Тихона, представителя Патриарха Антиохийского и всего Востока при Патриархе Московском и всея Руси митрополита Филиппопольского Нифона, митрополита Захлейского и Баальбекского Антония и митрополита Тирского и Сидонского Илии.

В своем послании на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Предстоятель Болгарской Церкви пишет: «Со времени учреждения Отдела Болгарская Православная Церковь Болгарского Патриархата радуется братской поддержке и благоприятному решению различных вопросов межцерковного характера. На протяжении долгих лет наши добрые контакты углубились, а под Вашим председательством ОБЦС связи между

нашими братскими Церквями значительно укрепились». Святейший Патриарх Неофит также отметил, что «Отдел внешне-церковных связей всегда работал и работает в сложной международной обстановке, связанной с различиями в культурных взглядах участников межцерковного диалога».

Предстоятель Православной Церкви в Америке в своем поздравлении отмечает, что «за последние несколько десятилетий работа Отдела позволила Русской Православной Церкви развивать и поддерживать отношения с Поместными Православными Церквями, инославными Церквями и нехристианскими религиозными общинами, а также с государственными и неправительственными учреждениями». Его Блаженство подчеркнул, что «эта всегда важная работа еще более важна сегодня, когда Церковь служит миру в двадцать первом веке», и добавил, что «через этот Отдел Церковь продолжает проповедовать Евангелие до последних земли, следуя словам апостола Павла: „Со всяким смирением и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира“ (Еф. 4:2–3)».

В поздравлении на имя председателя ОВЦС митрополит Филиппопольский Нифон отметил, что с деятельностью Отдела тесно связаны все годы его служения в России. Обращаясь к митрополиту Волоколамскому Илариону, владыка пишет: «Я учился у Ваших великих предшественников церковной дипломатии и патриотизму... Вы, являясь министром иностранных дел Русской Православной Церкви, обладая энциклопедическими знаниями и твердой жизненной позицией, укорененной в Православном вероучении и традиции, достойно представляете Русскую Церковь перед лицом всего мира».

Митрополит Захлейский и Баальбекский Антоний пишет, что вклад Отдела внешних церковных связей в укрепление единства Православия имеет большое значение, «особенно сейчас, когда единство нашей Святой

Церкви находится под угрозой». Иерарх Антиохийской Православной Церкви от имени христиан Ближнего Востока отдельно поблагодарил митрополита Волоколамского Илариона за внимание и поддержку христианского населения этого региона.

Поздравляя председателя ОВЦС, митрополит Тирский и Сидонский Илия (Антиохийский Патриархат) отметил, что вклад Отдела внешних церковных связей «в укрепление церковного единства известен и признан во всем православном мире» и пожелал ему и всем сотрудникам Отдела помощи Божией и сил «в ваших важных трудах».

Поступили поздравления от имени глав и представителей Древних Восточных Церквей: Святейшего Патриарха Коптского Тавадроса II; Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Гарегина II; Святейшего Католикоса-Патриарха Ассирийской Церкви Востока Мар Геваргиса III Сливы; Святейшего Католикоса Востока и Митрополита Маланкарского Василия Мар Фомы Павла II; митрополита Лос-Анджелесского Серапиона, сопредседателя Комиссии по диалогу между Русской Православной Церковью и Коптской Церковью; архиепископа Езраса Нерсисяна, главы Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви; епископа Калифорнийского Мар Авы Ройела, секретаря Священного Синода Ассирийской Церкви Востока, сопредседателя Комиссии по диалогу между Русской Православной Церковью и Ассирийской Церковью Востока.

Передавая председателю и всем сотрудникам Отдела внешних церковных связей приветствия и наилучшие пожелания по случаю знаменательной даты, Святейший Патриарх Коптский Тавадрос II отметил, что высоко оценивает «роль ОВЦС в развитии отношений между Русской Православной Церковью и Коптской Церковью». Он также выразил благодарность Отделу за поддержку коптской общины в России.

Святейший Католикос и Патриарх Гарегин II в своем поздравлении пишет: «На протяжении десятилетий Отдел не только нес успешное служение в жизни Русской Православной Церкви, но и осуществлял ответственную и важную миссию в деле развития межцерковных и межрелигиозных отношений, стоя на защите православной веры и общечеловеческих ценностей во всем мире. Достойны упоминания неутомимые старания руководителей ОБЦС в деле организации духовного окормления епархий и общин Русской Православной Церкви за рубежом в тревожные годы холодной войны, шаги, нацеленные на развитие межцерковного диалога, также осуществленные успешные программы по взаимодействию Церкви и государства, последовательная работа с научно-образовательными и культурными структурами. Отдел внешних церковных связей в разные годы возглавляли известные иерархи Русской Церкви: митрополиты Николай, Никодим, Ювеналий, Филарет и Его Святейшество Патриарх Кирилл, достойным образом представляя РПЦ на международных платформах».

Предстоятель Армянской Апостольской Церкви подчеркнул, что высоко ценит «миротворческие усилия ОБЦС и похвальные старания по сохранению христианских общин и духовного наследия в странах Ближнего Востока и по организации трехсторонних встреч духовных лидеров для мирного урегулирования карабахского конфликта».

Предстоятель Ассирийской Церкви Востока Святейший Католикос-Патриарх Мар Геваргис III Слива возносит «благодарение Господу за плодотворный диалог между двумя Церквями» и подчеркивает, что «с момента своего официального основания 6 апреля 1946 года и доньше ОБЦС успешно выполняет миссию по укреплению межхристианских и межцерковных отношений, развивая диалог и братские контакты с Церквями разных традиций».

Далее Предстоятель Ассирийской Церкви Востока отметил труды председателя ОБЦС митрополита Воло-

коламского Илариона, возглавившего Отдел в 2009 году: «Его деятельные усилия приносят обильные плоды во многих церковных областях, в том числе в развитии отношений между Церквями».

Святейший Католикос Востока и Митрополит Маланкарский в своем поздравлении митрополиту Волоколамскому Илариону пишет: «Мы можем только благодарить Всемогущего Бога за весь тот огромный вклад, который служение Отдела внешних церковных связей вносит в поддержание христианского братства во всем мире. Ваши начинания всегда были примером для многих Церквей. В продолжение того непрерывного взаимодействия между Русской Православной Церковью и нашей Церковью, которым был отмечен период с самого начала XX века, в 1960-е гг. Отдел поддерживал с нами постоянные контакты, венцом которых стали взаимные визиты Предстоятелей наших Церквей. По случаю поистине эпохального события — 75-летия Отдела внешних церковных связей — мы с благодарностью вспоминаем инициативы ОБЦС, сделавшие возможными визит Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена в Индию, визит Его Святейшества Василия Мар Фомы Павла II в Московский Патриархат, а также, соответственно, посещение Его Святейшеством Святейшим Патриархом Кириллом, еще в качестве митрополита и председателя ОБЦС, Маланкарской Церкви и наш ответный личный визит в Русскую Православную Церковь. Все это, конечно, лишь часть тех братских отношений, которые развивает ОБЦС».

«Мы высоко ценим те усилия, которые Вы приложили для того, чтобы смог состояться наш визит в Московский Патриархат в 2019 году, в результате которого была организована Рабочая группа по координации двусторонних отношений между Русской Православной Церковью и Маланкарской Ортодоксальной Сирийской Церковью. Все это остается символом нашего христианского свидетель-

ства и вселяет надежду в наших верующих», — добавил Предстоятель Маланкарской Церкви.

Председатель Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох в своем поздравлении, в частности, отметил:

«Наш мир в нынешних условиях, связанных с продолжающейся пандемией и всеми ее последствиями — экономическими, социальными и пастырскими, более чем когда-либо нуждается в совместном свидетельстве христиан, особенно католиков и православных. Как справедливо подчеркивается в Совместном заявлении Папы Франциска и Патриарха Кирилла, сделанном 12 февраля 2016 года в Гаване, „в решимости прилагать всё необходимое для того, чтобы преодолевать исторически унаследованные нами разногласия, мы хотим объединять наши усилия для свидетельства о Евангелии Христовом и общем наследии Церкви первого тысячелетия, совместно отвечая на вызовы современного мира“».

По случаю юбилея Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу и председателю ОВЦС митрополиту Волоколамский Илариону поступили поздравления от исполняющего обязанности генерального секретаря Всемирного совета церквей протоиерея Иоанна Сауки; исполнительного президента Фонда «Помощь Церкви в нужде» (*«Kirche in Not»*) Т. Хайне-Гельдерна; генерального секретаря организации «Церкви в совместном действии» (*«ACT Alliance»*) Рудельмара Буэно де Фариа; основателя Общины святого Эгидия профессора А. Риккарди.

В письме на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла из Всемирного совета церквей отмечается, что создание Отдела внешних церковных связей было «историческим решением Русской Православной Церкви, которое в довольно непростое время и в неблагоприятных условиях открыло совершенно новые пути и многообещающие горизонты, позволив Московскому Патриархату нести свидетельство перед всем миром о

православной вере и традиции, духовности и богослужбном опыте, культуре и истории и щедро делиться своими богатствами с братьями-христианами, а также представителями других религий по всему миру.

Прежде всего, мы возносим благодарение за жизнь и труды тех, кто мужественно принимал и реализовывал нелегкие решения в первые годы работы Отдела. Создание внутри Церкви нового учреждения с новой миссией и новым видением, несомненно, было трудной задачей. И мы с благодарностью вспоминаем людей, которые за эти 75 лет внесли свой вклад в укрепление межправославных отношений, христианского единства и соработничества и развитие межцерковного и межрелигиозного диалога, в первую очередь, митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, игравшего активную и решающую роль в контактах между Русской Православной Церковью и ВСЦ».

Далее в письме из ВСЦ отмечается выдающаяся роль в развитии межхристианских контактов легендарных сотрудников Отдела – протопресвитера Виталия Борового и А.С. Буевского. Кроме того, выражена высокая и благодарная оценка «многочисленным заявлениям, программным документам и декларациям, подготовленным ОВЦС и утвержденным Русской Православной Церковью. Многие из этих документов имеют историческое значение, так как в них представлена важная точка зрения по вопросам, стоящим на повестке дня Церквей и организаций, преданных делу христианского единства. Эти документы, в которых прямо и открыто высказывается православная богословская позиция, в частности, точка зрения Русской Православной Церкви, представляют большую важность для всех христиан. Учение Православной Церкви, ее патристическое наследие, богослужбный опыт и таинства, хотя зачастую и отличаются от господствующей западной традиции, вызывают глубокую признательность и для многих становятся ценным источником вдохновения. Критические замечания, содержащиеся в этих докумен-

тах, также заслуживают высокой оценки благодаря своей неизменной конструктивности и позволяют лучше понять глубину и сложность рассматриваемых вопросов.

С благодарностью и глубокой признательностью ВСЦ вспоминает многочисленные встречи, совещания и визиты делегаций, организованные Отделом. Все эти мероприятия давали возможность христианам других традиций и из других регионов мира познакомиться не только с легендарным русским гостеприимством, но и, самое главное, с сокровищами русского богословия, духовности, богослужебной жизни, народного благочестия и свидетельства о Господе Иисусе Христе».

В послании с глубокой благодарностью отмечен личный вклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в работу ОВЦС на протяжении его долгой истории: «Вот уже более 50 лет Вы тем или иным образом участвуете в деятельности ОВЦС. Ваш долгий путь начался, когда Вы были назначены личным секретарем митрополита Никодима (1970 г.), продолжился, когда Вы были назначены представителем Московского Патриархата при ВСЦ в Женеве (1972 г.), избраны членом Центрального и Исполнительного комитетов ВСЦ (1975 г.), назначены председателем Отдела внешних церковных связей (1989 г.). Высшей точкой стало избрание Вас Патриархом Московским и всея Руси (2009 г.), и сегодня перед Вами как Патриархом Отдел отчитывается в своей работе. За Вашу преданность служению и за Вашу руководящую деятельность мы возносим благодарение Богу. С глубокой признательностью отмечаем, что Вы лично сыграли важную роль в развитии межхристианского движения и межхристианских отношений, способствуя продолжению нашего следования по пути христианского единства и конструктивных отношений со всеми людьми доброй воли ради мира во всем мире».

В письме отдельные слова признательности выражены председателю Отдела внешних церковных связей

митрополиту Волоколамскому Илариону, «25 лет посвятившему служению Отделу, сначала в качестве сотрудника, затем в качестве председателя. Он был секретарем ОВЦС по межхристианским связям (с 1995 г.), главой представительства Русской Православной Церкви при европейских организациях в Брюсселе (с 2002 г.), членом Центрального и Исполнительного комитетов ВСЦ, главой делегаций Русской Православной Церкви на ассамблеях ВСЦ 1998, 2006 и 2013 годов. На X Ассамблее ВСЦ в Пусане (Южная Корея) в 2013 году митрополит Иларион выступил с памятным докладом на тему «Голос Церкви должен быть пророческим», отметив фундаментальные вызовы, стоящие перед христианами сегодня. Позиция многих участников Ассамблеи в отношении этих вызовов была иной, тем не менее подавляющее большинство согласилось с тем, что возможность услышать другой голос, другую точку зрения, другую позицию, глубоко укорененную в православном богословии и духовности, стала обогащающим и полезным опытом.

Мы упоминаем этот конкретный случай, так он служит примером того, какую значимую роль сотрудники и руководители ОВЦС играют вот уже 75 лет: смело и щедро они делятся богатствами своей богословской и духовной традиции с собратьями-христианами».

Исполнительный президент Фонда «Помощь Церкви в нужде» Т. Хайне-Гельдерн особо отметил, что «при непосредственном участии председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона в феврале 2016 года состоялась историческая встреча Папы Франциска и Патриарха Кирилла, которая позволила вывести отношения между католиками и православными на новый уровень». В этой связи Т. Хайне-Гельдерн обращает внимание на «деятельное соработничество представителей обеих Церквей в области оказания помощи гонимым христианам, в продвижении традиционных ценностей, в делах милосердия».

В поздравлении Отделу внешних церковных связей руководитель *ACT Alliance Рудельмар* Буэно де Фариа

пишет, что «ОВЦС был основан после окончания Второй мировой войны, в то же самое время, когда рождались многосторонние в своей деятельности институты, в том числе Организация Объединенных Наций, призванные помочь человечеству восстановить силы и встать на путь созидания мира, в котором царили бы мир и уважение прав всех людей. Три четверти века ОВЦС работает, оставаясь верным своей роли — это достижение, которое должно быть отмечено!»

От имени *ACT Alliance* Р.Б. де Фариа также лично поблагодарил председателя Отдела митрополита Волоколамского Илариона и сотрудников ОВЦС «за преданность делу межхристианского сотрудничества и особенно делу, которому посвятило себя объединение «*ACT Alliance*», — реагированию на гуманитарные нужды, преобразовательному развитию и правозащитной деятельности. Для нас честь, что Русская Православная Церковь является членом «*ACT Alliance*», и мы надеемся на продолжение совместной деятельности в будущем».

Профессор А. Риккарди в своем поздравлении отмечает, что ОВЦС «сыграл важнейшую роль в истории Русской Православной Церкви в прошедшие десятилетия, в самых разных исторических условиях. Отдел оказал решающую поддержку жизни Церкви в годы советской власти и в последующее время. Кроме того, он сумел включить русское Православие в межхристианские и межрелигиозные отношения и, шире, в международную жизнь. С чувствительностью, исходящей от скорбной истории преследований, которые претерпела Русская Православная Церковь в XX веке, Отдел в последние годы стал защитником гонимых и преследуемых сегодня христиан. В самых различных контекстах и ситуациях Отдел наилучшим образом выражал тот факт, что Русская Православная Церковь является неотъемлемым субъектом отношений между христианами, а также политического и общественного диалога в глобальном мире, в который

христиане призваны вносить оригинальный вклад своей мысли и действия».

Поздравление по случаю юбилея ОВЦС направил Президент России В.В. Путин.

«Создание ОВЦС открыло новые широкие возможности для плодотворной миротворческой, просветительской деятельности Русской Православной Церкви, обеспечило ее успешное взаимодействие с другими поместными Православными Церквями, с представителями иных религий, с государственными институтами, общественными организациями. И, конечно, самой глубокой признательности достойна ваша масштабная неустанная работа по укреплению духовных и культурных связей с нашими соотечественниками, проживающими за рубежом», — подчеркнул Президент.

Глава государства также отметил, что ОВЦС продолжает традиции ответственного служения, участвует в реализации социально значимых благотворительных инициатив и вносит серьезный вклад в развитие международного гуманитарного сотрудничества.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров в своем поздравлении сказал: «Все эти годы Отдел вносит неоценимый вклад в укрепление единства православных народов, расширение межрелигиозного и межкультурного диалога, продвижение непреходящих духовно-нравственных ценностей, отстаивание интересов наших соотечественников, проживающих за рубежом. Такая подвижническая деятельность, ориентированная на поддержание в международных делах атмосферы мира, доверия и взаимопонимания, снискала уважение в нашей стране и за ее пределами».

Плодотворное взаимодействие с Русской Православной Церковью — добрая традиция отечественной дипломатической службы. Высоко ценим поддержку сотрудников Отдела внешних церковных связей в решении актуальных проблем современности, включая защиту хри-

стиан на Ближнем Востоке и в других регионах планеты. Готовы к наращиванию соработничества, в том числе в рамках соответствующей Рабочей группы».

В числе отправивших поздравления — отечественные и зарубежные государственные деятели, дипломаты, представители религиозных, общественных и творческих организаций, частные лица.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

**ОБРАЩЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ 75-ЛЕТИЯ
ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА**

Ваше Высокопреосвященство!
Уважаемые сотрудники Отдела!
Дорогие братья и сестры!
Христос Воскресе!

Сердечно приветствую всех вас этими радостотворными словами и поздравляю митрополита Волоколамского Илариона и сотрудников Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата со знаменательной датой — 75-летьем со дня основания этого старейшего Синодального учреждения Русской Православной Церкви.

В далеком 1946 году, когда на короткое время поменялась государственная политика безбожной власти в отношении религиозных организаций, у Церкви появилась возможность создать такую административную структуру, через которую могла бы осуществляться ее связь с внешним миром. Никто и представить тогда не мог, какую роль будет играть Отдел в жизни Церкви в дальнейшем.

За прожитые три четверти века наше общество и государство стремительно и многократно менялись. И всё это время Отдел защищал церковные рубежи, играл

важнейшую роль в выстраивании взаимоотношений нашей Церкви с властями и общественностью стран ее канонической ответственности, с руководством других государств, с соотечественниками за рубежом, с Поместными Православными Церквями и с инославным миром, а также с представителями других религий. Развивались формы деятельности Отдела, увеличивался состав его тружеников, цель же не менялась. Отдел нес и несет свое служение ради «созидания Тела Христова» (Еф. 4:12). И это не просто метафора. Сохранение и упрочение единства Святой Соборной и Апостольской Церкви, отстаивание ее канонических устоев и чистоты православного вероучения всегда были и остаются приоритетными задачами Отдела.

Без малого двадцать лет я проработал в ОВЦС в должности его председателя, а мое участие во внешней деятельности Русской Церкви началось более полувека назад, с 1968 года. Могу с уверенностью сказать, что Отдел внешних церковных связей имеет стратегическое значение для всей Русской Церкви. Его ведущую роль в новейшей истории нашей Церкви, в ее возрождении трудно переоценить.

Свидетельство миру о евангельской правде и сохранение апостольской веры никогда не было легким. Христиане должны избегать двух крайностей. С одной стороны, не сообразовываться с духом мира сего, чтобы в конце концов не подчиниться ему. С другой — они не должны отгораживаться от мира, которому Церковь призвана нести благовестие. Для христианства гибельны как самоизоляция, так и путь соглашательства.

Еще в Ветхом Завете при описании должностей служителей Иерусалимского храма, состоящих из потомков колена Левия, указывается, что некоторые из глав левитов были определены на служение по внешним делам дома Божия (Неем. 11:16; 1 Пар. 26:29). Для Новозаветной Церкви общение с внешним миром — это особая, неотъемлемая часть миссии.

Свидетельство о Православии предполагает всесторонний охват человеческой жизни как в ее личном, так и в общественном измерении, «чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы» (Деян. 15:17). И сегодня это свидетельство заключается не только в том, чтобы доносить до властей разных стран церковную оценку современных тенденций мирового развития, или же призывать бережно относиться к самобытным духовным основам жизни отдельных народов, определяющим их облик и самосознание, или же возвышать голос против распространения греха, отстаивая существование в мире абсолютных нравственных ценностей, но еще и в необходимости служить ко благу людей во всем мире и их назиданию (Рим. 15:2).

Объединяя свои усилия в различных областях этого свидетельства с другими христианскими конфессиями и нехристианскими религиями, памятуя о словах Спасителя «кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9:10), наша Церковь одновременно стремится явить духовную силу апостольской веры и Священного Предания, преемственную связь с которыми хранит святое Православие. Эта работа особенно актуальна сейчас, когда христиане всего мира призваны сообща отвечать на непростые вызовы современности. И, что самое главное, — содержание этого свидетельства нашей Церкви никогда не меняется. Меняется только время, и поэтому апостол особо указывает нам, «что со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем» (Кол. 4:5). Необходимое благоразумие выражается в умении христианина сообразовываться с актуальными обстоятельствами. Отрадно, что этому главному правилу всегда стремятся следовать сотрудники Отдела, осуществляя свою миссию и помогая миллионам людей познать истину Православия.

С благодарностью вспоминаю прежних руководителей ОВЦС. Особо хотел бы выделить первых из них, которые неустанными жертвенными трудами заложили

основу нынешней многосторонней, масштабной деятельности Отдела. Это устроитель и первый председатель ОВЦС митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) и его преемник на этой должности митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов). Эти иерархи создали тот Отдел, на который впоследствии легла непростая ноша выстраивания церковно-государственных, церковно-общественных отношений. Нельзя не вспомнить продолжателей их трудов — ныне здравствующего митрополита Ювеналия (Пояркова) и недавно почившего митрополита Филарета (Вахромеева), которые внесли весомый вклад в укрепление христианской солидарности, социальной справедливости, добрососедских отношений между народами.

Особое испытание выпало на долю нашей Церкви в момент распада Советского Союза, разрушения устоявшихся общественных связей, что породило расколы и разделения. Именно на это труднейшее время политического и государственного перелома пришелся период моего руководства Отделом. Вспоминая те годы, еще раз убеждаюсь, что мы смогли пережить их, сохранив целостность нашей Церкви по милости Божией, благодаря молитвенному заступничеству за нашу землю сонма новомучеников и исповедников Церкви Русской, вере людей и их ответственности за судьбы грядущих поколений.

Однако и сегодня время не только церковного возрождения, но и новых вызовов. Среди них самыми злободневными и животрепещущими являются раскол всемирного Православия, учиненный Константинопольским Патриархом, и порожденная этим необходимость дополнительных усилий для отстаивания целостности нашей Церкви. Вмешательство политиков в церковные дела, которое мы видели на Украине, попытка разрушить единство Русской Церкви в угоду геополитическим замыслам и сиюминутным выгодам является преступлением

перед народом, перед будущими поколениями. Ведь это единство — исторический факт, важнейшая и неотъемлемая составляющая духовной и культурной общности наших братских народов — русских, украинцев, белорусов, молдаван, латышей, эстонцев и многих других.

Крайне востребованной является сегодня деятельность по защите гонимых христиан во всем мире, в первую очередь на Ближнем Востоке и в Африке. Уверен, что Русская Церковь в сотрудничестве с другими христианскими конфессиями и религиозными общинами и дальше будет возвышать свой голос в защиту преследуемых христиан как в диалоге с политическими, религиозными и общественными лидерами, так и на площадках всевозможных международных государственных и общественных организаций, напоминая миру о реальном положении наших страждущих братьев и сестер.

Среди задач, стоящих сегодня перед нашей Церковью в сфере внешних связей, не могу не упомянуть следующие:

- отстаивание евангельских ценностей в мировом цивилизационном пространстве;
- усилия по преодолению разделений, возникших в семье Православных Церквей;
- дальнейшее успешное развитие отношений с христианскими общинами во всем мире, с чего когда-то начиналась история Отдела и что сегодня составляет важную и динамичную часть его работы;
- активное участие в деятельности межхристианских организаций, необходимое для донесения нашей позиции до широкой мировой общественности;
- координацию совместных с государственными структурами трудов, направленных на поддержку соотечественников, проживающих за рубежом;
- консолидацию совместных с другими религиозными сообществами усилий по защите нравственного измерения общественной жизни;

— участие в диалогах по линии гражданских обществ, ставшее одним из самых молодых направлений внешнего служения Русской Православной Церкви.

Необходимость решения многообразных задач в международной сфере побуждает Отдел оставаться многофункциональной и эффективной церковной структурой и вместе с тем ускорять темп своей работы, совершенствовать ее качество, искать новые формы и методы свидетельства, чтобы идти «путем новым и живым» (Евр. 10:19), чтобы быстро и адекватно реагировать на вызовы времени, искать нестандартные подходы, определить четкие приоритеты, открывать иные перспективы, находить новые возможности. Каждая эпоха требует особой отдачи. И дай Бог, чтобы нынешнее поколение сотрудников справлялось с современными вызовами с не меньшим успехом, чем поколения предыдущие.

Отдел внешних церковных связей, люди, которые в нем работают, всегда близки моему сердцу, а повестка дня этого учреждения занимает важное место в моей собственной повестке дня. С удовлетворением свидетельствую, что качество работы Отдела постоянно улучшается. Высоко ценю помощь, которую получаю со стороны ОВЦС в осуществлении Патриаршего служения. Признателен всем, кто трудился и ныне трудится в сфере внешней церковной деятельности — иерархам, пастырям, богословам, церковным работникам. «Труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор. 15:58), и ваш вклад в созидание нашей Церкви, в защиту ее рубежей трудно переоценить.

В завершение своего настоящего обращения хотел бы выразить убежденность в том, что Отдел внешних церковных связей будет и впредь приносить Господу обильные плоды.

Желаю вам, дорогой Владыка митрополит, и всем труженикам Отдела помощи Божией в несении нелегкого послушания. Оставайтесь и в дальнейшем верными созидателями церковной жизни, усердными воинами

Христовыми, помня, что наше слово и проповедь «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2:4).

Призываю на вас и ваши труды благословение Воскресшего Господа.

Митрополит Волоколамский Иларион

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВЦС В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

К 75-летию Отдела внешних церковных связей

Отдел внешних церковных связей был создан в 1946 году, когда Русская Православная Церковь только начинала восставать из пепла после жесточайших гонений 1930-х годов и тяжелейших испытаний, вызванных войной. За три десятилетия, прошедшие со времени октябрьской революции, были утрачены практически все каналы коммуникаций, выработанные в предреволюционный период. Контакт с русским церковным зарубежьем был в значительной степени потерян. Практически всю систему внешних церковных связей надо было выстраивать заново.

Эта миссия легла на первого председателя Отдела — приснопамятного митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича). Вместе с немногочисленной группой сотрудников он без малого пятнадцать лет трудился над возрождением и углублением традиционных форм межцерковных отношений. Он положил начало целому ряду новых направлений в сфере внешнецерковной деятельности, во многом определив основной вектор ее дальнейшего развития. Он уделял много времени формированию контактов с общественными организациями, с государством, миром политики, науки, культуры.

Свои труды по внешней деятельности Церкви митрополит Николай начал еще до создания ОВЦС, осенью 1945 года, когда совершил поездку во Францию для присоединения митрополита Евлогия (Георгиевского) и его викариев, а также митрополита Серафима (Лукиянова) к Русской Церкви. В дальнейшем митрополит Николай возглавлял делегации Московского Патриархата, направлявшиеся в Англию, Румынию, Чехословакию, Венгрию и другие европейские страны. Он же был одним из инициаторов Совещания Глав и представителей Поместных Православных Церквей в июле 1948 года, приуроченного к празднованию 500-летия автокефалии Русской Церкви. Проводившаяся митрополитом Николаем подготовка к вступлению во Всемирный совет церквей, продолжавшаяся более десяти лет, увенчалась вступлением Русской Церкви в эту организацию на тех основаниях, которые он очертил: «Мы соглашаемся... исключительно во имя нашего общеправославного долга — служить воссоединению всех христиан в лоне Христовой Церкви, коей является святое Православие, сохранившее в полноте и целости однажды преподанную святым веру... И именно благодаря ВСЦ голос Православной Кафолической Церкви... может прозвучать на весь мир».

Следующим председателем ОВЦС стал в 1960 году епископ Подольский, впоследствии — митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов). Он сразу приступил к реорганизации Отдела и значительному расширению его структуры. Были созданы экуменическая и миротворческая группы, занимавшиеся вопросами научно-богословского и общественно-политического содержания, группа по изучению католичества. В 1969 году в ведение председателя Отдела была передана аспирантура при Московской духовной академии.

При митрополите Никодиме произошло существенное расширение межхристианских контактов: об этом говорит и вхождение Русской Церкви в ВСЦ в 1961 году;

и участие представителей Московского Патриархата во Втором Ватиканском соборе в 1962–1965 годах; и начало двусторонних богословских диалогов Русской Церкви с Евангелическими церквями, церквями англиканского исповедания и Римско-Католической Церковью. Историческое значение имело принятое в 1971 году по инициативе митрополита Никодима решение Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые русские обряды и на употребляющих их, что заложило основу для преодоления болезненного раскола, произошедшего еще в XVII веке. Благодаря личным усилиямлады Никодима удалось сохранить присутствие русского монашества на Святой горе, которому угрожало полное исчезновение из-за невозможности в силу политических причин в течение многих лет пополнять русское афонское братство выходцами из нашего Отечества.

Многое сделал митрополит Никодим и для провозглашения автокефалии Православной Церкви в Америке в 1970 году, и для провозглашения в том же году автономии Японской Православной Церкви. Внутри же Советского Союза он использовал международную деятельность для того, чтобы предотвратить закрытие и разрушение монастырей и храмов. Так, именно через привлечение международного внимания митрополиту Никодиму удалось спасти от закрытия Ленинградские духовные школы, создав в них факультет иностранных студентов. Одновременно, добиваясь назначения молодых епископов на зарубежные кафедры, он создавал возможности для дальнейшего перевода их на каноническую территорию Церкви, в результате чего епископат Русской Православной Церкви значительно омолодился и расширился. Всю эту многообразную деятельность митрополит Никодим вел, несмотря на препятствия, воздвигаемые гражданскими атеистическими властями.

Священный Синод еще в марте 1961 года постановил, чтобы председатель ОВЦС был в епископском сане и

состоял в звании постоянного члена Священного Синода. Это свидетельствовало о большой ответственности, которая возлагалась Русской Церковью на председателя Отдела, а в его лице на весь Отдел. Позднее определениями Священного Синода Отдел был усилен двумя филиалами: в Киеве при Экзархе Украины (в 1969 году) и в Северной столице (в 1979 году). В дальнейшем Киевский филиал преобразован в Отдел внешних церковных связей Украинской Православной Церкви, а Санкт-Петербургский филиал продолжает успешно функционировать.

В 1972 году митрополита Никодима сменил на посту председателя митрополит Ювеналий (Поярков). Период его председательства характеризуется активной миротворческой деятельностью Русской Церкви. Она имела важное значение в глазах государства, предпринимавшего в 1970-х годах усилия для разрядки международной напряженности. В этот период Русская Церковь была одним из главных участников миротворческих форумов, а высокая оценка этих встреч западными партнерами существенно влияла на оценку советским руководством всей внешней деятельности Церкви. Организованная Отделом в июне 1977 года Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» была одним из крупнейших мероприятий в истории миротворческого движения. Кроме того, в сложных, а порой даже конфликтных отношениях между Советским Союзом, Югославией и Румынией контакты между братскими Русской, Сербской и Румынской Церквями имели большое значение, создавая атмосферу доверия, напоминая об общих церковных ценностях и устремлениях наших народов. Все это позволяло показать важность миссии Церкви для государства и обосновать расширение ее деятельности в целом.

С 1982 года председателем Отдела на неполные девять лет стал митрополит Филарет (Вахромеев). На период его председательства пришлось время подготовки Русской

Православной Церкви к празднованию 1000-летия Крещения Руси и само это торжество. Отдел под руководством митрополита Филарета внес исключительный по объему, сложности и важности вклад в общецерковный процесс, связанный с празднованием в июне 1988 года юбилея этого значимого для русского народа и всей Православной Церкви события. Празднование приобрело широкий общественный характер и явилось сильнейшим импульсом к восстановлению должного места Русской Православной Церкви в жизни страны, к постепенному возрождению вековых традиций ее служения.

В 1990 году Отдел возглавил архиепископ Смоленский и Калининградский Кирилл, вскоре возведенный в сан митрополита. Он является ровесником Отдела, и Промыслом Божиим ему было предначертано связать свою жизнь с этим старейшим синодальным учреждением. Его участие во внешней церковной деятельности началось при митрополите Никодиме, когда он был включен в состав делегации Русской Церкви на IV Генеральной ассамблее ВСЦ в Уппсале в 1968 году. Без малого двадцать лет он возглавлял Отдел. В этот период произошли качественные изменения в структуре и деятельности синодального учреждения. На принципиально новый уровень вышел диалог с государственной властью, была достигнута оптимизация церковно-государственных отношений, расширились и упрочились контакты и сотрудничество с общественными, научными, политическими, культурными и иными подобными организациями.

На основе наработок Отдела и на базе подготовленных в нем кадров Священный Синод Русской Православной Церкви образовал отдельные Синодальные отделы: религиозного образования и катехизации, по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, по работе с молодежью, по социальному служению и другие. На базе библиотечного фонда Отдела была создана Синодальная библиотека Русской

Православной Церкви. Спектр обязательств Отдела был крайне широк, и потому образование новых синодальных учреждений, комиссий и иных церковных организаций, а также передача им зон ответственности за деятельность на этих направлениях позволяли Отделу вести работу в других областях взаимосвязей с внешним миром, которые были еще не освоены.

В связи с этим Отдел был реструктуризирован. Появились секретариаты по межправославным отношениям, по взаимоотношениям Церкви и общества, по межхристианским связям; секторы зарубежных учреждений, православного паломничества, позже — служба коммуникации и сектор публикаций. Это привело к существенному повышению эффективности работы Отдела в целом.

Время, когда митрополит Кирилл возглавлял Отдел внешних церковных связей, стало для Русской Церкви периодом новых вызовов и испытаний. Рушилась великая страна, на ее территории образовались новые государства. В трагические дни августовского кризиса 1991 года Церковь, обретая общественный авторитет, впервые за многие десятилетия должна была сформулировать свое отношение к текущим политическим событиям — и сделать это в условиях, когда на нее оказывалось сильнейшее давление. Благодаря слаженной работе ОВЦС и его председателя удалось дать достойный и взвешенный ответ, возвысить свой голос против кровопролития и братоубийства.

Активные действия потребовались от Русской Церкви в 1993 году, когда противостояние между президентом России и его политическими оппонентами привело страну на грань гражданской войны. Церковь предложила враждующим сторонам свое посредничество в деле урегулирования конфликта. И хотя в итоге конфликт все равно закончился кровопролитием, а посредничество Церкви не принесло желаемого результата, все участники событий были согласны в том, что без этого посредничества

события могли пойти по значительно худшему сценарию. Ключевую роль в подготовке и проведении этих сложнейших переговоров играл ОВЦС во главе с митрополитом Кириллом.

В то же время Русская Православная Церковь столкнулась с серьезными вызовами и в религиозной сфере. Конец XX века стал временем возрождения унии на Украине. При поддержке местных властей униаты захватывали храмы Московского Патриархата, убивали священников, подвергали насилию православных верующих и разворачивали ожесточенную кампанию по дискредитации православных христиан в средствах массовой информации.

Для митрополита Кирилла как Председателя Отдела внешних церковных связей проблема унии являлась одной из ключевых в 1990-х – начале 2000-х годов. Эта тема стояла в центре повестки наших отношений с Римско-Католической Церковью. Результатом усилий Отдела стало обращение всего православно-католического диалога к теме унии, что со временем привело к официальному признанию католической стороной ошибочности методики униатизма и прозелитизма в отношениях с Православными Церквями.

Распад СССР, помимо множества тяжелейших социально-экономических последствий, спровоцировал ряд межэтнических конфликтов в Молдавии, Таджикистане, Грузии, Армении и Азербайджане. Благодаря инициативе председателя ОВЦС состоялась встреча глав и представителей традиционных российских религиозных объединений — Русской Православной Церкви, общин последователей ислама, иудаизма и буддизма, на которой было принято решение о создании Межрелигиозного совета России. Таким образом, был образован коллегиальный орган для поиска путей решения наиболее сложных и болезненных проблем в национальной и конфессиональной сферах жизни современной России. Важнейшим событием в жизни Межрелигиозного совета стал организованный

им Всемирный саммит религиозных лидеров, состоявшийся в 2006 году в Москве. Штаб по подготовке саммита возглавлял председатель ОВЦС.

Митрополит Кирилл организовал процесс выработки важнейшего документа, представляющего церковное отношение к различным общественным явлениям и проблемам: «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году. А 17 мая 2007 года состоялось событие огромной важности — был подписан Акт о каноническом общении Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви, то есть было восстановлено полное единство Русской Церкви, что стало итогом длительных консультаций и переговоров, проводившихся при деятельном участии Отдела и лично его председателя.

Исторические и политические потрясения начала 1990-х годов не обошли и Церковь. Когда в 1992 году Филарет Денисенко, будучи на тот момент митрополитом Киевским и всея Украины, угрожал Архиерейскому Собору Русской Православной Церкви тем, что покинет Московский Патриархат, митрополит Кирилл как председатель Отдела со свойственной ему энергией и инициативностью стремился остановить его, и тогда это почти удалось. Однако уже после Собора Филарет вопреки данному им клятвенному обещанию отказался добровольно оставить Киевскую кафедру и встал на путь раскола. С того времени председателю ОВЦС пришлось положить много сил на противодействие схизме.

Ни один епархиальный архиерей Украинской Церкви не последовал в раскол вслед за Филаретом, устояли все монастыри и подавляющее большинство приходов. Украинская Православная Церковь сохранила поддержку огромного большинства населения Украины и осталась крупнейшей конфессией страны. Неоднократно имели место случаи покаяния «клириков» раскола, их возвращения в каноническую Церковь.

1992 год ознаменовался прискорбным разладом в отношениях с Румынским Патриархатом, который принял в свой состав раскольников Молдавии, создав для них так называемую «Бессарабскую митрополию».

Похожая ситуация сложилась в Эстонии. После того как в 1990 году эта страна обрела независимость, возникла небольшая раскольническая группа, которую в 1996 году принял в свою юрисдикцию Константинопольский Патриархат. Это вызвало разрыв евхаристического общения с Московским Патриархатом. Русская Православная Церковь никогда не соглашалась с разбойническими действиями Фанара в Эстонии, но в дальнейшем, ради сохранения единства мирового Православия, пошла на переговоры, восстановив общение с Константинопольским Патриархатом и по крайней икономии согласившись на сосуществование двух юрисдикций в Эстонии. К сожалению, достигнутые тогда договоренности остались невыполненными константинопольской стороной до сих пор. Константинополь, как и в 20-х годах XX столетия, когда он открыто поддерживал обновленцев и прочих врагов гонимой Русской Церкви, вновь вернулся на разрушительный путь поддержки раскольников.

В непростые для канонической Украинской Православной Церкви годы Константинопольский Патриархат систематически оказывал тайную, а подчас и открытую поддержку церковному расколу на Украине. В 1993–1995 годах им были приняты в общение раскольнические общины в диаспоре и их «иерархия». Предпринимались попытки создания так называемых «подворий» Константинопольского Патриархата.

На словах Константинопольская Патриархия признавала Киевскую митрополию в составе Московского Патриархата. В ежегодных официальных изданиях Константинопольской Патриархии титул и кафедра митрополита Киевского всегда упоминались в составе Московского Патриархата. В 1992 году Патриарх Вар-

фоломеей письменно, от имени Синода своей Церкви, признал полноту исключительной компетенции Русской Церкви по вопросу осуждения Филарета Денисенко. Во время своей встречи с Патриархом Алексием II в Одессе в 1997 году он заявлял, что на Украине один канонический Предстоятель — митрополит Киевский и всея Украины Владимир.

Однако на деле в обход нашей Церкви Фанар вел тайные сепаратные переговоры с раскольниками и украинскими властями по легализации украинского раскола. Одним из этапов этого процесса стало в 2008 году прибытие Патриарха Варфоломея в Киев без приглашения со стороны Патриарха Московского и всея Руси или канонического митрополита Киевского. Нам было известно, что целью визита являлось признание раскольнической структуры Филарета Денисенко и предоставление ей статуса автокефалии. Попытки Фанара заручиться в своей авантюре поддержкой других Предстоятелей Поместных Церквей провалились, а одновременное прибытие в Киев Святейшего Патриарха Алексия II окончательно сорвало этот план. Вторжению Константинопольского Патриархата на Украину удалось тогда воспрепятствовать.

В 2009 году Промысл Божий призвал митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Патриарший престол, и честь возглавить Отдел внешних церковных связей выпала мне. Своей первоочередной задачей я видел и вижу продолжение того курса, который был заложен моими предшественниками на посту председателя. А для этого важно сохранять кадровую преемственность. Вновь принятые сотрудники начинают свою работу, используя опыт, навыки и знания старшего поколения, что позволяет во многом сохранить тот уникальный потенциал и опыт, который был накоплен в годы возглавления Отдела нынешним Святейшим Патриархом, а также передать его новому поколению дипломатов ради пользы церковной.

За эти годы многие прежние старейшие сотрудники ушли на пенсию, а двое скончались: Алексей Сергеевич Бувевский и Григорий Николаевич Скобей. Вечная им память!

Вместе с тем, согласно новым запросам времени, перед Отделом ставились и ставятся новые задачи. Это, в свою очередь, диктует необходимость постоянно расширять информированность, привлекать новые ресурсы. Важно и выводить на новый уровень информирование мировой общественности о внешней деятельности Русской Церкви. Для этого был сначала обновлен интернет-сайт Отдела. Затем была создана система партнерских отношений с зарубежными ресурсами на разных языках.

В начале нынешнего года при финансовом участии Фонда поддержки христианской культуры и наследия заработал новый информационно-аналитический портал Отдела. На этом портале с новостями, актуальными интервью, аналитическими материалами авторитетных ученых и богословов, а также мультимедийным контентом могут ознакомиться не только русскоязычные пользователи интернета. Регулярно обновляются разделы на еще девяти языках — украинском, английском, греческом, немецком, французском, итальянском, сербском, румынском, арабском. В скором времени предполагается расширить число языковых версий до двенадцати.

В первоочередных задачах формирования портала — широкое развитие мультимедийной составляющей его работы. В целом же портал Отдела призван информировать широкую аудиторию о внешней деятельности Русской Православной Церкви, в том числе межправославных, межхристианских и межрелигиозных отношениях, о взаимодействии Московского Патриархата с государственными институтами, международными неправительственными организациями, а также органами власти, общественными и межрелигиозными объединениями, о работе с соотечественниками в дальнем зарубежье, о жиз-

ни зарубежных представительств, подворий, монастырей и ставропигиальных приходов Московского Патриархата, о старообрядных приходах Русской Православной Церкви и о взаимоотношениях со старообрядчеством. Еще одна важная тема, освещаемая порталом, — ситуация в связи с украинским расколом и положение канонической Украинской Православной Церкви.

Все это необходимо ввиду тех вызовов, с которыми столкнулась наша Церковь в последние годы. И главный из них — вторжение Константинопольского Патриархата на Украину и его тяжелейшие последствия для всего мирового Православия.

Прежде чем говорить на эту болезненную тему, скажу несколько слов о том, как развивались отношения Русской Православной Церкви с другими Поместными Православными Церквями в период между 2009 и 2019 годами.

С момента своего избрания Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил с мирными визитами Константинопольскую, Александрийскую, Антиохийскую, Иерусалимскую, Сербскую, Болгарскую, Кипрскую, Элладскую, Албанскую и Польскую Православные Церкви.

Предстоятель Русской Православной Церкви посещал братские Поместные Православные Церкви также для участия в торжествах по случаю их памятных дат и проводимых ими торжеств. В частности, в октябре 2013 года вместе с Предстоятелями и представителями других Поместных Православных Церквей он посетил Сербскую Православную Церковь для участия в торжествах по случаю 1700-летия Миланского эдикта. Спустя четыре года Патриарх Кирилл посетил Румынскую Церковь для участия во встрече Предстоятелей и представителей Поместных Православных Церквей, приуроченной к отмечаемому в Румынской Православной Церкви Году памяти защитников Православия при богоборческом строе, а также к торжествам по случаю 10-летия интронизации Блаженной-

шего Патриарха Румынского Даниила. В марте 2018 года Святейший посетил Болгарскую Церковь для участия в торжествах по случаю 140-летия освобождения Болгарии от османского ига.

Русскую Православную Церковь посещали с мирными визитами Предстоятели различных Поместных Православных Церквей: Патриархи Константинопольский Варфоломей, Александрийский Феодор, Антиохийский Иоанн, Иерусалимский Феофил, Сербский Ириней, Болгарский Неофит, Блаженнейший Митрополит Чешских Земель и Словакии Ростислав, Блаженнейшие Митрополиты всей Америки и Канады Иона и Тихон.

Для вручения премии Международного фонда единства православных народов Москву посещали Блаженнейший Митрополит Чешских земель и Словакии Христофор, Святейший Патриарх Болгарский Неофит, Святейший Патриарх Сербский Ириней, Блаженнейший Патриарх Святого Града Иерусалима и всей Палестины Феофил.

Предстоятели и делегации Поместных Православных Церквей участвовали также в общецерковных торжествах, проводившихся Русской Православной Церковью.

В торжествах по случаю интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 1 февраля 2009 года участвовали Патриарх Александрийский Феодор, Архиепископ Тиранский и всей Албании Анастасий, Митрополит Варшавский и всей Польши Савва и Митрополит Чешских земель и Словакии Христофор, а также делегации всех Поместных Православных Церквей.

В торжествах по случаю 65-летия Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 20 ноября 2011 года участвовали Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, Митрополит Варшавский и всей Польши Савва и Митрополит Чешских земель и Словакии Христофор, а также делегации Румынской и Болгарской Православных Церквей.

В торжествах по случаю 1025-летия Крещения Руси в июле 2013 года участвовали Патриархи Александрийский

Феодор, Иерусалимский Феофил III, Грузинский Илия II, Сербский Ириней, Болгарский Неофит, Архиепископ Кипрский Хризостом, Митрополит Варшавский и всей Польши Савва, Митрополит всей Америки и Канады Тихон, а также делегации Константинопольского Патриархата, Антиохийского Патриархата, Румынского Патриархата, Элладской и Албанской Православных Церквей и Православной Церкви Чешских земель и Словакии.

В торжествах по случаю 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского в июле 2014 года участвовали делегации Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, Грузинского, Сербского, Румынского и Болгарского Патриархатов, Кипрской, Элладской, Албанской Православных Церквей, Православной Церкви Чешских земель и Словакии, Православной Церкви в Америке.

В торжествах по случаю 1000-летия преставления святого равноапостольного князя Владимира в июле 2015 года участвовали делегации Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, Грузинского, Сербского, Румынского Болгарского Патриархатов, Кипрской, Элладской, Албанской и Польской Православных Церквей, Православной Церкви Чешских земель и Словакии, Православной Церкви в Америке.

В торжествах по случаю 70-летия Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в ноябре 2016 года участвовали Блаженнейший Патриархи Александрийский Феодор, Иерусалимский Феофил III, Грузинский Илия II, Сербский Ириней, Архиепископы Кипрский Хризостом, Албанский Анастасий, Митрополиты Варшавский и всей Польши Савва, Чешских земель и Словакии Ростислав, всей Америки и Канады Тихон, делегации Константинопольского, Антиохийского, Румынского, Болгарского Патриархатов и Элладской Православной Церкви.

В торжествах по случаю 100-летия восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви в дека-

бре 2017 года участвовали Патриархи Александрийский Феодор, Антиохийский Иоанн, Иерусалимский Феофил III, Грузинский Илия II, Сербский Ириней, Румынский Даниил, Архиепископы Кипрский Хризостом, Албанский Анастасий, Митрополиты Варшавский и всей Польши Савва, Чешских земель и Словакии Ростислав, всей Америки и Канады Тихон, а также делегации Грузинской и Болгарской Православных Церквей.

В торжествах по случаю 1030-летия Крещения Руси в июле 2018 года участвовал Блаженнейший Патриарх Александрийский и всей Африки Феодор, а также делегации Антиохийского, Иерусалимского, Грузинского, Сербского, Болгарского Патриархатов, Кипрской, Албанской, Польской Православных Церквей, а также Православной Церкви Чешских земель и Словакии.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл участвовал в межправославных мероприятиях: в собрании (синаксисте) Предстоятелей Поместных Православных Церквей в марте 2014 года в Стамбуле, в собрании (синаксисте) Предстоятелей и представителей Поместных Православных Церквей в Шамбези в январе 2016 года.

Предполагалось и участие Русской Православной Церкви во Всеправославном Соборе, который был назначен на июнь 2016 года. Однако в силу целого ряда обстоятельств от участия в нем отказались сначала Болгарская, затем Антиохийская и Грузинская Церкви, а Сербская Церковь высказалась за перенос Собора на более поздний срок. В этой ситуации Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение не участвовать с Соборе, поскольку с самого начала предсоборного процесса (а длился от более полувека) мы настаивали на том, что Собор может быть всеправославным только в том случае, если в нем примут участие все общепризнанные Православные Церкви и что решения на нем должны приниматься консенсусом. А консенсус — это не просто согласие тех Поместных Церквей, которые

съехались на Собор, а согласие всех общепризнанных Поместных Церквей.

Спустя два года после Критского Собора, в котором приняли участие десять Поместных Церквей, Константинопольский Патриархат решился на беспрецедентное поправление священных канонов и данных им исторических обязательств трехсотлетней давности. Была предпринята попытка ликвидировать существующую на Украине каноническую Украинскую Православную Церковь, объединяющую миллионы верующих, более двенадцати тысяч приходов и более двухсот пятидесяти монастырей, и подменить ее новой псевдо-церковной структурой на основе украинского раскола, де факто подконтрольной Фанару. Вторжение Константинопольского Патриархата создало новую угрозу единству Православия как на Украине, так и во всем мире, и спровоцировало волну массового насилия и захватов храмов на Украине.

Это вторжение не было для нас неожиданностью, поскольку нам было известно о тайных контактах и переговорах Фанара с раскольниками, которые велись на протяжении предшествующих лет. Со своей стороны, мы делали все, чтобы предотвратить этот раскол. Активно участвовали в подготовке Всеправославного Собора, который среди прочего должен был рассмотреть вопрос о способе дарования автокефалии. По существу этого вопроса удалось достичь консенсуса всех Поместных Православных Церквей. Несогласованными оставались лишь второстепенные, технические детали. Однако еще за несколько лет до Собора Константинополь добился снятия темы автокефалии с повестки дня, а после Собора приступил к реализации планов, которые давно вынашивал.

К сожалению, наши усилия, направленные на недопущение осуществления этих вероломных планов, — письменные обращения в Константинопольский Патриархат и многократные попытки переговоров с его представителями — не возымели успеха. Встреча Святейшего Патриарха

Кирилла с Патриархом Варфоломеем в Стамбуле в августе 2018 года стала последней попыткой вернуть Предстоятеля Константинопольской Церкви на канонический путь. Но руководство Фанара пренебрегло единством и миром церковным ради сиюминутной политической выгоды.

В этот трудный момент наши контакты с Поместными Православными Церквами были особенно интенсивными. Все Церкви были своевременно и детально информированы посредством официальной переписки, многочисленных встреч и телефонных разговоров с Предстоятелями, иерархами, богословами о реальной церковной ситуации на Украине, о нарастающей угрозе православному единству, о позиции Русской Православной Церкви. В итоге в 2018 году вторжение Константинополя на Украину не получило предварительной поддержки ни от одной Поместной Церкви.

Не удалось Константинополю получить широкую поддержку и после того, как он попытался легитимизировать украинский раскол и предоставил ему так называемую «автокефалию». В трех Поместных Церквях, где Предстоятели уступили колоссальному давлению как со стороны Фанара, так и со стороны мировых политических сил, им так и не удалось добиться правильного в процедурном отношении соборного решения иерархии о признании псевдо-автокефалии украинского раскола.

Вторжение Константинополя на Украину принесло особые испытания канонической Украинской Православной Церкви. При поддержке действовавших тогда местных властей была развернута волна захватов ее храмов, против нее приняты дискриминирующие законы, на нее оказывалось сильное политическое, административное и информационное давление.

Под руководством Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия Украинская Православная Церковь с честью проходит через эти испытания, сохраняя единство внутри себя и единство с Полнотой Русской

Православной Церкви. Анонсированная волна так называемых «переходов общин» в раскол, осуществлявшихся через насилие и массовые фальсификации, захлебнулась, не найдя поддержки среди верующих и столкнувшись с активной информационной, правовой и правозащитной работой. Захваты храмов не привели к распаду общин: напротив, эти общины лишь сплотились и строят новые храмы. Каноническая иерархия единодушно отказалась присоединиться к расколу, за исключением двух человек из ста. Среди духовенства случаи перехода в раскол также весьма немногочисленны. Храмы канонической Церкви на Украине по-прежнему полны народом. По-прежнему крепко монашество, и ни один монастырь не перешел в раскол.

Антиканонические действия, предпринятые против Московского Патриархата в Эстонии, в Молдавии, на Украине и в других странах, не смогли расколоть Русскую Церковь. Единство нашей Церкви сохранилось, она не умалилась в своих размерах. Напротив, произошло восстановление единства Московского Патриархата с теми его частями, которые оказались оторваны от Матери-Церкви в тяжелые годы гражданской смуты в России. Вслед за восстановлением в 2007 году общения с Русской Зарубежной Церковью в 2019 году с Матерью-Церковью воссоединилась Архиепископия западноевропейских приходов русской традиции.

Сохранение Русской Православной Церкви в тех географических пределах, в которых она формировалась на протяжении столетий, сохранение и укрепление внутреннего единства нашей многонациональной и великой Церкви — вот главный итог пережитого испытания.

Что же касается ситуации за пределами Русской Православной Церкви, то, к сожалению, раскол в православном мире, ставший следствием действий Константинопольского Патриарха, углубляется. Мы скорбим об этом и молимся о восстановлении единства мирового Православия. Но не мы несем ответственность за действия тех, кто решил ас-

социировать себя с расколом. Это их выбор. Они ответят за свои деяния. Мы же несем ответственность за сохранение целостности нашей Церкви. Не мы ее создавали, не нам ее разрушать. Мы призваны сохранить ее в тех исторических границах, в которых получили от предков. И в этом Отдел внешних церковных связей всегда будет надежным помощником Святейшего Патриарха и Священного Синода Русской Православной Церкви.

Хотел бы подчеркнуть, что в расколе, помимо Константинопольского Патриархата, участвуют на сегодня лишь Предстоятели трех Церквей — Александрийской, Кипрской и Элладской вместе с единомышленными им архиереями. Раскол не затронул другие Поместные Православные Церкви: Иерусалимскую, Антиохийскую, Грузинскую, Сербскую, Румынскую, Болгарскую, Албанскую, Польскую, Чешских Земель и Словакии, Православную Церковь в Америке. С этими Церквями у Русской Православной Церкви сохраняются те братские отношения, которые складывались на протяжении веков.

В условиях, когда Константинопольский Патриархат в силу ассоциации с расколом добровольно самоликвидировался в качестве координационного центра для всего мирового Православия, Поместные Православные Церкви ищут и успешно находят пути взаимодействия, не обусловленные координирующей ролью Константинополя. В частности, в феврале 2020 года в столице Иордании Аммане состоялось собрание Предстоятелей и делегаций Поместных Православных Церквей. С инициативой провести встречу для обсуждения ситуации в межцерковных отношениях и вопросов выступил Патриарх Иерусалимский Феофил III. В собрании, помимо Патриарха Феофила, приняли участие Блаженнейший Патриарх Феофил, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Патриарх Сербский Ириней, Митрополит Чешских земель и Словакии Ростислав, делегации Румынской Православной Церкви во главе с митрополитом Тырговиштским Нифонтом и Польской Православной

Церкви во главе с архиепископом Люблинским и Холмским Авелем.

Кроме укрепления единства Святого Православия, задачей Отдела внешних церковных связей является осуществление миссии свидетельства о Православии в выстраивании отношений с иными христианскими конфессиями, а также консолидации усилий христиан перед лицом общих вызовов. Как неоднократно отмечал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, эта сфера традиционно является одной из наиболее важных в деятельности Отдела и развивается в последние годы успешно и динамично.

Отношения с Римско-Католической Церковью сегодня можно охарактеризовать как оформившийся «стратегический альянс» в защиту христианской цивилизации. Статус крупнейших христианских общин мира сам по себе уже налагает на нас особую ответственность как за развитие двусторонних контактов, так и за будущее всей христианской цивилизации. Одним из примеров осознания нашими Церквями своей исторической миссии стало подписание в 2012 году Совместного послания народам России и Польши от лица Русской Православной Церкви и Польской епископской конференции, которое было призвано внести вклад в примирение между нашими народами.

Безусловно, знаковым событием стала первая в истории встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска в феврале 2016 года в Гаване. Принятая по ее итогам декларация на долгое время вперед обозначила парадигму совместной работы: необходимость защиты христианской нравственности, спасения от преследований гонимых братьев и сестер в разных регионах планеты, утверждения евангельской правды и свидетельства о ней перед лицом агрессивного секуляризма и либерализма, сохранения мира на земле перед угрозой новой глобальной войны.

Одним из плодов договоренностей, достигнутых на Кубе, стало событие исключительной важности для нашей Церкви — принесение мощей святителя Николая Мирликийского из Бари в Москву и Санкт-Петербург в мае-июле 2017 года, где им смогли поклониться более двух миллионов верующих из России, Украины, Белоруссии, Молдавии и других стран.

В целом можно сказать, что начавшийся еще в 1960-х годах диалог Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви к настоящему времени сформировал систему эффективного двустороннего взаимодействия по многим направлениям. С 2015 года действует Совместная рабочая группа по сотрудничеству между Русской Православной Церковью и Святым Престолом, которая на постоянной основе координирует такое взаимодействие. Интенсивно развивается академическое и культурное сотрудничество, на ежегодной основе организуется обмен делегациями студентов и молодых преподавателей духовных учебных заведений, регулярно проводятся концерты и выставки духовного искусства в России и странах Европы, реализуются другие просветительские проекты. Особое внимание уделяется тому, чтобы православные и католики выступали единым громким голосом в защиту традиционной нравственности и прав христиан на свободу выражения своей веры на Западе, где они все больше подвергаются притеснениям. Много сделано нашими Церквами в деле поддержки христиан Сирии и оказания помощи всему бедствующему населению этой страны. Соответствующие совместные проекты начали реализовываться буквально сразу после исторической встречи в Гаване. Очень скоро к ним примкнули другие христианские общины и даже мусульманские организации.

Продолжают активно развиваться отношения Русской Православной Церкви с Древними Восточными Церквами. Беспрецедентный уровень нашего взаимодействия, сформировавшийся в последние годы, был заложен в ходе

визитов их Предстоятелей в Россию и встреч со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. В результате мы создали Комиссии и рабочие группы по двусторонним диалогам с Коптской, Эфиопской, Сирийской, Маланкарской Церквами и с Ассирийской Церковью Востока. Всего за несколько лет работы данные Комиссии показали очень хорошие результаты.

Важно отметить, что многие Древние Восточные Церкви несут служение в тех регионах, по которым прокатилась волна гонений на христиан. Именно в России и Русской Православной Церкви они видят свою защиту и поддержку. Кроме того, эти Церкви очень тверды в своей приверженности христианской нравственности. Это и составляет основу нашего взаимодействия. Регулярным стал обмен визитами делегаций иерархов, монашествующих, преподавателей и студентов духовных школ, специалистов в различных областях церковного служения, обмен опытом в этих сферах. При содействии ОВЦС создаются фильмы и телевизионные программы о жизни христиан в Египте, Эфиопии, Сирии, Ираке, Индии.

Уникальным стал проект обмена монашескими делегациями с Коптской Церковью. С одной стороны, Египет — родина христианского монашества, там сохранились в исконном виде первые христианские монастыри, доступны для поклонения мощи основателей иноческого жития, развиваются паломнические маршруты, связанные с пребыванием на его земле Святого Семейства. С другой — у коптов имеется большой интерес к традиции русских монастырей, в которых они видят воплощение истинного монашеского духа в русле его древнейших традиций. Коптская Церковь одна из самых древних и активных в своем служении. Контакты с ней важны для выстраивания альянса в защиту христианской цивилизации, так же как и с Эфиопской Церковью, которая является третьей по величине в мире — более 60 миллионов верующих.

Ассирийская Церковь Востока — пожалуй, наиболее пострадавшая христианская община в мире. Ведь основная территория ее служения — Ирак, где христиане подвергаются тотальному преследованию уже двадцать лет. Святейший Патриарх Кирилл посетил эту страну в 2002 году, будучи председателем ОВЦС. С этого момента Отдел уделяет постоянное внимание положению иракских христиан, как и положению христиан Сирии, с одной из общин которой — Сирийской Ортодоксальной Церковью — существует постоянный диалог в формате работы соответствующей двусторонней Комиссии.

В 2019 году Москву посетил Предстоятель Маланкарской Церкви Индии, что позволило возобновить двусторонние связи. Индийские христиане долгие периоды своей истории жили в изоляции от остального христианского мира. Сегодня они открыты к восприятию традиции русского церковного пения, для них важен наш монашеский опыт, с большим духовным подъемом они узнают о православных угодниках Божиих. Так, благодаря контактам последних лет, одной из почитаемых святых на малабарском побережье Индии стала блаженная Матрона Московская. Ее житие и молитвы к ней уже переведены на местные языки и используются в храмах. Сегодня в повестке нашего двустороннего сотрудничества с Маланкарской Церковью много интересных и взаимоважных проектов.

Особой исторической близостью отличаются наши отношения с Армянской Апостольской Церковью, что еще раз доказали миротворческие и посреднические усилия Русской Православной Церкви в период обострения противостояния в Нагорном Карабахе в 2020 году, в результате которых монастырь Дадиванк и другие святыни Карабаха были взяты под защиту российских миротворцев. ОВЦС принимал большое участие и в образовании в 2016 году Патриаршего благочиния приходов Русской Православной Церкви в Республике Армения. Его воз-

главляет мой заместитель архиепископ Владикавказский и Аланский Леонид.

Сохраняются ценные для нас контакты с зарубежными протестантскими и англиканскими общинами, в частности, с Церковью Англии, Евангелистской ассоциацией Билли Грэма и Евангелическо-лютеранскими Церквями, с христианскими гуманитарными организациями. Сотрудничество с ними происходит, прежде всего, в практической плоскости. Мы совместно помогаем жертвам чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий и вооруженных конфликтов. В течение многих лет осуществляем общие программы, направленные на воспитание молодежи в духе евангельских ценностей, на профилактику социально опасных заболеваний, защиту здоровья людей, поддержку неимущих, престарелых и инвалидов.

Русская Православная Церковь сотрудничает с протестантским миром и в деле защиты христианской цивилизации. На этом направлении особое значение имело подписание в 2017 году Совместного заявления Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Архиепископа Кентерберийского Джастина Уэлби в защиту гонимых христиан, а также совместные проекты, реализованные в последние годы с Евангелистской ассоциацией Билли Грэма. Так, в 2015 году нами была передана совместная помощь беженцам из Восточной Украины, а в 2017 году в Вашингтоне проведен Всемирный саммит в защиту гонимых христиан.

Богословские конференции, проводимые с Евангелическо-лютеранской Церковью в Германии, продолжают традицию осмысления темы войны и примирения народов, которая вновь стала актуальна. Безусловно, нашим Церквям, прошедшим через горнило испытаний в борьбе с фашизмом, есть что сказать на эту тему всему человечеству.

Совместная богословская работа, проведенная в последние годы с Евангелическо-лютеранской Церковью

Финляндии и сосредоточенная на теме традиционного понимания брака, оказала значительную поддержку финским лютеранам в борьбе с навязываемой им секулярным обществом необходимостью легализации так называемых «однополовых сожительства» и других нововведений.

Упомяну и про наши контакты с христианскими Церквями в Южной Корее, которые играют важную роль во всем азиатском регионе. Русская Православная Церковь традиционно поддерживает корейский народ в его стремлении к объединению и преодолению последствий войны семидесятилетней давности.

Протестантский мир и происходящие в нем процессы неоднородны. Имеют место уклонения некоторых общин в сторону либерализации церковного учения в русле требований секулярного мира. С теми, кто принял необратимые решения в этой сфере, наша Церковь прекратила всякие отношения. В этом смысле для многих является ориентиром твердая позиция Русской Православной Церкви, которая отвергает всякий компромисс в нравственной сфере и свидетельствует о неизбежности для христиан библейских моральных основ.

Продолжается многолетнее взаимодействие с христианскими гуманитарными организациями, такими, как «Церкви в совместном действии» (*Action by Churches Together*), которая оказывает гуманитарную помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях. За последние годы в сотрудничестве с ней ОВЦС реализовал проект по передаче гуманитарной помощи беженцам с Востока Украины на территории Белгородской области, организовал там же несколько семинаров для церковных специалистов, оказывающих психосоциальную помощь беженцам, а в 2019 году был реализован проект оказания гуманитарной помощи жертвам наводнения в Иркутской области.

Продвижению инициатив Русской Православной Церкви в глобальном масштабе способствует ее участие в межхристианских организациях, среди которых особое

значение имеет Всемирный совет церквей. Наш голос востребован на этих площадках, к нему прислушиваются в важных для нас вопросах. В свою очередь именно Московский Патриархат и лично Святейший Патриарх Кирилл, в бытность Председателем Отдела внешних церковных связей, добились того, что все документы во Всемирном совете церквей принимаются консенсусом, что позволяет православным делегатам влиять на их содержание.

Особое внимание Русская Православная Церковь уделяет выстраиванию конструктивного межконфессионального диалога на собственной канонической территории, в частности, в рамках деятельности Христианского межконфессионального консультативного комитета, объединяющего традиционные христианские общины пятнадцати стран. Принимаемые совместные заявления отражают нашу общую приверженность евангельским основам жизни, содействуют утверждению духовно-нравственного фундамента в обществе, реализации совместных проектов в разных сферах.

Во время Рождественских чтений Отдел ежегодно проводит секционные заседания по межконфессиональному обмену опытом в области социального служения, по профилактике ВИЧ/СПИДа, по пастырскому окормлению душевнобольных. В этих встречах участвуют представители разных конфессий из России и других стран. ОВЦС создает условия для обмена опытом диаконической работы с иными христианскими конфессиями и помогает многим епархиям Русской Православной Церкви реализовывать этот опыт на практике.

Следует отметить активное развитие отношений ОВЦС с представителями иных религиозных традиций. Развивается и диалог Русской Православной Церкви с международными мусульманскими организациями, такими как Всемирная исламская лига. В период пандемии мы продолжали взаимодействие с мусульманскими, иудейскими и буддийскими коллегами в удаленном формате.

Опыт служения Русской Православной Церкви в условиях санитарных ограничений с большим интересом воспринимался нашими партнерами.

В последнее время все большую значимость приобретает гуманитарный аспект межхристианских и межрелигиозных связей Русской Православной Церкви. Совместно с представителями иных конфессий мы помогаем жертвам чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий и вооруженных конфликтов. Осуществляем общие программы, направленные на воспитание молодежи в духе евангельских ценностей, на профилактику социально опасных заболеваний, защиту здоровья людей, поддержку неимущих, престарелых и инвалидов.

Одним из ярких примеров межконфессионального, а также межрелигиозного сотрудничества стала деятельность учрежденной в 2017 году по благословению Святейшего Патриарха Кирилла Межрелигиозной рабочей группы по оказанию помощи Сирии Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России. В ее работу включились не только крупнейшие христианские, но и мусульманские организации нашей страны.

Под эгидой рабочей группы была осуществлена реставрация пятиэтажной общеобразовательной школы на 1 200 учащихся в районе Барза (Дамаск), пострадавшей в ходе военных действий. Еще в ноябре 2018 года в ходе Совещания в Дамаске глав и высоких представителей традиционных религиозных общин Сирии и российской межрелигиозной делегации, которую я возглавлял, сирийская сторона обратилась с просьбой оказать помощь в восстановлении социальной инфраструктуры. В качестве первого объекта было принято решение восстановить пострадавшую от военных действий общеобразовательную школу в районе Барза. Средства на восстановление школы собирали религиозные общины России. Их значительную часть составил личный вклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. 23 сентября 2019 года

состоялось торжественное открытие отреставрированной школы. Сирийская сторона отметила отличное качество произведенных работ, подчеркивая, что они выполнены по высоким стандартам.

С 2017 по 2019 год Межрелигиозной рабочей группой было доставлено свыше 100 тонн гуманитарной помощи в Латакию, Хомс, Алеппо, Дамаск и долину Бекаа. Все гуманитарные акции проводились совместно с христианскими и мусульманскими лидерами Сирии.

Сегодня очагом гуманитарной катастрофы и гонений на христиан является ряд стран Ближнего Востока и Африки. По благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода Отдел внешних церковных связей в сотрудничестве с христианскими Церквями этих стран развивает интенсивную гуманитарную работу. Так в 2018 году Отделом была инициирована программа помощи детям Ближнего Востока, пострадавшим в ходе военных конфликтов. Оператором программы выступил Благотворительный фонд «Познание». Программа была поддержана Патриархом Антиохийским и всего Востока Иоанном X. По итогам первого этапа программы на базе Научно-практического центра детской психоневрологии Департамента здравоохранения города Москвы в 2019 году прошло лечение одиннадцать сирийских детей. В 2020 году Святейший Патриарх Кирилл благословил переход к следующему этапу программы: к созданию Центра детской реабилитации и протезирования в Дамаске при Подворье Русской Православной Церкви. При содействии Фонда поддержки христианской культуры и наследия был произведен ремонт и оборудование помещений Центра на цокольном этаже Подворья с отдельным входом, общей площадью около 800 кв. м. В ноябре 2020 года я посетил Дамаск и ознакомился с ходом строительных работ. В настоящее время ремонтные работы завершены, помещение перепрофилировано под медицинский центр и ведется закупка оборудования. Предполагается, что в

течение первого года лечение и реабилитацию в Центре будут проходить до 900 детей.

Гуманитарный аспект становится значимым направлением взаимодействия Отдела внешних церковных связей и различных ведомств Российской Федерации. Благодаря этому взаимодействию реализован ряд проектов с целью поддержки Антиохийской Православной Церкви. Оказана помощь в восстановлении монастыря святой Феклы в Маалюле, неоднократно доставлялась гуманитарная помощь для сирийских воскресных школ, закуплены новые инструменты для Патриаршего скаутского оркестра в Марьямие взамен старых, пострадавших при бомбежке.

Благодаря поддержке Русской Православной Церкви Антиохийский Патриархат оказал помощь священнослужителям и малоимущим семьям из Алеппо и Антакии (Турция), храму Мар Ильяс в районе Дувайлия (пригород Дамаска), монастырям Святого Георгия Победоносца в Саднае, Пресвятой Богородицы в Блеммане, святого Георгия Победоносца (Аль-Хумейра), закуплены продовольственные пакеты и медикаменты семьям из Дамаска, Долины христиан, Латакии, Тартуса, Хомса, проведено более 50 хирургических операций.

При решающем российском участии на завершающей стадии восстановления на данный момент находятся храм святого Георгия Победоносца и частная общинная школа в Арбине, а также храм Успения Пресвятой Богородицы в Аз-Забадани. В качестве нового объекта для восстановления выбран храм с находящейся при нем школой в пригороде Дамаска Дарайе.

Завершена комплектация медицинского оборудования для Патриаршего госпиталя «Аль-Хосн», приобретен и доставлен высококачественный томограф и многое другое. Госпиталю «Аль-Хосн» оказывается содействие в обеспечении материально-технического оснащения в части закупки оборудования и помощи в завершении строительства нового корпуса. Планируется оказать помощь в

организации поездок в Россию медицинских работников в целях обмена профессиональным опытом.

При участии Фонда поддержки христианской культуры и наследия осуществляются гуманитарные проекты и на территории Ливана. В результате взрыва, прогремевшего в порту Бейрута 4 августа 2020 года, большой ущерб нанесен многим храмам и зданию Бейрутской митрополии. Русской Православной Церковью направлена помощь для восстановления здания Бейрутской митрополии, храма святого Димитрия в районе Ашрафия и колледжа в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

В результате затяжного политического и экономического кризиса в тяжелом положении оказались некоторые епархии Ливана. Русской Православной Церковью оказана помощь средней православной школе в Марджаауне (Тирско-Сидонская митрополия). Оказана помощь для закупки продуктов питания для малоимущих семей Захлейско-Бальбекской митрополии, а также для строительства православного храма в русском стиле в городе Захле.

Мы продолжаем на постоянной основе наблюдение за ситуацией и привлечение внимания мировой общественности к проблеме преследований христиан. В связи с чередой кровопролитных конфликтов христианские общины древних библейских земель оказались беззащитны под натиском терроризма и экстремизма. Прикрываясь исламскими лозунгами, боевики преследовали цель уничтожить не только христиан как таковых, но и всякие следы их двухтысячелетнего присутствия. Отдел внешних церковных связей проделал серьезную работу для того, чтобы тема защиты прав христиан постоянно поддерживалась в публичном пространстве. Проблема гонений на христиан обсуждалась и во время встреч с влиятельными политическими или религиозными лидерами из разных стран мира, особенно из исламских государств, и в рамках официальных диалогов Московского Патриархата с Организацией по культуре и исламским связям Ирана, с Управлением по

делам религий Турции. Проблема защиты христиан всегда была одной из приоритетных в диалоге с международными организациями и властями западных стран.

В марте 2015 года в Совете по правам человека ООН 65 государств приняли первую в своем роде резолюцию в поддержку ближневосточных христиан, инициатором которой выступил Московский Патриархат. С 2015 по 2019 год в Афинах и Будапеште прошли четыре международных форума, посвященных гонениям на христиан, а также религиозному и культурному плюрализму и мирному сосуществованию на Ближнем Востоке. Русская Православная Церковь принимала деятельное участие в этих мероприятиях. 20 июня 2018 года в Москве состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Антониу Гутерешем, в ходе которой Святейший Патриарх особо отметил тяжелое положение христиан в различных регионах мира.

По приглашению Московского Патриархата Россию многократно посещали предстоятели общин, подвергающихся гонениям: Антиохийской, Коптской, Сирийской Православной, Эфиопской и других Церквей. Святейший Патриарх Кирилл лично ходатайствовал перед властями Ирана, Пакистана и Судана о помиловании приговоренных к смерти христиан. Никто из них не был казнен, некоторые получили свободу.

По предложению Отдела ближневосточные христианские иерархи приглашались для участия в международных межрелигиозных конференциях в России, где они могли громко заявить об интересах своей паствы. Одним из таких примеров можно назвать форум «Пути достижения межрелигиозного мира», проходивший 25 марта 2019 года в Москве.

И если относительно Сирии можно констатировать, что отток христиан оттуда приостановился, то положение наших братьев и сестер во многих странах Африки стало поистине трагическим в последние годы. Именно

Африка — континент с наиболее динамично растущим христианским населением в мире — стал тем регионом, где больше всего христиан убивают за веру. Особенно трагично развивается ситуация в Эфиопии, Мозамбике, Демократической Республике Конго, Кении, Уганде, Нигерии и соседних с ней странах. Нигерия вообще заняла первое место в мире по уровню антихристианского насилия.

Русская Православная Церковь предпринимает активные усилия, направленные на защиту христиан Африки. Как правило, факты гонений являются безнаказанными, замалчиваются СМИ и остаются почти не известными в мире. В связи с этим одной из первостепенных форм поддержки христиан Африки является донесение информации об их бедственном положении до широкой мировой общественности. ОВЦС занимается мониторингом этой ситуации и реагирует на факты геноцида христиан.

Так, в 2019–2020 годах, когда случилась серия погромов храмов, убийств священников и верующих в Эфиопии, по просьбе Эфиопской Церкви Московский Патриархат организовал информационную кампанию в СМИ с целью привлечь внимание к этой проблеме, что имело свой положительный эффект. Ранее Эфиопию посетила делегация церковных и светских СМИ из России во главе с секретарем ОВЦС по межхристианским отношениям.

В декабре 2019 года Святейший Патриарх Кирилл направил Патриарху Эфиопскому Абуне Матфию письмо с выражением поддержки и просил государственное руководство Эфиопии защитить ее христиан. Следует отметить, что в последнее время факты преследований христиан за веру в Эфиопии больше не отмечаются. Однако теперь остро стоит вопрос об оказании гуманитарной помощи пострадавшим и беженцам.

Отдел внешних церковных связей также поддерживает постоянные контакты с христианами других африканских стран — Нигерии, Камеруна, Ганы, Руанды, Нигера, Демократической Республики Конго, Центрально-

Африканской Республики. Представители ряда Церквей экваториальной Африки уже посетили Россию для проведения консультаций.

Важным событием для систематизации работы Русской Церкви на данном направлении стало проведение в декабре 2020 года международной онлайн-конференции «О положении христиан в Африке», на которой, в частности, выступил Коптский Патриарх Тавадрос II, представители Церквей экваториальной Африки и Всемирного совета церквей. Выступая на этом мероприятии, я призвал к альянсу все заинтересованные силы, чтобы встать на защиту гонимых христиан в Африке. Ранее во взаимодействии с Министерством иностранных дел России нами было инициировано предложение, чтобы вопрос гонений на христиан был внесен в повестку Саммита «Россия — Африка». Не стоит забывать, что в некоторых странах Африки, таких, как Ливия и Сомали, уже практически не осталось христианского населения. Работа Отдела внешних церковных связей на африканском направлении будет и далее усиливаться.

Говоря о других задачах, входящих в сферу деятельности Отдела, не могу не упомянуть диалог со старообрядчеством. Преодоление трагического разделения, произошедшего в XVII веке, является конечной целью этого диалога, который пока не имеет формального характера. Председатель Отдела возглавляет Комиссию по взаимодействию со старообрядчеством, в рамках которой обсуждается также и проблематика старообрядных приходов внутри Русской Церкви. Под эгидой Отдела действует Патриарший центр древнерусской культуры, созданный на базе московского храма Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове с целью консолидации деятельности старообрядных приходов.

Еще одна из задач, стоящих перед Отделом внешних церковных связей, — поддержка церковно-государственного диалога. Он является одной из важных составляющих

свидетельства нашей Церкви, обращенного к внешнему миру.

Особой задачей Отдела является забота о соотечественниках, проживающих за рубежом. Этот труд мы совершаем совместно с Управлением Московской Патриархии по зарубежным учреждениям, а также с Министерством иностранных дел России, Россотрудничеством и фондом «Русский мир».

Одним из инструментов свидетельства нашей веры в современном мире является участие церковных представителей в диалогах России и зарубежных стран по линии гражданских обществ, в широком гуманитарном сотрудничестве, в мероприятиях духовного характера, осуществляемых в разных частях света в тесном взаимодействии Церкви с Министерством культуры и Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Русская Православная Церковь является неотъемлемой частью международного сообщества, занимает в нем свое место, а потому продолжит вносить вклад в решение многих проблем, беспокоящих людей, содействовать прекращению вооруженных конфликтов, добрососедским отношениям между народами, справедливому мироустройству, социальной справедливости, умножению добра и богозаповеданной правды в человеческом общежитии.

Выступая пять лет назад на торжественном акте, посвященном 70-летию Отдела, я подчеркнул, что у Отдела нет иных интересов, кроме интересов всей Церкви. Отдел работает по очень простой схеме: Священноначалие Церкви в лице Святейшего Патриарха и Священного Синода является «заказчиком», мы же — исполнители. По-другому и быть не может, поскольку ОВЦС — служебный орган, полностью подконтрольный Священноначалию.

Это же я хотел бы повторить и ныне, в год празднования 75-летия Отдела. У ОВЦС нет какой-то своей повестки, которая отличалась бы от общецерковной. И мы не определяем политику Церкви в сфере внешних церковных

связей — ее определяет Священноначалие: Архиерейский Собор, Священный Синод во главе с Патриархом. Непростые, но неизбежные решения о неучастии нашей Церкви в Критском Соборе, о разрыве евхаристического общения с Константинопольским Патриархатом, об удалении из диптихов тех Предстоятелей Поместных Церквей, которые признали украинский раскол, принимались Священным Синодом. И все другие ключевые решения в области внешних церковных связей принимаются Синодом с последующим одобрением Архиерейским Собором. Задача же Отдела заключается в том, чтобы готовить эти решения, а потом разъяснять их всему миру. И, конечно, делать все возможное для того, чтобы интересы Русской Церкви были во всех случаях соблюдены.

Есть то, что от нас зависит, а есть то, что от нас не зависит. От нас не зависит внешнеполитическая ситуация. Это данность, из которой мы вынуждены исходить, и мы не можем на нее повлиять. Очевидно, что ситуация вокруг России не может не сказываться и на ситуации вокруг Русской Церкви. Враги часто оказываются общими. И хотя наша Церковь многонациональная, имеет епархии и приходы в разных государствах, недоброжелатели отождествляют ее с российским государством, объявляют едва ли не «пятой колонной» в других странах. И это тоже данность.

Но есть то, что от нас зависит, на что мы можем повлиять. В нынешних обстоятельствах особое значение приобретают защита чистоты православной веры, отстаивание святоотеческого понимания соборности в Православной Церкви, свидетельство о чистоте православной веры перед лицом инославного сообщества, защита гонимых христиан, диалог с представителями иных традиций и религиозных конфессий.

Все эти задачи, стоящие перед нами сегодня, как и те, которые встанут перед нами в дальнейшем, Отдел внешних церковных связей будет решать под руководством Святейшего Патриарха и Священного Синода.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

*Иеромонах Александр (Галушка)**

**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К ПРАВОСЛАВНЫМ И УНИАТАМ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Основная цель предлагаемой статьи — на основе архивных документов и материалов периодики выявить особенности взаимоотношений государства и двух христианских конфессий (Православная Церковь, Греко-католическая церковь) в Чехословакии во второй половине XX в. После Второй мировой войны Чехословакия вошла в число стран народной демократии, попала под мощное влияние СССР, и это сказалось на особенностях религиозной политики государства. Среди основных событий антицерковной политики властей Чехословакии анализируется движение «католицизм без Ватикана», которое, по мнению его организаторов, должно было положить конец зависимости социалистической Словакии от буржуазного Запада, значение Прешовского собора 1950 г. для современной церковной истории Словакии. После собора, контролируемого властями, был наложен запрет на деятельность униатской церкви, что значительно осложнило взаимоотношения униатов и православных. В 1968 г. государство возобновило

* Автор — аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

деятельность униатов, провоцируя этим рост имущественных вопросов между православными и униатами. В статье впервые в отечественной науке, в том числе и на основе неизвестных российским ученым словацких источников, приводятся имена пострадавших за Церковь. Поскольку большая часть православных после распада Чехословакии оказалась на территории Словацкой республики, особое место в работе отводится анализу правовых, законодательно оформленных отношений между Православной Церковью и правительством Словацкой республики. Автор в своих исследованиях опирается на выводы ведущих церковных историков современной Словакии, цитирует источники на словацком языке, малодоступные российским ученым.

Ключевые слова: история Церкви, государство и Церковь, Православная Церковь, Чехословакия, Словакия, Греко-католическая церковь, Прешовский собор, гонения.

Говоря о взаимоотношении государства и основных религиозных конфессий в Чехословакии после Второй мировой войны, нельзя не принимать во внимание, что страна в этот период оказалась в лагере государств народной демократии и была вовлечена в сферу влияния СССР. Коммунисты уже с начала своего правления пытались подчинить себе все сферы общественной жизни, исключением не была и религиозная жизнь общества.

Одной из главных и первых задач государства в сфере церковного регулирования стало создание местной Католической церкви, независимой от Ватикана¹. Но католические епископы и священнослужители не поддерживали эти намерения и всеми силами сохраняли свою связь со Святым Престолом. Хотя и было создано движение за «католицизм без Ватикана», в котором участвовали и некоторые католические клирики, оно не стало достаточно сильным и влиятельным. А после того как Римский Престол подверг экскомуникации всех, кто принимал участие в таком движении, влияние этой группы людей на общество практически прекратилось.

Поскольку партийные деятели не могли согласиться с таким течением событий, Католическая Церковь была подвергнута преследованиям, которые отразились и на других конфессиях в государстве, где проявление любой религиозности было нежелательным, а церковная жизнь находилась под тотальным контролем властей. Чтобы ослабить влияние католицизма, государственные власти решили прекратить деятельность связанной с ним и Греко-католической церкви. По образцу СССР, где была «отменена» Брестская уния, в Румынии и в Чехословакии, странах народной демократии, были приняты подобные меры против униатов: «В апреле 1947 г. Карпов² однозначно дефинировал намерение ликвидации униатских церквей в СССР и странах Восточной Европы в рамках реализации планов для ослабления позиции Ватикана» [2. С. 140].

Чтобы дискредитировать греко-католическое духовенство, власти обвиняли его в сотрудничестве с бандеровцами, и греко-католический клир был определен как в высшей степени радикальный.

При поддержке властей 28 апреля 1950 г. в Прешове состоялся Собор греко-католического духовенства и мирян, на котором был принят манифест, носящий анти-католический характер, а также было принято решение об отмене Ужгородской унии. Хотя *de facto* уния была отменена от лица греко-католического клира и верующих, сегодня мало у кого возникают сомнения, что упоминаемый Прешовский собор был политизированным. Известно, что в коммунистической среде процесс разрушения и упразднения Греко-католической церкви был назван Акция «П» (*Akcia „P“*).

Решение собора было официально принято властями, и 28 мая 1950 г. Греко-католическая церковь была запрещена, а верующим рекомендовалось присоединиться или к Православной, или к Римско-католической Церквам. Имущество униатов было передано православным. «Ор-

ганы государственной власти руководствовались прежде всего своими атеистическими интересами ... их целью было ослабление и конечная ликвидация религиозной жизни в Словакии» [3. С. 42]. Но еще до 1950 г. инициативная часть греко-католического духовенства и мирян решила перейти в Православную Церковь.

Православная Церковь в эту намеренно подготовленную коммунистической партией акцию по упразднению деятельности униатов оказалась вовлечена не по своей воле. Она не имела ни средств, ни условий для катехизации и окормления такого количества оказавшихся в ее лоне пасомых. Церковь в возникшей ситуации делала всё возможное, чтобы верующие люди не остались без богослужений, особенно в то время, когда остро стоял вопрос об уничтожении всей церковной жизни в стране.

Государственным отделом по делам религии 13 февраля 1952 г. был издан указ №20285/51-II/1 об изъятии недвижимого имущества бывшей Греко-католической церкви. На основании этого указа и решения Собора греко-католического духовенства и мирян от 1950 г. имущество Греко-католической церкви перешло к Православной Церкви. Напряженные отношения православных с униатами еще более накалились. Как свидетельствует профессор Милан Герка, «Православная Церковь служила там, где ее просили. Такая ситуация была почти в 90% приходов» [3. С. 43].

Чистота Православия в результате проводимой властями политики также значительно пострадала. Привычное бытование Церкви было нарушено новыми верующими, которые зачастую были только официально и насильственно переведены в Православную Церковь, и вместе с новыми чадами в деятельность Церкви были привнесены многие западные новшества и униатские практики, в полной мере не изжитые Православной Церковью в этом регионе и сего дня. Результатом подобных процессов стала возросшая негативная реакция

в обществе, с которой Православная Церковь столкнулась из-за грубого вмешательства государства в религиозную жизнь. Таким образом, как Греко-католическая церковь, так и Православная стали жертвами коммунистического режима, о чем неоднократно иерархи обеих конфессий свидетельствовали.

Лишь на первый взгляд может показаться, что Православная Церковь в этой ситуации получила определенные преференции, оказалась в выгодном положении по сравнению с другими конфессиями. Жизнь и деятельность Православной Церкви, также как и любой другой религии в Чехословакии, находилась под жестким присмотром церковных комиссаров, поставленных государством. И на этом крестном пути в стране появились свои исповедники, пострадавшие за веру. Так, например, создавая приход и окормляя паству, священник, не следовавший приказам государственной власти, часто бывал вынужден покинуть место и прекратить служение. Подобный случай произошел, например, с православным священнослужителем Михаилом Кернашевичем в приходе Стакчин.

Протоиерей Дезидер Шудих, главный vikарий Православной епархии в Прешове, был отправлен в ссылку и осужден на пребывание в рабочем лагере Милов всего лишь на основе подозрения в сотрудничестве с врагами социализма.

Протоиерей Гавриил Путраш, настоятель православной церковной общины Десна у Йезерских гор, был приговорен к 15 годам тюремного заключения в Пражской тюрьме на Борех за то, что будто бы тайно переводил граждан через границу в Западную Германию. Домой он вернулся больным стариком в возрасте 60 лет. Священник потерял дом и 2 года работал подсобным рабочим в цветочном магазине под постоянным наблюдением ŠtB (Служба государственной безопасности Чехословакии — аналог советского КГБ). Только после этого ему было разрешено вернуться к служению в церкви. Священник

Юрий Гаврила, настоятель православной церковной общины д. Куров, был нежелательной персоной для органов государственной власти: его считали врагом коммунистической партии.

Священник Юрий Коцо был арестован только из-за того, что критически высказывался о существующем режиме.

Под подозрением властей оказался и игумен Олег (Иванов), который был заключен на 12 лет в тюрьму в Леопольдове.

К примерам преследования священства со стороны государства можно отнести давление (а часто и наказания священства) со стороны церковного секретаря районного национального комитета³. Это случалось, когда священник превышал время, положенное для совершения богослужения или катехизации. Обычно секретарь оказывал давление на местного епископа, заставляя его перевести такого священника на другой приход, кроме этого снижалась его зарплата.

Так, у протоиерея Василия Чокину, настоятеля православной церковной общины Нижняя Яблонка, было отнято право на совершение богослужений только из-за того, что он превысил отведенное для их совершения время.

Протоиерея Яна Новака, настоятеля церковной общины Словинки, на три месяца лишили зарплаты. После этого у него было отнято государственное разрешение совершать богослужения из-за его нелояльности к властям. Кроме этого, ему было запрещено проживать в Спишской Новой Веси (районный центр) и вообще посещать этот регион. Преследования относились также и к членам его семьи: его матушку проверяла ŠtB, при этом ей угрожали, а дочь лишили права учиться в средней школе и получить образование в вузе.

Священники Георгий Кратюк и Василий Стрижак, которые служили в Праге, подвергались преследованиям

из-за неподчинения органам государственной власти. Им было запрещено служить в Праге, и епископ должен был перенаправить их на другие приходы.

Архимандрит Андрей (Коломацкий) был вынужден покинуть пределы Словакии из-за подозрения в неподчинении властям, его постоянно проверяла ŠtB.

Преследованию также подвергался и протоиерей Ладислав Билий, он был проверен ŠtB, и ему было отказано в возможности совершения богослужений. Протоиерею Микулашу Обровскому, настоятелю прихода в Яромнежи, запретили служить и дали такую характеристику, что впоследствии никто не брал его на светскую работу.

Его Преосвященство Никанор, епископ Михаловский, был вынужден покинуть пределы Словакии из-за подозрения во враждебности к органам государственной власти.

Преследованию подвергались и сотрудники Православного богословского факультета: Преосвященнейший Николай, епископ Прешовский, Иосиф Кизак, Штефан Балог, Радивой Яковлевич и другие. Все они были вынуждены уйти с факультета. Одним из видов преследования был запрет на поступление на Богословский факультет, если, по мнению властей, родители абитуриента имели враждебное отношение к социалистической власти. Преследованиям и в конечном итоге отчислению подвергались и студенты-семинаристы, если их родители были подозреваемы в нелояльности к властям⁴.

В 1968 г. коммунистическая власть под давлением общества и международного влияния была вынуждена вновь разрешить существование в Словакии Греко-католической церкви. Это событие, безусловно, вызвало хаос и недоумение у многих верующих на приходах. Начались многочисленные имущественные споры.

Отношения между Православной и Греко-католической Церквами и в прошлом не были дружескими, а со временем постепенно ухудшались. По мнению словац-

кого историка Михаила Барновского (*Michal Barnovský*), «в прошлом она [напряженность между церквями. — *Авт.*] не отражалась на отношениях между людьми и серьезно не нарушала сосуществования греко-католического и православного населения Восточной Словакии. Только после двух десятилетий, в 1968–1969 гг. верующие обоих вероисповеданий были вовлечены в конфессиональные конфликты» [5. С. 142].

Типичной стала ситуация, когда в деревне стоял один храм, построенный всеми жителями. После разделения верующих на православных и греко-католиков на него стали претендовать и те и другие, поскольку их деды и отцы трудились при его строительстве. Там, где приходы полностью перешли в унию или остались православными, положение было более или менее спокойным. В смешанных же приходах возникали споры за право пользования храмом. Правительством были созданы окружные смешанные комиссии, которые решали, кому принадлежит храм. Очевидно, что решения таких комиссий не были объективными. Споры решались и договорами о совместном пользовании храмом, но компромисса достигнуть было непросто, поскольку униаты не соглашались на такие решения. Там, где такой договор был принят, споры продолжались, перед православными закрывали двери храмов, меняли замки.

После 1968 г. началось новое преследование православных. Так, власти выгнали всех православных из Врановского округа, и этом регионе были закрыты 77 православных приходов. Православным в этих местах запрещено было совершать богослужения, даже отпевать умерших. Верующие, желающие участвовать в богослужении и не захотевшие для этого перейти в унию, вынуждены были посещать православные храмы в соседних округах. Всё осложнялось и тем, что власти не разрешали совершать богослужения в других местах, кроме храмов, которые у православных отнимали, и при этом оставался государ-

ственный запрет на строительство новых. Такая ситуация продолжалась до 1990-х гг. Разногласия на приходах были постоянными, и редко удавалось их уладить мирным путем.

В 1989 г. рухнула коммунистическая власть, но церковные споры в Восточной Словакии продолжались. В начале 1990-х правительство Чехословацкой федеративной республики и представители государственной власти в Словацкой части федерации попытались разрешить напряженную религиозную ситуацию. В основном проблема касалась Восточной Словакии, где больше всего было православного и греко-католического населения.

29 мая 1990 г. Словацкий Национальный совет принял Закон № 211 «О регулировании имущественных отношений между Греко-католической и Православной Церковью (*o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou*)». В законе было обозначено, что недвижимое имущество на территории Словацкой республики, которое было до 28 апреля 1950 г. собственностью Греко-католической церкви и на основании решения Государственного совета по делам религии в Праге передано в собственность Православной Церкви, становится имуществом Греко-католической церкви.

В результате действия этого закона Православная Церковь потеряла примерно 80% своей недвижимости, в основном храмов и приходских домов. Православные верующие не хотели их добровольно отдавать, многие из этих храмов в 1950-е гг. были переданы верующим в плохом состоянии, и православные за эти годы их полностью отреставрировали.

Чада Православной Церкви в своих мыслях и действиях руководствовались идеей, что «...католицизм и нынешняя власть забывают про то, что до насильственного введения унии все храмы были православными. И если люди вместе с этими храмами вернулись в Православную Церковь, то храмы должны были остаться православными, чтобы таким образом была восстановлена историческая

справедливость, пострадавшая в свое время от Римско-католической Церкви» [6. С. 30].

Из-за споров и конфликтов храмы передавались под строгим наблюдением полиции и армии. Так, например, было в г. Межилаборце, в д. Суков, где полиция проявила силу и забрала в полицейский участок несколько верующих, охранявших храм.

В д. Кленова отказались исполнять распоряжение суда, согласно которому православные верующие должны были освободить и сдать храм к 10 ноября 1994 г. Православные целую ночь молились в храме и охраняли его. Ситуация напоминала военное противостояние: присутствовали 80 представителей вооруженных сил с собаками. Тем не менее в этот день храм не был снят у православных, и после переговоров с участием юриста, местного священника и старосты процесс был временно остановлен⁵. Стоит отметить, что в Кленовой православных верующих было большинство.

В г. Стropков униаты вторглись в храм, бывший в совместном пользовании, испортили в нем всю православную утварь, проникли в приходской дом, когда православного священника не было дома, и всю утварь выставили на улицу, а запасные Святые Дары из дарохранительницы на престоле просто выбросили⁶.

Храмы у православных были отобраны и в тех приходах, где вообще не было униатов или их было совсем мало.

В 1990-х гг. был снят запрет на строительство новых храмов, религиозных объектов и приходских домов, и это дало толчок активному храмовому строительству в Словакии⁷. В целом было построено около 130 церквей. Стоит отдать должное государственным властям, которые в этой непростой ситуации значительными финансовыми средствами помогли православным церковным общинам при строительстве новых храмов.

20 декабря 2000 г. был принят и торжественно подписан документ «О разрешении имущественных споров

между Греко-католической церковью, Православной Церковью и Правительством Словацкой республики» и закон Председательства Словацкого национального совета № 211/1990, в котором констатируется факт, что споры о имуществе всех упоминаемых субъектов решены, ни одна из сторон не имеет претензии и согласна с решением имущественного вопроса между всеми сторонами.

Литература

1. Čitbaj F. Unionizmus a ekumenizmus na území tzv. Prešovska v 20. Storočí // Coranič J. – Šturák P. : Gréckokatolícka cirkev na Slovensku vo svetle storočí. Prešov, 2009. С. 161–173.
2. Мурашко Г. Коммунистические партии и Католическая Церковь Восточной Европы в послевоенных политических реалиях. 1944–1948 гг. // Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы 1939–1958. М., 2003. С. 126–143.
3. Gerka M. Slovinský anjel, Z dejín pravoslávnej cirkevnej obce Slovinky. Slovinky, 2009. 70 с.
4. Švajko M. Stanovisko Prešovskej pravoslávnej eparchie v Prešove, Pravoslávnej Cirkvi na Slovensku ku kauze tzv. kandidatúry pravoslávneho duchovného z okresu Snina za KSS do jesenných parlamentných volieb // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 2002. Roč. XLVIII. С. 44–45.
5. Barnovský M.: Gréckokatolícka a Pravoslávna cirkev na Slovensku v rokoch 1945–1950 // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006. С. 277–288.
6. Tkáč P. Memento Medzilaborce // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 1992. Roč. XXXVIII. С.30.
7. Veriaci Pravoslávnej cirkevnej obce Klenová.: Utrpenie pravoslávnych veriacich v Klenovej // Odkaz sv. cyrila a Metoda. 1995. Roč. XLI. С. 25–26.
8. Mihali L. Zneuctenie v Stropkove // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 1992. Roč. XXXVIII. С. 58–59.
9. Cuper J. Výstavba pravoslávneho chrámu v Humennom pokračuje // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 1992. Roč. XXXVIII. С. 149–150.

Примечания

¹ См. подробнее [1. С. 161].

² Карпов Георгий Григорьевич — с 1943 по 1960 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров (позже — Совете министров) СССР.

³ В каждом районе государством был назначен секретарь районного национального комитета по религиозному вопросу

⁴ См. подробнее [4].

⁵ См. подробнее [7].

⁶ См. подробнее [8].

⁷ См. подробнее [9].

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

*Епископ Новокузнецкий и Таштагольский Владимир**

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ И СОВЕТСКОЕ ЛЕТОПИСЕВЕДЕНИЕ: КОНФЛИКТ ПОДХОДОВ

В данной статье представлены взгляды русских историков советского периода XX и позднего имперского периода конца XIX в. на летописи XIV в. и влияние идеологии на разногласия ученых в оценке достоверности летописей в корпусе источников российской истории эпохи Средневековья.

Ключевые слова: советская историография, летописи XIV века, церковные летописи, великокняжеские своды, великокняжеская канцелярия, митрополичья канцелярия, атеизм, феодалы, феодальная раздробленность, Лаврентьевская летопись, Тверское княжество, Московское княжество, общерусский свод.

Русские летописи XI–XVIII вв. являются важнейшим историческим источником для понимания устройства России и других восточнославянских земель периода

* Автор — слушатель Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

с IX до XVIII в. Большая их часть, к сожалению, не смогла дойти до нас в оригинальном виде, однако многие из них сохранились в более поздних редакциях или «внутри» других произведений данного периода. Многие историки с XIX в. до настоящего времени занимаются их обнаружением, изучением и систематизацией. Однако в рамках данной статьи будет рассмотрена историография летописей середины XIII — начала XV в. позднего имперского и советского периода России. Данный временной промежуток был выбран по той причине, что история не должна стоять на месте, а постоянно переосмысливаться ввиду открываемых новых знаний по тем или иным вопросам. Помимо этого, необходимо установить, не нанесла ли атеистическая идеология Советского государства какой-либо ущерб объективности воззрению историков на те или иные вопросы. В данном случае — на подход к изучению летописей.

Прежде чем переходить непосредственно к советской историографии, необходимо кратко осветить те способы анализа летописей, которые были присущи историкам прошедшего периода, так как они так или иначе имели свое воздействие на советских историографов.

Фактически в XIX в. не было четкой методологии изучения летописей, большей частью исследователи ориентировались на мнение известных историков. На тот момент преобладающим было мнение так называемой «сшивки», при котором все летописи воспринимались как некое собрание сочинений разных авторов и не имели какого-либо сходства между собой, соответственно их можно было рассматривать отдельно друг от друга. Такое мнение было присуще, к примеру, П.М. Строеву [1. С. 37–39] и К.Н. Бестужеву-Рюмину [2. С. 79–81]. Ошибка данного мнения заключалась в том, что раз летописи были составлены разными авторами, то они должны были являться непосредственными участниками описываемых событий и, следовательно, в общем летописи являются до-

стоверным источником. Однако в конце XIX в. появляются исследования знаменитого А.А. Шахматова [3], первым показавшего, что летописи имеют под собой более древний аналог или источник. Поэтому, соединяя их между собой, можно открыть новые источники, не дошедшие до нас в оригинальном виде. Так, при исследовании «Повести временных лет» [4] и «Новгородской первой летописи» [5], он открыл существование «Начального свода», основываясь на том, что и в «Повести...», и Новгородской летописи отсутствуют упоминания важных для Руси событий, таких, как например, заключение договора с греками в X в. [3. С. 285–297], имеющих в других источниках.

Данный практический метод использовался и советскими историографами, однако с некоторыми особенностями. Одним из ведущих историков начала советского периода был М.Д. Приселков [6], который в 1917 г. был делегатом от Петроградского университета на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, что не могло не отразиться на отношении к нему других историков советского периода. Главными его работами являются реконструкция и изучение летописей XIV–XV вв., в частности Троицкой летописи [7], речь о которой пойдет ниже. Его наработками активно пользовались и советские историографы, однако интересно то, что они могли и критиковать друг друга за использование дореволюционных трудов, о чем также будет сказано ниже.

А.А. Шахматов, говоря о летописях XIV в., считал, что «единственным центром, где могло появиться это дело в общих интересах, был двор митрополита, с 1300 г. перенесенный из Киева во Владимир» [8. С. 19]. Однако это не означает, что лишь город Владимир мог заниматься летописанием. В Новгороде продолжается формирование Новгородской первой летописи, которая известна в двух редакциях [5]; также была сформирована Новгородская пятая (Карамзинская) летопись, которую изучал Я.С. Лурье [9]. В Галицко-Волынском княжестве была сформиро-

рована Галицко-Волынская летопись, которая изучалась В.Т. Пашуто [10] и В.А. Кучкиным [11]. Отдельно стоит великокняжеский общерусский свод, который составлялся в Тверском княжестве под начальством князя Михаила Тверского в 1305 г. Тогда же составляется и общерусский свод. Позднее оба этих сочинения входят в так называемый Владимирский полихрон XIV в. [12. С. 191–192]. И здесь стоит рассмотреть летописи Тверского и Московского княжеств поподробнее, так как они неразрывно связаны.

Исторические события сложились весьма интересно: после восстания Твери в 1327 году и разорения ее татарами, княжеский Тверской свод попадает в Московское княжество, летописцы которого продолжают записи. Но до этого момента политическая власть Москвы не была значительна, поэтому Московские летописи до XIV в. или не сохранились, или не писались вовсе. Однако Л.Л. Муравьева, соглашаясь с теорией А.А. Шахматова о наличии у летописей более древнего источника, всё же считает, что до перенесения Тверского свода в Москву существовал некий свод, который вел летописец княжеского рода Даниловичей, относящийся к началу XIV в., т.е. до момента возвышения Москвы, и, скорее всего, написанный в Даниловом монастыре [13. С. 120]. Однако формирование летописных сводов историографы XX в. относят лишь к двум событиям: или постройка Успенского собора в 1327 г. [14], или основание Спасского монастыря в 1330 г. [15. С. 92–134].

Главным событием для русского летописания является переезд митрополита Петра в 1326 г. в Москву, так как вместе с ним в этот город приезжает и митрополичье летописание. Фактически завершением Тверского свода можно считать 1340 г., когда на свет появляется Московский летописный свод [16], который, по мнению Л.Л. Муравьевой, подводит итоги правления Ивана Даниловича Калиты. Также она выделяет отдельным пунктом,

что данный исторический памятник и его продолжатели, Московские своды 1359, 1375 и 1389–1392 [16] гг. имели церковно-государственный характер и велись, скорее всего, при дворе митрополита [13. С. 153–159].

Отдельным пунктом нужно выделить споры вокруг «Троицкой летописи» [7], оригинал которой сгорел в пожаре Москвы 1812 г. и был впоследствии частично реконструирован М.Д. Приселковым. Проблема состоит в том, что одни историки считали, что данный памятник писался под непосредственным надзором церковного иерарха, на тот момент это был митрополит Фотий [13. С. 193]. К такому выводу они пришли, поскольку характер рукописи схож с работами иноков Троицкого монастыря. В то же время другие историки говорили, что иерарх не был ни создателем, ни вдохновителем данного свода [17. С. 43–60]. Сама же рукопись была воссоздана при помощи двух летописей, которые копировали свод, — Симеоновской [18] и Рогожской [19]. При этом про последнюю историк Г.М. Прохоров говорил, что она является одним из самых авторитетных исторических источников по истории Руси периода XIV в. [20. С. 51].

Немного осветив виды летописей и их возникновение, можно более детально рассмотреть отношение к ним советской историографии. Как уже было сказано выше, основными историками, на которых ссылались большинство ученых советского периода, были А.А. Шахматов и М.Д. Приселков, при этом последний из них смог застать две эпохи — императорскую и советскую. Он же четко выделил то, что поручалось изучать его будущим научным потомкам: «В кратком курсе истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» мы читаем (стр. 116): «Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться

историей производителей материальных благ, историей народов» [6. С. 3]. В некотором роде данное высказывание имеет право на существование, так как в то время Русь находилась в состоянии феодальной раздробленности, и ведущими политическими фигурами на тот момент являлись феодалы в лице представителей княжеских родов. Описание последних и отражалось в летописях. Именно поэтому часть советских историков, о которых речь пойдет ниже, воспринимала некоторые летописи лишь как литературное наследие древности, не могущие претендовать на историческую обоснованность. Данный взгляд, конечно же, неправильный, так как даже литературные памятники несут в себе этимологическую и филологическую ценность для исторической науки. Для отображения столкновения мнений между советскими историографами относительно летописей XIV в. в пример предлагаются их мысли относительно Галицко-Волынской летописи [21].

Основные работы по изучению данной рукописи принадлежат В.Т. Пашуто. Издав свою первую работу в 1950 г. под названием «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», он столкнулся с известным историком М.Н. Тихомировым. Акцент необходимо сделать на мнении последнего, так как он был признанным специалистом в исторической науке, издавшим в 1962 г. фундаментальный труд «Россия в XVI веке» [22]. Будучи действительным членом Академии наук СССР, он возглавлял работу советских археографов по поиску и систематизации малоизученных или неизвестных рукописей. Он критически относился к трудам А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова, возможно, по причине их принадлежности к дореволюционной исторической школе. В диалоге с В.Т. Пашуто М.Н. Тихомиров говорит, что историк при изучении Галицко-Волынской летописи подвергся влиянию дореволюционных историков, которое выразилось в том, что Пашутин использовал в своих работах не только княжеские, но и митрополичьи и церковные летописи,

что, по мнению Тихомирова, привело его к переоценке значимости Церкви в летописании [23. С. 158]. Эту позицию поддерживали также И.П. Еремин [24. С. 102–117] и А.А. Зимин [25]. Против этого мнения, помимо вышеупомянутого В.Т. Пашуто, высказывались также и Я.С. Лурье [9. С. 84], Б.А. Рыбаков [26. С. 349] и Л.Л. Муравьева [13. С. 141].

Необходимо выяснить, почему же сторонники советской идеологии считали роль Церкви в летописании переоцененной. Здесь нужно вспомнить, о чем выше уже неоднократно писалось, что основатели советской практики по изучению летописей имели отношение к дореволюционной России, а значит к Церкви, поэтому использование церковных источников XIV в., по их мнению, могло дискредитировать историков как ученых в советском атеистическом государстве. Поэтому они старались обходить стороной или не упоминать тот факт, что, так или иначе, при работе с летописями использовались наработки прошлого периода, неразрывно связанного с Церковью. При этом многие из них относили практически все церковные летописи лишь к агиографическому наследию Руси, которое не может претендовать на историческую достоверность [25].

Другая же партия историков, естественно, использовала церковные летописания XIV в. для лучшего понимания эпохи. Аргументация этого подхода базировалась на следующем: основными малыми политическими центрами так или иначе являлись монастыри. Это означало, что каждый более-менее крупный монастырь владел своим летописным сводом: в Пскове летописание велось сначала при Псковском Троицком соборе, в дальнейшем рукописи были перенесены в Псково-Печерский монастырь, где и продолжилось летописание, дошедшее до настоящего времени в двух Псковских летописях; Троицкая летопись, формировавшаяся в Троице-Сергиевом монастыре и т.д. [27. С. 193] Было разительное отличие великокняжеских

летописей от церковных: задачей первых было показать величие и историческую значимость князя, его генеалогическое древо, вследствие чего бытовая жизнь населения освещалась в подобных летописях нечасто, акцент делался на политическом участии того или иного лица в истории княжеств и, естественно, могли быть освещены события общерусского характера, такие, например, как договоры с греками и т.п. Задача церковных летописей состояла в другом: главным для них было осветить церковную жизнь. Это выражалось в описании монастырей либо митрополичьей кафедры. Выглядит довольно просто и логично, что свидетельствует о правильности этой версии. Однако противоположная сторона имеет один существенный аргумент в пользу церковных летописей — они описывали также монастырскую жизнь. И на этом стоит остановиться подробнее.

Одной из главных черт, свойственных описаниям монастырей, является то, что они включают списки имен насельников и, изредка, известных паломников, посещавших обители. В состав монастыря нередко попадали крупные области, на которых вели работу крестьяне — угнетаемый класс, описанию которого так много внимания уделяли историографы советского периода. В летописях описывался быт крестьян, иногда численность, а также встречались списки имен. Немаловажным является тот факт, что церковные летописи описывали устройство обители и прилегающих к ней территорий, в частности слобод и посадов. Это давало возможность узнать быт того периода, так как слободы были разные: торговые, ямские и, самое главное, — ремесленные [14. С. 64]. И именно по этой причине церковные летописи являются важнейшими историческими источниками. Но есть еще несколько интересных фактов. Одним из них является жизнеописание некоторых церковных личностей, оценка их места и влияния на политическое управление различных княжеств, к примеру, духовника князя Мстислава Удалого, которого

звали «премудрым книжником» Тимофеем. Помимо проделанной им в Галицко-Волынском княжестве миссионерской работы, обличения венгерских захватчиков и обучения местного населения, он также исполнял функции дипломата при взаимодействии с другими княжествами [10. С. 138]. Можно прибавить к этому описание местных митрополитов, их решений и исторических действий.

Также очень часто летописцы описывали отдельные храмы. Благодаря этому летописи стали важнейшими источниками для изучения быта местного населения, так как при этом описывалась область вокруг храма и исторические процессы, связанные с ним, такие, к примеру, как встречи представителей княжеств, роль которых довольно часто исполняло духовенство, различные несчастья, постигавшие область вокруг храма, от голода до разграбления иностранными интервентами. Стоит отметить то, что в XIV в. происходит фактическое слияние митрополичьих и княжеских канцелярий [6. С.34]. Для церковных летописей это имело важное значение, поскольку в них начали появляться светские документы, такие как договоры, письменные отчеты о походах, свидетельства о различного рода дипломатических актах и т.д. Историки, выступавшие против исключения церковных летописей из числа изучаемых источников, отмечают, что церковные летописцы отличались крайней аккуратностью и более-менее точной систематизацией данных в своих документах, излагая события в хронологическом порядке, в повествовательной форме, превращая летопись в единый исторический источник [10. С. 34].

Советская идеология не могла не повлиять на историческую науку. Историки второй половины XX в. разделились на два лагеря: одни считали летописи XIV в., имеющие под собой церковное начало, не более чем агиографическими памятниками, и при этом старались не акцентировать внимание на трудах историков XIX и начала XX в., так как они, по их мнению, были подвергнуты пагубному воздей-

ствию Церкви [28]. С другой же стороны, часть историков считала церковные летописи непосредственно историческими источниками, из которых порой можно почерпнуть даже больше информации, чем из великокняжеских сводов. Стоит отметить то, что «противостояние» этих мнений осуществлялось лишь в рамках научной дискуссии, и не было физических притеснений и гонений представителей одной позиции со стороны другой. И это несмотря на то, что часть левых историографов представляли Академию наук СССР и потому имели достаточно власти для притеснений правой стороны, но, тем не менее, этой возможностью не воспользовались.

Обе стороны использовали практические методы, разработанные их предшественниками в дореволюционной России. При этом историки левого толка как ни старались не показывать свою причастность к ним и даже критиковали их труды и методы, всё равно сами ими пользовались. Отметим и ту задачу, которую поставило советское правительство перед исторической наукой, а именно — сместить акцент в истории с правителей и феодалов на тех, кто большей частью формировал средневековое русское государство — на крестьян. Но великокняжеские своды были общего характера и описывали лишь события, в центре которых стояли князья, порой не вдаваясь в подробности. Церковные же летописцы, как правило, касались и частных, не чураясь описания незначительных событий и деятельности малозначащих личностей. Помимо этого в XIV в. происходит слияние митрополичьих и великокняжеских канцелярий, поэтому с этого момента Церковь, так или иначе, имела свое влияние на летописи. По этой причине большая часть информации о крестьянах Руси содержалась непосредственно в церковных летописях, против которых высказывались историки левого направления.

В завершение надо подчеркнуть, что историческая наука не должна ни в коем случае подвергаться стагнации, так как эпохи постоянно меняются и менталитет людей,

а, соответственно, и историков также изменчив, поэтому необходимо переосмысливать труды основателей и продолжателей истории, сличать их с новыми историческими знаниями и методами изучения и в настоящем времени, и в будущем.

Литература

1. Строев П.М. Ключ к истории Государства Российского Н.М. Карамзина – М.: типография С. Селивановского, 1836. – 398 с.
2. Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца периода XIV века. – СПб., 1868. – 550 с.
3. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. – М.: Академический проект, 2001. – 484 с.
4. Полное Собрание Русских Летописей. Том 1. Издание 2. Лаврентьевская летопись. Выпуск 1: Повесть временных лет. – Л., 1926. – 379 с.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода // Русские летописи. Том 10. – Рязань: Александрия, 2001. – 624 с.
6. Приселков М.Д. История русского летописания. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
7. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – СПб.: Наука, 2002. – 514 с.
8. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1938. – 374 с.
9. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. – 177 с. ;
10. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. – М.: Академия наук, 1959. – 536 с.
11. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1984. – 349 с.
12. Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. – М.: Наука, 1969. – 556 с.
13. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV веков. – М.: Наука, 1983. – С. 120.

14. Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* – Л.: Наука, 1976. – 283 с.
15. Лимонов Ю.А. *Летописание Владимиро-Суздальской Руси.* – Л.: Наука, 1967. – 199 с.
16. Полное Собрание Русских Летописей. Том 25. Издание 1. *Московский летописный свод конца XV в.* – М.–Л., 1949. – 464 с.
17. Греков И.Б. *Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года // Советское славяноведение.* – 1982. – №2. – С. 43–60.
18. Полное Собрание Русских Летописей. Том 18. Издание 1. *Симеоновская летопись.* – СПб., 1913. – 321 с.
19. Полное Собрание Русских Летописей. Том 15. Издание 2. *Выпуск 1. Рогожский летописец.* – Пг., 1922. – 504 с.
20. Прохоров Г.М. *Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе.* – СПб.: Алитейя, 2000. – 254 с.
21. *Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / сост. Н.Ф. Котляр [и др.] под ред. чл.-кор. НАН Украины Н.Ф. Котляра.* – СПб.: Алетея, 2005. – 421 с.
22. Тихомиров М.Н. *Россия в XVI столетии.* – М.: Издательство АН СССР, 1962. – 584 с.
23. Тихомиров М.Н. *Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы.* – М.: Издательство АН СССР, 1962. – 184 с.
24. Еремин И.П. *Волынская летопись 1289–1290 гг. Том 13.* – М.–Л.: ТОДРЛ, 1957. – 734 с.
25. Зимин А.А. *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.* – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
26. Рыбаков Б.А. *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.* – М.: Наука, 1982. – 590 с.
27. Муравьева Л.Л. *Московское летописание второй половины XIV – начала XV века.* – М.: Наука, 1991. – 219 с.
28. Тихомиров М.Н. *Русская культура X–XVIII вв.* – М., 1968. – 447 с.

Иеродиакон Иоанн (Мерзляков)*

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОЙ РУСИ В XIV–XV ВЕКАХ

Тема данной статьи затрагивает важную составляющую отечественной истории — парадигму церковно-государственных отношений в формирующемся Московском государстве в XIV–XV вв. Курс построения этих отношений изменялся во времени под влиянием ряда внутренних и внешних факторов, характерных для той или иной эпохи. Из XIV столетия, точнее из его второй половины — времени, когда окрепшая великокняжеская власть Москвы желает отойти от сильной церковной опеки и диктовать Церкви свои условия, рассматривается история попытки возведения на митрополичий престол архимандрита Михаила-Митяя. События из второй половины XV столетия — о некоторых нестроениях во взаимоотношениях великого князя Московского Иоанна III Васильевича и митрополита Московского Геронтия. Эти разновременные события имеют общие черты и новые тенденции, которые так или иначе отобразили реальность и наметили перспективы дальнейшего развития церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: Московская Русь, великий князь Московский, митрополит, церковно-государственные отношения.

* Автор — студент II курса аспирантуры МДА.

Ко второй половине XIV века институт митрополичьей власти на территории Московской Руси занимал крепкие позиции. Конечно же, во многом это связано с более чем двадцатилетним управлением Русской митрополией святителем Алексием (Бяконтом)¹ и продуктивным образом взаимодействия митрополитов всея Руси с Московским княжеским домом. В этот период Московские князья всё больше заявляют о себе как о собирателях русских земель вокруг нового политического и церковного центра — Москвы. Русские первосвятители благословляли этот процесс, тем самым формируя вектор исторического развития Русского государства. Роль митрополитов была высока, не случайно в русской истории есть ряд примеров, когда сильные удельные князья желали видеть своих местных архиереев в митрополичьем достоинстве (князь Андрей Боголюбский²) или великий князь независимо от Константинополя ставил митрополитом кандидата из местного клира. Сильному князю нужен удобный и приближенный митрополит. В связи с этим набирающие силу и мощь Московские князья, которые и так с первой четверти XIV века имели рядом с собой митрополита, не давали покрыться забвением давней русской идее — избирать митрополитов на Руси. Митрополит Алексей — яркий тому пример. Но митрополит Алексей представлял собой гармоничного человека: монах-аскет, государственный деятель, реформатор (упомянем лишь монастырскую общежительную реформу!) и созидатель, при этом не порывавший отношений с московским влиятельным боярством³. Последнее обстоятельство характеризует значение митрополичьей власти как скрепы общества, задающей тональность вертикали светской власти. Но княжеская власть на Москве «повзрослела», и сильный и авторитетный митрополит уже был не очень и нужен: необходим был свой, но удобный и безопасный. Трудно не согласиться с видным современным исследователем истории Средневековой Руси Николаем Сергеевичем Борисовым

в том, что «Московские князья должны были опасаться не только проникновения в церковные верхи враждебных Москве элементов, но также нараставших теократических тенденций в деятельности „своих“ иерархов»⁴. Выбор Московского князя Дмитрия Иоанновича был сделан в пользу представителя белого духовенства — попа Митяя, в ближайшем будущем архимандрита Спасского монастыря Московского Кремля. Был налицо и более очевидный кандидат — митрополит Киприан, посвященный (после многих жалоб Литовских князей на митрополита Алексия) в митрополиты Малой Руси 2 декабря 1375 года Патриархом Константинопольским Филофеем еще при жизни митрополита Алексия как будущий преемник последнего⁵. Но принятие ставленника Константинополя не входило в планы Московского князя, в действиях которого прослеживается копирование устоявшихся прав Византийского императора в утверждении выборов митрополитов и патриархов и их географической области управления⁶. В рамках данной статьи не предполагается подробного рассмотрения противостояния Москвы и митрополита Киприана, хотя оно очень интересно и показательное для той эпохи. Поэтому внимание уделяется одному из самых привлекательных и колоритных фигурантов этого исторического дела — архимандриту Михаилу-Митяю.

О нестроениях в Русской митрополии после смерти митрополита Алексия, о конкурентах на занятие митрополичьего престола говорят русские летописи, в том числе так называемый Рогожский летописец⁷, введенный в научный оборот известным российским медиевистом Н.П. Лихачевым. Он отнес этот источник к 40-м годам XV века⁸. Информация о «попе Митяе» в Рогожском летописце по мнению авторитетного советского и российского медиевиста Г.М. Прохорова является самой ранней редакцией так называемой «Повести о Митяе»⁹. Материал данной редакции «Повести» использован автором данной статьи.

Сын священника, сам бывший пресвитер из Коломны Митяй (Дмитрий) «возрастом не мал, телом высок, плечист, рожист, браду имея плоску и велику, и свершену, словесы речист, глас имел доброгласен, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми дела поповскими изящен и по всему нарочит»¹⁰. Такую характеристику любимцу и ставленнику великого князя Дмитрия Иоанновича дает летописец. Стоит отметить, что подобная информация не встречается в русских летописях по отношению к другим, даже очень выдающимся личностям. Можно предположить, что летописец дает такую подробную внешнюю характеристику Митяю, чтобы подчеркнуть лишь внешние его достоинства, его изящные (может быть театральные) способности во «всех поповских делах». Может быть этим он и привлекал светскую знать Москвы, которые, отдавая честь монахам-аскетам, по своим человеческим слабостям все же тяготели к чему-то более простому, привлекательному, легкому и неглубокому. Летописец пишет о том, что поп Митяй был духовником самого князя Дмитрия и всей боярской знати. К тому же он был канцеляристом и хранителем княжеской печати, что является еще одним важным фактором его продвижения (знает дела княжеские изнутри) и боярской симпатии. Этот же летописец дает сведения о том, что за два года до преставления митрополита Алексия поп Митяй по сильному желанию князя Дмитрия был пострижен в монашество с именем Михаил и сразу же, к удивлению всего местного духовенства, был поставлен в архимандриты придворного Спасского монастыря. С большой уверенностью можно говорить о том, что это пострижение с последующим иерархическим повышением было на прямую связано с посвящением в Константинополе Киприана в митрополита Русского. Таким образом светская власть Москвы готовилась к ответу Константинополю на случай нестроения после смерти митрополита Алексия. Только последний и сильная монашеская партия не разделяли чаяний князя Дмитрия.

После кончины митрополита Алексия жизнь архимандрита Михаила стала проходить на митрополичьем дворе, а сам он принял функции нареченного митрополита и вступил во все дела, кроме хиротоний¹¹. Вскоре пришла из Константинополя грамота от патриарха Макария, по которой предписывалось не принимать в Москве митрополита Киприана, но архимандрит Михаил призывался на поставление в Константинополь¹². Но архимандрит не мог не знать, что этот процесс долгий (между кончиной митрополита Феогноста и хиротонией Алексия в митрополита прошло более года)¹³ и власти Константинополя (и светские и церковные) изменчивы в своих решениях. Поэтому он решил укрепить свои позиции, приняв епископский сан, чтобы ему больше не ставили в вину положение «чернеца» (по письмам митрополита Киприана на имя преподобного Сергия Радонежского)¹⁴.

Ссылаясь на канонические правила, Михаил учит князя Дмитрия созвать архиерейский собор из 5–6 епископов, на котором его бы и посветили в епископское достоинство¹⁵. И снова отсылка к византийской практике, где право созывать соборы были в юрисдикции императора. И князь призывает епископов, но каких? Это епископы пяти великорусских епархий, о западных нет и речи. Исходя из этого можно высказать мысль о том, что Московский князь не только продвигал своего ставленника к высокому званию, но и пошел против традиционной позиции Константинополя — единства и неделимости церковного пространства Руси. В Москве пришли к идее единой и централизованной государственной и церковной системы, но только Великой Руси!

Михаилу-Митяю не суждено было стать ни епископом, ни митрополитом, он умер в предместье Константинополя в Галате, где и был погребен осенью 1379 года¹⁶. После его смерти смута в Русской митрополии усилилась, испортились еще больше отношения с греками, светские Московские власти показали себя не с лучшей стороны,

вмешиваясь насильно в церковные дела и продвигая свою линию. Но эти истории стали сигналом и для самой Церкви — поддержка политических авантюр не может не привести к возможности потери ее собственного политического суверенитета.

Прошло ровно сто лет после рассматриваемых событий и правящий в это время в Москве великий князь Иоанн III Васильевич¹⁷ проявил свое отношение к высшей иерархической власти Русской Церкви, представленной митрополитом Геронтием¹⁸. Необходимо учитывать, что с середины XV века Русская Церковь стала автокефальной¹⁹, следовательно и церковно-государственные отношения на Руси выстраивались без каких-либо греческих посредников и руководителей. Как показывает история, между двумя этими сильными личностями — митрополитом и князем, нестроения возникали часто, на одном из них, связанных с монастырским земельным владением, стоит кратко остановиться.

События связаны с вопросом юрисдикции Успенского Кирилло-Белозерского монастыря. Начало было положено спором игумена этого монастыря Нифонтом и Ростовским архиепископом Вассианом Рыло²⁰ (1468–1481 гг.). Между этими представителями церковной власти вышло большое противостояние, вызванное нежеланием игумена подчиняться архиепископу, платить пошлыны, а жить по старине, но в то же время и большими притязаниями архиепископа Вассиана. Архиепископ строил свои притязания на старинном праве Ростовских архиереев ведать делами Кирилловой обители, которое, видимо, знал только он²¹. Игумен Нифонт обращается к «старинному» управителю дел монастыря — Белозерскому князю, что привело к столкновению светской и церковной властей на почве хозяйственно-имущественных отношений. Противостояние архиепископа с игуменом завершилось судебным разбирательством, инициатором которого стали князь Михаил Андреевич Белозерский и

митрополит Московский Геронтий. В списке сохранилось описание всего судебного процесса и его итоги²². Решение Московского митрополита Геронтия оказалось в пользу позиции князя Михаила Андреевича и игумена Нифонта²³. Архиепископ Вассиан, не принявший этого постановления, обратился за содействием к великому князю Московскому Ивану III, и последний активно вмешался в спорное дело, которое было далеко не таким чисто внутрицерковным, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что сами Белозерские князья рассматривали крупные монастыри в своей вотчине не только как духовные центры, но и как перспективные центры для экономического развития своего края, так как святые места всегда привлекали людей, а особенно, когда этим святым местам предоставлялись щедрые льготы от местной светской власти. Некоторые льготы монастырям, приток людей в Белозерье, переход их в разряд монастырских крестьян, все это оживило Заволжье в тот период. И если это было выгодно местным князьям, то у Москвы это не могло не вызывать ревности. Великого князя не мог не беспокоить тот факт, что удел его двоюродного дяди князя Михаила Андреевича усиливается и богатеющий Кирилло-Белозерский монастырь остается не подчиненным Москве. Поэтому неудивительно, что князь поддержал Ростовского архиепископа.

Иван III решил дело довольно скоро и круто: «Князь же великий умири митрополита с архиепископом и грамоту митрополичю изодраша (дошедшая до настоящего времени грамота является копией XVII века по списку 1478 года), а Кирилов монастырь указаша ведати по старине Ростовскому архиепископу»²⁴.

Из этой истории можно заключить, что во второй половине XV века Московский князь и мыслит и ведет себя как полноправный хозяин в своем доме абсолютно надо всем, в том числе, казалось бы, над неприкосновенным, церковным монастырским имуществом. При этом

князь пользуется внутрицерковной замятней. Княжеская власть в это время абсолютизируется, и конкурентов она не терпела.

Литература

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XV века. Т.2. — М.: Наука, 1958.— 365 с.
2. Басова М.В. Иоанн III// Православная энциклопедия. Т.23.— М.— С. 613–628.
3. Борисов Н.С., проф. Православная церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: МГУ, 1986.— 207 с.
4. Голубинский Е.Е., проф. История Русской Церкви (в 2 т.). Т.2. М.: Университетская типография, 1900.— 919 с.
5. Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь. Париж. 1990.— 440 с.
6. ПСРЛ. Т.6. СПб. 1853.— 358 с.
7. ПСРЛ. Т.9. СПб. 1862.— 256 с.
8. ПСРЛ. Т.10. СПб. 1885.— 251 с.
9. ПСРЛ. Т.11. СПб. 1897.— 270 с.
10. ПСРЛ. Т.15. М. 2000.— 435 с.
11. Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л.: Наука, 1978.— 238 с.
12. Скрынников Р.Г. Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв.— Новосибирск: Наука, 1991.— 398 с.
13. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 2. Ч.1. А — К / АН СССР. ИРЛИ / отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л.: Наука, 1988. — 516 с.

Примечания

- ¹ ПСРЛ. Т.10. С.227; ПСРЛ. Т.11. С.34.
- ² ПСРЛ. Т.9. С.222.
- ³ Борисов Н.С., проф. Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С.107.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь. Глава IX. М., 2003. С.243.

- ⁶ Там же. С.247.
- ⁷ ПСРЛ. Т.15. М.: Языки русской культуры. 2000.
- ⁸ ПСРЛ. Т.15. М.: Языки русской культуры. 2000. С.4.
- ⁹ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л.: Наука. 1978. С.5.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т.15. С.125.
- ¹¹ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.— Новосибирск: Наука, 1991. С.183.
- ¹² Прохоров Г.М. Повесть о Митяе... С.64.
- ¹³ ПСРЛ. Т.10. 225–226.
- ¹⁴ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.2. С.419.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т.15. С.127.
- ¹⁶ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе... С.86.
- ¹⁷ Православная энциклопедия. Т.23. С.613–628.
- ¹⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 2. Ч.1. С.324.
- ¹⁹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.2. С. 519.
- ²⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 2. Ч.1. С.239.
- ²¹ «А Кирилов монастырь указаша ведати по старине Ростовскому архиепископу в всем усвоил себе право суда над игуменом и братиею...приставов своих слати...и пошлины имати...а преж того из старины прежние епископы в Кирилов монастырь не вступалися»: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV — нач. XV в. Т.2. С.146.
- ²² Там же. С.279–282.
- ²³ Там же. С.282.
- ²⁴ ПСРЛ. Т.6. С.34.

Священник Алексей Рыженков*

ФЕНОМЕН «АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ЖИТИЯ» В КОНТЕКСТЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В данной статье исследуется феномен «автобиографического жития» в контексте старообрядческой письменности. Старообрядческий автор не стремится к самоуничижению, ему абсолютно чужды шаблонные формулировки житий прошлого о своем «недостойнстве» — не только по консервативности своей формы, но и по содержанию. Он представляет собой новый тип, сформированный на основе переоценки аксиологического достоинства собственного «я» — он достоин быть изображенным в агиографическом памятнике, его вера, жизнь, подвиги и мысли назидательны и полезны для окружающего общества. Кроме того, у различных представителей этого направления совершенно особое место занимает ориентация на психологизм и отношение к нему. Некоторые из них являются явными интровертами, другие же экстравертны. Такой подход в самовосприятии не характерен для сознания представителя древнерусского общества прежних веков, но весьма схож с протестантским вероучением о спасении верой и уверенностью в собственном спасении.

Ключевые слова: старообрядческая письменность, автобиографическое житие, психологизм, интровертность, экстравертность, протестантское вероучение, спасении верой.

* Автор — магистр богословия, старший преподаватель кафедры библеистики Коломенской духовной семинарии.

Влияние старообрядческой письменности на древнерусскую литературу было ограничено ввиду радикальной конфронтации ее ведущих авторов с государственной и духовной властями. Долгое время тексты старообрядцев были распространены главным образом в их собственной среде [11. С. 539–540]. Но старообрядческие авторы во многом предвосхитили те литературные тенденции, которые будут характеризовать развитие отечественной литературы в XVIII в. на пути формирования современного русского литературного языка. К таковым авторам, прежде всего, относятся протопоп Аввакум Петров и инок Епифаний, автобиографические сочинения которых являются примером пропаганды собственного мировоззрения посредством вызывания сочувствия при презентации своей жизни читателю.

Автобиографический жанр в том или ином виде всегда был известен древнерусскому читателю. Из переводной литературы элементы автобиографического повествования можно найти еще в Деяниях святых апостолов и в их Посланиях (особенно — апостола Павла), далее — в святоотеческих текстах, таких, например, как «Душеполезные поучения» преподобного аввы Дорофея (VI в.) [13. С. 545]. Последнее произведение было издано в Москве в 1652 г., когда протопоп Аввакум был связан с Печатным двором и находился в активном духовно-интеллектуальном общении со многими представителями кружка «ревнителей благочестия» [4]. В начале своего «Жития» он цитирует этого палестинского подвижника, что свидетельствует о круге чтения и источниках литературного вдохновения древнерусского писателя [9. С. 108].

В оригинальной древнерусской литературе автобиографический жанр в той или иной степени представлен в «Починении» великого князя Киевского Владимира Всеволодовича Мономаха (XII в.) [1. С. 25–55; 30; 35], а также в «Молении Даниила Заточника» (XIII в.) [6. С. 139К140] или в «Хожении» (XII в.) [20] игумена Дани-

ила в Святую землю. Среди писателей-полемистов XVI в. автобиографические элементы активно использовали в своих произведениях царь Иоанн Васильевич Грозный [14. С. 20–218] и его идейный противник, князь Андрей Михайлович Курбский [18. С. 16–17, 36, 42–45, 89–185]. Отдельные тексты автобиографического содержания вошли в состав «Домостроя», одной из самых читаемых книг XVI–XVII вв. [10], и «Казанской истории», где повествование ведется от лица анонима — пленника казанских ханов, освобожденного вместе со взятием Казани царем Иоанном [17. С. 266–288].

Из произведений XVII в., автобиографический элемент в которых играет одну из ведущих ролей, следует назвать «Домашние записки» князя Семена Ивановича Шаховского [31], «Словеса дней и царей, и святителей московских» князя Ивана Андреевича Хворостинина-Старковского [34. С. 482], «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия (Палицына) [3. С. 170–171], «Послание дворянина к дворянину» Ивана Васильевича Фуникова [29. С. 540–543], «Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим» [12. С. 323–334; 16].

Конечно, не все из вышеназванных произведений могли иметь непосредственное влияние на формирование протопопа Аввакума и инок Епифания как литераторов, но все они свидетельствуют об органичности использования автобиографического жанра древнерусскими писателями на протяжении всего времени существования отечественной письменности.

Другой важной группой произведений, повлиявших на протопопа Аввакума и инок Епифания, являются агиографические памятники древнерусской литературы — как переводные, так и оригинальные [13. С. 547]. Введение автобиографического жанра в житие можно наблюдать уже на примере повести преподобного Мартирия Зеленецкого (1570–1595 гг.), обращавшегося к адресату своего произведения, своему духовнику Досифею: «Поведем ти о себе,

о еже како и где жителствовах аз прежде вселения моего в сию пустыню, сице» [21. С. 678].

Тем не менее имеется ряд оригинальных особенностей, которыми произведения представителей автобиографического жанра в старообрядческой письменности отличаются от всего прежнего древнерусского литературного наследия.

Авторы этих произведений — протопоп Аввакум Петров и его духовник, инок Епифаний. Первый из них родился в 1620 г. в селе Григорове Нижегородской земли в семье священника. Сам став священником, он был дважды изгнан приходами и гражданскими властями за обличение падения нравов и нарушений правил христианской жизни. Служил в городе Юрьевце-Повольском, входил в кружок «ревнителей благочестия», где познакомился с будущим Патриархом Никоном. Был знаком с царем Алексеем Михайловичем, неоднократно оказывавшим ему покровительство и уважение. Выступил против богослужебных реформ Патриарха Никона, был дважды в ссылке и, наконец, казнен через сожжение в 1682 г. в Пустозерске. Еще при жизни почитался старообрядцами в качестве исповедника, затем — священномученика [32].

Как писатель, кроме своего «Жития» знаменит как автор эпистолярных (послания царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, царевне Ирине Михайловне, протопопу Иоанну Неронову, игумену Феоктисту, иноку Авраамии, боярыне Ф.П. Морозовой, княгине Е.П. Урусовой и др.) и экзегетических (сочинение о сотворении мира, «Книга бесед», «Книга толкований и нравоучений») произведений [9. С. 64–228]. Но все эти произведения также можно отнести и к полемическим, так как обличение противников «старой веры» или укрепление других людей в стоянии за старый обряд было движущим фактором, побуждающим протопопа к активной литературной деятельности.

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» было создано в 1672 г. по благословению духовника

протопопа, бывшего насельника Соловецкого монастыря инока Епифания. Следующее заглавие к «Житию» написал своей рукой сам Епифаний [9. С. 521]: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написать иноком Епифанием, — понеже отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело Божие» [9. С. 64].

Сочинение Аввакума прекрасно перекликается с начальными словами произведения самого Епифания — «Жития», написанного им в 1666–1675 гг. (в двух частях) — и обращенными, в свою очередь, к протопопу: «Послушания ради Христова и твоего ради повеления и святого ради твоего благословения, отче святой, и прошения ради раба твою Христова не отрекуся сказать вам о Христе Исусе» [11. С. 229]. Это ответ на слова, которыми завершает свое «Житие» протопоп Аввакум: «Ну, старец, моево вяканья много веть ты слышал. О имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову ... Слушай же, что говорю: не станешь писать, я, петь, осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца, — скажи хотя немношко!» [9. С. 107].

Инок Епифаний был насельником Соловецкого монастыря, а затем стал искать пустынного уединения, подвизался с иноком Корнилием Выговским. Прибыв на Собор 1666 г., выступил с обличением церковной реформы, был сослан и приговорен к отрезанию языка и пальцев правой руки. В 1682 г. вместе со священником Лазарем, диаконом Феодором и протопопом Аввакумом был сожжен в Пустозерске. Также почитается старообрядцами как священномученик [5].

Как писатели-автобиографы протопоп Аввакум и инок Епифаний отличались от своих предшественников несколькими существенными чертами. Прежде всего, они первыми поставили своей целью описание своей жизни с рождения до времени написания произведения. Воспоминания о собственной жизни служат для них не фоном для описания происходящих чудес или истори-

ческих событий, а сами преподносятся как исторические события, самоценные исходя из уникальности личности повествователя. В центре их произведений — «„Я“ автора» и описание внешней и внутренней жизни этого «Я».

Д.С. Лихачев отмечает: «Круг тем и настроений в сочинениях Аввакума ничем не ограничен: от богословских рассуждений до откровенного описания физиологических отклонений человеческого организма. Но к каждой теме он подходит с неизменным эгоцентризмом» [19. С. 317]. Последний проявляется в сопоставлении всех описываемых событий со своим собственным опытом. Например, при комментарии евангельской заповеди Спасителя «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16) он вспоминает, как он истреблял змей и какую они показывали при этом хитрость — сразу скрывали голову, а также, как он держал голубей и был свидетелем их кротости — после разорения кем-то гнезда они сразу же брались за постройку нового и за выведение новых птенцов [19. С. 317].

Второе значимое отличие касается описания внутренней жизни автора, его психологических переживаний и настроений. Тот уровень открытости самых интимных сторон своей душевной жизни, который представлен в произведениях двух старообрядческих писателей, позволил В.В. Виноградову определять «Житие» Аввакума как «простодушно-деловой сказ», «беседу» и «вяканье» [7] (данное слово относительно образа своего повествования применяет сам протопоп [9. С. 107]). Б.М. Эйхенбаум, видя в данной форме литературный прием и подвергая сомнению искренность автора в «простоте» изложения мысли, говорил об «иллюзии сказа» [33. С. 156]. Другие исследователи солидарны в своей оценке с В.В. Виноградовым. Так В.П. Адрианова-Перетц говорила о сохранении Аввакумом в тексте манеры живой речи [2. С. 299], Н.К. Гудзий — о «простодушной исповеди» [8. С. 32–49], а Д.С. Лихачев — о «подлинной беседе» [15. С. 316].

Таким образом, данная манера чистосердечного рассказа, раскрытия себя перед читателем, воспринимается большинством исследователей не как искусственный литературный прием [7. С. 208]. Для протопопы Аввакума такой образ повествования был следствием его профессиональной деятельности как священника, а именно — как проповедника. В проповеди он находил воодушевление, его радовали приходящие люди, слушающие толкования на Священное Писание с непременным приложением к жизни своих современников, преподаваемое на понятном русском языке, не лишенном яркой образности и частых острот.

Роли учителя, обличителя (вначале нравственных падений христиан, потом — сторонников церковной реформы) и пророка были восприняты Аввакумом еще в самые ранние годы его пастырского служения. «Замечательный народный проповедник», как характеризовали его современники [22. С. 7], человек, слова которого отмечались особой обаятельностью [27. С. 7–8], очень ясно показывает образ своего самовосприятия, когда не делает никаких попыток для получения престижного поста придворного священника (весьма возможного для него), а довольствуется возможностью учить и наставлять народ в Юрьевце-Повольском [28. С. 343–344]. Исходя из этого В.П. Адрианова-Перетц пишет о сочинениях Аввакума как о продолжении его устной проповеди [2. С. 298].

Если описание внутренней жизни в произведениях Аввакума, особенно в его «Житии», невозможно отделить от описания соприкосновения его с внешним миром и общения с другими людьми, то образ внутренней жизни в сочинении инок Епифания значительно дифференцирован от его внешней жизни. В более широком плане это проявляется в живом интересе Аввакума ко всему, происходящему за оградой его земляной тюрьмы с одной стороны, и в сосредоточенности Епифания на всех мельчайших деталях своей кельи с другой. Такое соотношение

акцентов в литературном творчестве является следствием общественного пастырского служения первого и пустынно-отшельнического стремления к уединению второго авторов. С психологической точки зрения можно было бы охарактеризовать Аввакума как экстраверта, а Епифания как интроверта.

А.Н. Робинсон отмечает, что «разработанный Епифанием метод изображения собственной внутренней жизни по своему характеру и происхождению глубоко уходил в почву древнерусских христианских представлений и литературных традиций» [26]. Имеется ввиду аспект мировосприятия «телесными» и «сердечными» очами, т.е. возможность оценивать всё происходящее в мире с мирской, соответствующей законам формальной логики, приземленной и духовной, высшей позиции. Последняя, конечно, постоянно доступна не всем, а лишь искренне и преданно служащим Богу подвижникам (к которым, несомненно, себя причисляет Епифаний). Обычный человек может рассчитывать лишь на разовое «откровение» — явление из мира духовного — как на особую милость к нему, как на призыв или на искушение (если речь идет о действии бесов). Именно с бесами чаще всего происходит соприкосновение у Аввакума и Епифания. Необычность этого опыта для большинства людей, которая осознается авторами, а также ординарность таких явлений для самих писателей становится одним из факторов для написания ими своих автобиографий [11. С. 107].

Описанию душевных переживаний Епифания присущи эмоциональность и открытость в самовыражении, но они всегда направлены ко Христу, Богородице, святым или к самому себе: «Возьми же, Свет мой истинной Христос, скоро душу мою от тела моего! Не могу терпеть болезней лютых и горьких!» [11. С. 244]. Часто это могут быть упреки, восклицания отчаяния: «Ох, ох! Горе мне, бедному! Один погибаю! Не помогает ми никто ныне, ни Христос, ни Богородица, ни святии Его вси!» [11. С. 245].

Когда Епифания после лишения языка одолевают мысли о бессмысленности его активного противостояния «никоианской ереси», он тоже обращается к Господу: «Языка не стало, и нужного молвить нечем. Горе! Как до конца доживать?» [11. С. 246]. Характерно и описание Епифанием своих дальнейших действий: «И воздохнул ко Господу из глубины сердца моего, и встав, сошел с печи и сел на лавке, и печалуюся о языке моем» [11. С. 246].

Таким образом, читателю предлагается роль наблюдателя со стороны за происходящими в жизни Епифания событиями. Более того, сам Епифаний становится как бы «компаньоном» своему читателю в этом наблюдении — он описывает себя, анализирует свои душевные состояния, осуждает или хвалит себя, одним словом — смотрит на себя со стороны. Последнее особенно ярко выражено в сонных видениях инока, о которых подробнее будет сказано ниже. Прием «наблюдения со стороны» дает возможность Епифанию с предельной искренностью описать все свои внутренние переживания, при этом оставаясь, в определенном смысле, пустынником внутри своей души — лишь в начале своего «Жития» он обращается к читателям [11. С. 229], а в конце к своему духовному сыну Афанасию и читателям [11. С. 253–254]. Обращение к самому себе и связанная с ним рефлексия, напротив, очень характерна для этого писателя: «Возлегу на одре моем и рекох себе: „Ну, окаяне Епифане“» [11. С. 256]. Повторяющиеся сведения о внешнем состоянии автора являются «обрамлениями» описаний «проявлений душевной жизни автора (видения, размышления, внутренние монологи)» [26. С. 217].

Протопоп Аввакум, напротив, обращается в своем «Житии» не только к читателям, но и ко всем, о ком пишет [19. С. 312]. Он не гнушается адресовать свою реплику даже дьяволу: «Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего Света, пострадать!» [23. С. 92]. В других своих произведениях он также обращается к

персонажам своего повествования как к слышащим его людям. При повествовании об Адаме и Еве он обращается к прародителям с упреками в самооправдании, после чего резюмирует: «Бедные! Все правы, и виноватова нет! А то и корень воровству сыскался!» [23. С. 127]. Подобно этому в послании Ф.П. Морозовой и Е.П. Урусовой он, вспомнив царя Алексея Михайловича, обращается к нему: «Миленкой мой государь!» [23. С. 216] и далее продолжает речь к адресатам письма. В своей челобитной царю Федору Алексеевичу он, кроме царя, обращается также ко князю Юрию Алексеевичу Долгорукову и Патриарху Иоакиму (Савелову) [23. С. 175].

В посланиях к царям обращает на себя внимание иногда панибратское обращение протопопа к государям всея Руси: Федора Алексеевича он называет «Алексеевич, дитятко красное, церковное!» [23. С. 174], а к его отцу обращается: «Прости, Михайлович-свет» [23. С. 169]. В этом не стоит видеть умысла оскорбить царское достоинство, но очень ярко проявляется «любовное», «отеческое» и, что не маловажно, снисходительное отношение Аввакума к тому, кому адресована речь. Принятая им еще в молодости роль учителя, обличителя и пророка, а теперь еще и исповедника-мученика, делает для него невозможным общение с другими людьми вне позиции «сверху вниз». В обратном положении, «снизу вверх», он обращается лишь к Господу, Богородице и небожителям. Но и при этом иногда проявляется фамильярность. Например, когда Аввакум делает ремарки к описанию своих видений подобно этой: «Мне о том Спас сказывал».

В своем автобиографическом повествовании протопоп Аввакум часто использует образы, помогающие ему в поэтической манере раскрыть глубину понимания им собственной судьбы. Первый образ, встречаемый читателем уже в начале «Жития» — «корабль». Когда он еще был священником, ему было видение трех кораблей, из которых последний был особенно красивым и пестрым.

На его вопрос о хозяине корабля некто «юноша светел» ответил: «Твой корабль! На, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» [23. С. 69]. В преломлении жизни Аввакума этот образ корабля имеет различные значения — непрерывного странствия (изгнания с прихода, ссылки), обуреваемости и непотопляемости житейскими волнами (волнами «никонианской ереси» и гонений), семьи (корабль как символ Церкви, а семья — как малая Церковь). Наконец, сам вид корабля — «красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — егоже ум человек не вмести красоты его и доброты» [23] — мог восприниматься Аввакумом как символ его разнообразных дарований и многогранного служения Церкви Христовой в борьбе за «старую веру». Этот образ протопоп оригинально и красиво использует на протяжении всего «Жития», являющего, таким образом, картину этого плаванья.

Для описания сложных судьбоносных моментов автор часто использует образ «зимы», особенно касательно распространения «никонианской ереси»: «видим, яко зима хочет быти, сердце озябло и ноги задрожали» [23. С. 72]. В этом же контексте автор использует образ «бури» [13. С. 551].

В отличие от инока Епифания, его духовный сын протопоп Аввакум широко пользуется бранной лексикой, избегая, единственно, матерных слов. Все просторечия, бывшие в употреблении его кружения и его самого, он вводит в литературное обращение, делает частью древнерусского текста, чем следует основной литературной тенденции идиостиля царя Иоанна Грозного, а шире — эпистолярной полемической литературы XVI–XVII вв. «Житие» и послания протопопа, как и послания царя, имели формальных адресатов. Тем не менее масштаб их идейно-культурного влияния изначально рассматривался авторами в пределах всего Русского государства, причем безотносительно социальной дифференциации реципиентов [25. С. 391].

Будучи менее ярким и резким в литературном выражении своих мыслей (что, возможно, было также следствием особенностей его характера) инок Епифаний, тем не менее, также ощущал себя личностью, опыт которой должен быть важен и значим для каждого русского православного человека, его творчеству присущ не меньший эгоцентризм. Оба они — и Епифаний, и Аввакум — воспринимали всю Россию в качестве своей паствы, оба считали себя подвижниками, чудотворцами и мучениками за веру, оба взяли за основу два раннее бытовавших отдельно жанра — автобиографический и агиографический — и, наполнив их мощной энергией полемики со своими идейными оппонентами, изложили свое воззвание к миру в форме собственных житий.

Несмотря на присутствие автобиографического жанра в древнерусской литературе, а также элементов автобиографичности в Повести преподобного Мартирия Зеленецкого, произведения старообрядческих авторов Епифания и Аввакума стали первыми текстами оригинальной отечественной литературы, характеризующимися эгоцентризмом такого масштаба, столь глубоким, последовательным и разносторонним (в меру литературных возможностей и необходимых социокультурных ограничений) раскрытием своей личности на страницах авторского текста.

Тем не менее язык этих авторов, предвосхитивший лингвистические реформы позднейших веков, сочетавший в себе максимальную простоту в лексике и грамматике с вытеснением церковнославянизмов на малую часть повествовательного поля (эпизоды, касающиеся литургической жизни и частной молитвы), не стал движущим фактором на пути создания современного русского литературного языка. Причиной этому стала не только ригористическая конфронтация Аввакума и Епифания с соборным большинством Русской Православной Церкви, но и невосприятие их литературных особенностей по-

следующим поколением старообрядческих писателей, более тяготевших к жанру традиционной проповеди [24. С. 315–316]. Парадоксальным образом, ратовавшие за русскую церковную старину Аввакум и Епифаний в своем литературном творчестве во многом выступают как весьма решительные новаторы, что, возможно и явилось причиной отказа старообрядческого сообщества подражать им при написании новых сочинений, несмотря на личное почитание обоих как «мучеников за веру».

Литература

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 188 с.
2. *Адрианова-Перетц В. П.* Старообрядческая литература // История русской литературы: Учебник для вузов: / Под ред. проф. В.А. Десницкого (гл. ред.). Т. 1. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1941. – 320 с.
3. *Б.Н.М. Авраамий (Палицын)* // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С. 170–171.
4. *Бернацкий М.М.* и др. Дорофей Газский // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 32–43.
5. *Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М.* Епифаний // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 18. С. 545–549.
6. *Будовниц И. У.* Памятники ранней дворянской публицистики // Труды Отдела древнерусской литературы / Ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 8. – 434 с.
7. *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь / под. ред. Л.В. Щербы. Петроград, 1923. С. 208–209, 267, 285.
8. *Гудзий Н.К.* Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Ред., вступит. статья и коммент. Н.К. Гудзия. М.: «Academia», 1934. – 497 с.
9. *Демкова Н.С.* Комментарии к «Житию протопопа Аввакума, им самим написанному» // Библиотека литературы Древней

- Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырko. СПб.: Наука, 2013. Т. 17: XVII век. – 664 с.
10. Домострой по рукописям Императорской Публичной библиотеки / Под ред. В. Яковлева. 2-е изд., испр. Одесса: тип. А.Ш. Шульце, 1887. – 154 с.
 11. *Епифаний, инок.* Житие инокa Епифания // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырko. СПб.: Наука, 2013. Т. 17: XVII век. – 664 с.
 12. Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим / Подгот. текста и коммент. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 11: XVII век. Кн. 2 / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева; вступ. ст. Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1989. – 704 с.
 13. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. В 2-х т. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. – 688 с.
 14. *Иоанн IV Васильевич Грозный, царь.* Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырko. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. – 683 с.
 15. *Комарович В.Л., Лихачев Д.С.* Протопоп Аввакум // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х — 1690-х гг. / Ред.: акад. А.С. Орлов и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 440 с.
 16. *Крушельницкая Е.В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе: Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исслед. и тексты. СПб.: Наука, 1996. – 365 с.
 17. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец: опыт историко-литературного исследования. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1905. – 681 с.
 18. *Курбский А.М.* Переписка с Иваном Грозным. Сказания князя Курбского / Изд. Н.Г. Устрялова. Ч. 1. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1833. С. 16–17, 36, 42–45, 89–94, 185.
 19. *Лихачев Д.С.* Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1975. – 366 с.
 20. *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественни-

ков XII–XV вв.: Исследование, тексты, комментарии / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. – 440 с.

21. *Мартырий Зеленецкий, прп.* Автобиографическая повесть // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. – 683 с.

22. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 5: Историко- и догматико-полемика сочинения первых расколуучителей. Ч. 2: Сочинения бывшего Юрьевецкого протопопа Аввакума Петрова / Под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879. – 388.

23. *Петров Аввакум, протоп.* Сочинения протопопа Аввакума // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2013. Т. 17: XVII век. – 664 с.

24. *Пытин А.Н.* История русской литературы. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – 552 с.

25. *Робинсон А.Н.* Аввакум и Епифаний (к истории общения двух писателей) // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. В.И. Малышев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 14: Посвящается В.П. Адриановой-Перетц. – 675 с.

26. *Робинсон А.Н.* Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. – 523 с.

27. *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). М.: Унив. тип., 1891. – 170 с.

28. *Святополк-Мирский Д.П., князь.* О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925. С. 338–350.

29. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. М.: Госполитиздат, 1951. – 558 с.

30. *Черкесов Е.Т.* О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи в русском литературном языке

доломоносковского периода // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 283 с.

31. *Шаховской С.И., князь.* Домашние записки // Московский вестник. М., 1830. Ч. 5. №17–20. С. 61–70.

32. *Шашков А.Т.* Аввакум Петров // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 83–87.

33. *Эйхенбаум Б.М.* Сквозь литературу (сборник статей). Л.: Academia, 1924. – 280 с.

34. *Языков Д.И.* Добавки и поправки (об И. Хворостинине) // Русский архив. 1880. №3. С. 482–483.

35. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Священник Андрей Курлыкин*

КАДРОВЫЙ СОСТАВ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ: МИССИОНЕРСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуется миссионерский аспект кадровой политики Русской Духовной Миссии в Китае до революции 1917 г. Выясняются основополагающие черты подбора сотрудников Миссии и организации их работы. Выявляются сильные и слабые черты кадровой политики в постановке православной проповеди в Китае. В числе удачных решений указываются тщательная подборка членов Миссии, усиленное внимание к их профессиональным и личным качествам, привлечение к работе в Миссии людей различных профессий, система поощрений, предоставляемых миссионерам по возвращении на родину. Слабая сторона кадровой политики Миссии заключалась в ограниченном по времени служении проповедников в Китае.

Ключевые слова: Русская Духовная Миссия в Китае, миссиология, история Миссии, личность миссионера, кадры для Миссии, христианство в Китае, организация миссионерской деятельности

* Автор — магистр богословия, старший преподаватель кафедры библейских и богословских дисциплин Воронежской духовной семинарии.

Православная Церковь имеет большой опыт миссионерской деятельности в прошлом, который может рассказать не только об именах людей, подвизавшихся в деле проповеди имени Господа, но и продемонстрировать подходы к миссионерской деятельности. В этом отношении история Русской Духовной Миссии в Китае (РДМК) представляется очень показательной. Начавшись как мизерная группа пастырей, несших послушание при русском представительстве в XVIII в., РДМК стала значительным институтом к началу XX в., объединявшим до сотни сотрудников и опиравшимся на значительную паству в Китае. Подходы к делу проповеди, использовавшиеся тогда, без сомнения могут принести пользу и на современном этапе.

Один из важнейших вопросов, который должен стать предметом пристального внимания в истории РДМК, — кадровый вопрос. Стержнем миссии, ее основой является сам миссионер, тот, кто несет слово Божие, поэтому описание и анализ его портрета в отношении проповеди в Китае имеет важное значение.

В деле подбора кадров для РДМК важно разграничить чисто исторические обстоятельства от вневременных, универсальных, характерных для каждой миссионерской структуры. Далее, необходимо определиться с качествами человека в профессиональной и личной области, а также проследить, как требования к ним менялись в зависимости от степени развития православного миссионерского дела в Китае. Наконец, следует определиться с удачами и промахами постановки кадрового дела РДМК.

Формированием кадрового состава РДМК занимался Святейший Синод и отчасти Канцелярия (позднее Министерство) иностранных дел. Синод определял церковный состав Миссии, состоящий из духовенства, причетников и учеников. Поиск достойных кандидатур он поручал Духовным консисториям, а также разным духовным лицам: архиереям, ректорам учебных духовных заведений

и настоятелям крупных монастырей. Из этого обстоятельства видно, что подбор кадров Церковь осуществляла из всего состава своих клириков, привлекала к этому свои основные территориальные управленческие учреждения. При этом, как будет видно далее, в состав Миссии могли быть приняты все желающие (во всяком случае в качестве кандидатов на место члена РДМК). С другой стороны, к поиску будущих проповедников привлекались соответствующие государственные органы. На них лежала обязанность предложить наиболее квалифицированных профессионалов со своей стороны. Получалось, что на дело проповеди кадры уже на заре существования РДМК подбирались далеко не по остаточному принципу.

Очевидно, слабой стороной комплектации РДМК был ограниченный состав, что, однако, не было виной учредителей Миссии, но проистекало из исторически сложившихся отношений между Русским и Китайским государствами на тот момент. Формально лимит сотрудников РДМК был определен Кяхтинским трактатом: 4 ламы (священника) и 6 учеников [1. С. 19–20]. Впрочем, эти ограничения российской стороной соблюдались не во всём и не всегда. В первых девяти Миссиях количество духовенства составляло 3–5 человек (все из монашествующих). Одного из них назначали начальником Миссии, при этом возводя в сан архимандрита (если он такого сана не имел). Количество учеников составляло в среднем 3–5 человек. Также в РДМК были от 2 до 8 причетников (не упомянутых в Кяхтинском трактате), избираемых самими священнослужителями, которые были необходимы для богослужения и другого вида помощи, с согласия Святейшего Синода.

Таким образом, РДМК в среднем состояла из 14 человек. Несмотря на формальное ограничение состава РДМК по Кяхтинскому договору, каждый раз количество сотрудников новой Миссии определялось договоренностью между Коллегией иностранных дел и цинским

правительством. Последнее, в случае возникновения конфликтов с Россией, при переходе границы миссионерской экспедицией могло выслать «лишних» сотрудников обратно в Россию по формальным причинам.

Обратим внимание на то, каким образом осуществлялся подбор духовенства для Миссии. Судя по распоряжениям Святейшего Синода, на первых порах не существовало каких-либо формальных критериев для отбора подходящих кандидатур в состав РДМК. Можно определенно утверждать, что тогда предпочтение отдавалось выходцам из Малороссии. Исключением из правил был состав пятой Миссии, состоявшей из великороссов, включая ее начальника архимандрита Амвросия (Юматова), уроженца Москвы. По словам иеромонаха Николая (Адоратского), малороссы, «обладая в то время большим сравнительно просвещением, вместе с тем умели ладить с католиками, что представлялось ... важным условием для успеха их миссионерской деятельности в Китае, где иезуиты имели гнездо от многих времен» [2. С. 68–69]. Это обстоятельство носит чисто историческое происхождение, когда в иерархии и интеллектуальных церковных кругах Русской Церкви в первой половине XVIII в. в целом преобладали выходцы с Украины. К концу века в РДМК положение изменится в пользу великороссов, так же как и во всей Церкви в целом.

Гораздо более ясно прослеживаются профессиональные качества кандидатов в члены РДМК. Далеко не обо всех священнослужителях РДМК достаточно хорошо известно, но очевидно, что они имели духовное образование; значительное большинство кандидатов, предлагаемых на рассмотрение Синоду, были насельниками тех монастырей, при которых существовало учебное духовное заведение: Киевский Софийский монастырь, Московский Иконоспасский монастырь, Троице-Сергиевский монастырь, Александро-Невский монастырь [3. С. 171–172] и т.д.

Разумеется, для проповеди в стране, жители которой говорят на ином языке, важным качеством миссионера становится знание или, по крайней мере, способность к освоению речи тех, кому он собирается нести слово Божие. При этом достойные кандидатуры в начальники Миссии выбирались преимущественно из тех, кто имел определенные способности к изучению языков или уже отличился в их освоении: архимандрит Антоний (Платковский) возглавлял школу монгольского языка в Иркутске [4. С. 637], архимандрит Гервасий (Линцовский) был преподавателем синтаксиса и пиитики в Киево-Могилянской академии [5. С. 57], архимандрит Амвросий (Юматов) преподавал тот же предмет в Славяно-греко-латинской академии [5. С. 76], архимандрит Николай (Цвет) был преподавателем французского и немецкого языков при семинарии Троице-Сергиевой Лавры [5. С. 78], архимандрит Иакинф (Бичурин) знал китайский язык [6. С. 311–312].

Вероятно, эта же способность к изучению языков была желательным критерием отбора и для остальных кандидатов в состав Миссии (возможно, за исключением причетников), так как в инструкциях Синода и Коллегии иностранных дел неоднократно предписывалось всем учить местные языки. Например, синодальная инструкция пятой Миссии гласила: «Ради этого, во-первых, должны обучаться языку китайскому; и, если они в тамошнюю свою бытность окажут и Св. Правит. Синод желаемую пользу усмотрит, то тогда и благопристойное о награждении их во всем рассмотрение учинено быть имеет» [3. С. 202].

К тому же известно, что некоторые из назначенных в состав РДМК, до отправления в Пекин занимались изучением иностранных языков, что позволяло им делать значительные успехи в работе Миссии. Например, И.К. Россохин учился в 1726 г. в школе монгольского языка в Иркутске; А.Л. Леонтьев и А. Канаев — в 1739 г. в Московской школе китайского языка (основанной китай-

цем Чжоу Гэ); Я. Коркин обучался в школе китайского и маньчжурского языков при Петербургской академии наук в середине XVIII в.; П.И. Каменский во время обучения в Нижегородской семинарии (в период 1777–1787 гг.) участвовал в составлении словаря «на русском, татарском, чувашском, черемисском языках на 1000 листах»; М.Д. Сипаков учился в школе переводчиков при Коллегии иностранных дел в конце XVIII в.; Карп Круглополов был студентом и преподавателем латинского языка в Казанской семинарии в конце XVIII в. [7. С. 532–544].

По мере углубления опыта работы в Китае языковая подготовка начинает проходить на территории самой РДМК и носить преемственный характер. Министерство иностранных дел в 1830 г. предписало начальникам РДМК следить над тем, «чтобы во время пребывания в Пекине прежних членов с новыми, первые сообщили сим опыты своих занятий в китайском и маньчжурском языках, преподав им словесные и письменные наставления к успешнейшему оных изучению и вообще к прохождению их обязанностей с желаемой пользой» [8. С. 592]. В дальнейшем такая практика будет закреплена в последующих ротациях состава.

Кроме того, в первой половине XIX в. начинает создаваться система предварительной подготовки в России. С одиннадцатой Миссии все новые сотрудники имели возможность заниматься в языковых школах при Азиатском департаменте или Департаменте духовных дел. Преподавателями в департаментах зачастую являлись бывшие студенты и начальники Миссий: М. Сипаков, С.В. Липовцев, Иакинф (Бичурин), архимандрит Гурий (Карпов), архимандрит Палладий (Кафаров) [9. С. 2] и т.д.

Примечательна практика подбора студентов. Иногда Коллегия иностранных дел набирала студентов для новой Миссии (Я. Коркин и М.Д. Сипаков), если Синод не мог найти их необходимое количество или подходящие кандидатуры Коллегия подавали большие надежды. На них

она обращала более пристальное внимание, так как рассматривала как потенциальных служителей в палате Лифаньюань и Азиатском департаменте. В ходе их обучения в Пекине Коллегия иностранных дел предписывала начальникам РДМК сообщать об их прилежании. С десятой Миссии поменялась кадровая политика по отношению к РДМК. Теперь Святейший Синод стал назначать в начальники миссионерской экспедиции опытных сотрудников предыдущих Миссий. Те в свою очередь принимали непосредственное участие в формировании и подготовке состава. Например, по требованию архимандрита Петра (Каменского) все кандидаты выбирались из сотрудников или студентов учебных заведений Петербурга, имеющих «свидетельства о нравственности и способностях» [10. С. 174]; в свою очередь архимандрит Поликарп (Тугаринов) набирал в сотрудники РДМК тех, кого лично знал по учебе в Санкт-Петербургской духовной академии [11. С. 99–105]. Так в формировании миссионерского корпуса в Китае начинают играть роль личные отношения, что представляется весьма удачным. Начальник Миссии очевидно соберет вокруг себя людей, которых хотя бы отдаленно знает и уверен в их работоспособности, ему не нужно будет на месте узнавать характер каждого из них, приравниваться к нему. Таким образом, по прибытии на место служения в распоряжении руководителя будет не группа людей, слабо связанных с лидером и между собой, а команда, которая сразу же сможет приступить к активным действиям.

Согласно инструкции 1819 г. троих студентов в состав Миссии назначал Святейший Синод, а четвертого — министр духовных дел и народного просвещения. Врач и подготовленные студенты при отправлении в Пекин принимались на государственную службу.

Тем не менее интеллектуальная подготовка была не единственным критерием готовности человека к участию в Миссии. Не меньшую роль играли его личные качества,

за которыми также следили очень пристально. Кандидата могли исключить из числа избираемых, если было достаточно других кандидатур, или по состоянию здоровья. Показательным примером к этому может служить формирование состава четвертой Миссии (1744–1755). Во время поиска студента для миссионерской экспедиции Синод издал распоряжение от 7 июля 1742 г., в котором архимандриту Кириллу (Флоринскому) было поручено «избрать из обретающихся в Славяно-греко-латинской академии студентов одного человека из охотников, молодых лет, а при неимении желавших — кого заблагорассудится» [3. С. 170]. Также в протоколе от 29 октября предписывалось двух насельников Киево-Софийского монастыря, иеродиакона Иллариона (Завалевича) и иеродиакона Феодосия (Сморжевского), «выслать... в самом скором времени, без всякого ко удержанию их отрицания» [3. С. 171]. Последнему очень не хотелось ехать в Китай, в своем прошении он умолял Синод освободить от такой обязанности, однако прошение не было удовлетворено.

При формировании седьмой Миссии мнение кандидатов всё же учитывалось. В этот раз Святейший Синод поручил найти достойных кандидатов в начальники РДМК архиепископу Платону (Левшину). Тот представил Синоду следующих лиц: ректора Крутицкой семинарии Митрофана, преподавателей Московской духовной академии игумена Иосифа и иеромонаха Афанасия. Однако все эти лица отказались ехать в Китай.

Тогда Синод избрал игумена Кизического монастыря Казанской епархии Ювеналия. Однако митрополит Казанский Вениамин был вынужден доложить, что отец «при всей своей честности, исправности и своем усердии человек слабого здоровья, и в излишества ему входить нельзя» [3. С. 282]. В результате вместо отца Ювеналия был выбран иеромонах Иоаким (Шишковский).

Очевидно, что все избираемые кандидаты в состав РДМК должны были иметь и добрую репутацию, «жития

и воздержания (также) честного и трезвого» [3. С. 280], что на практике в Пекине проявлялось далеко не всегда.

Таким образом, уже с начала существования РДМК к ее членам на стадии подбора кандидатов предъявлялись очень серьезные требования. Помимо интеллектуальной подготовки они должны были обладать нравственными качествами, подобающими православному человеку. Разумеется, не всегда такой отбор был удачен, и миссионерское фиаско архимандрита Иакинфа (Бичурина) тому прекрасное свидетельство. Тем не менее руководство прилагало максимум усилий, чтобы снизить вероятность такого исхода. Чему подтверждением служит тот факт, что в период формирования составов первых девяти Миссий поиск кандидатов мог затягиваться на месяцы, а то и на годы. Такой тщательный подход весьма примечателен и представляется назидательным в решении кадровых вопросов Миссии. Отправляя очередной состав Миссии, начальство принималось готовить следующий состав, подбирая наиболее подходящих для этого лиц. То есть подготовка и комплектация кадров были вопросами стратегического, а не тактического, сиюминутного характера.

Важным опытом миссионерской деятельности в Китае стало участие в составе РДМК не только церковных, но и гражданских лиц. Иногда в состав Миссий (третьей, пятой, восьмой и девятой) от Коллегии иностранных дел назначались приставы из числа сотрудников или военных. Они возглавляли торговые караваны, с которыми отправлялись миссионерские экспедиции в Пекин и обратно. Иногда приставам давались дипломатические поручения, к выполнению которых они привлекали студентов Миссии. Так, по поручению пристава М.В. Игумнова ученики шестой Духовной Миссии А. Агафонов, А. Парышев и Ф. Бакшеев вели «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год» [3. С. 167]. Поскольку официальные посольства из России в Китай были редки, то российское

правительство иногда использовало приставов для передачи каких-либо посланий китайским властям. Приставы от МИДа были во всех Миссиях до 1863 г. Сложно сказать, как дипломатические работники или купцы влияли на дело проповеди в Китае. Эти направления деятельности весьма ситуативны в отношении к Миссии и могли нести как нечто положительное, например, укрепление интереса к Православию со стороны китайцев в результате успешных торговых обменов, так и напротив, навредить проповеди, если обмен оказался неудачным.

Совершенно другая перспектива открывалась от приглашения в Китай в составе РДМК людей свободных профессий. С десятой Миссии впервые стали прикомандировывать по одному врачу, а с одиннадцатой — иногда и по одному художнику, что повышало авторитет РДМК среди местного населения. Так, к доктору О.П. Войцеховскому (сотруднику десятой Миссии) обращались не только крупные чиновники и богатые, но и бедняки, составлявшие основную массу его пациентов [12. С. 140]. Профессионализм врача П.Е. Кириллова (сотрудника одиннадцатой Миссии) оценивался так высоко, что даже медик императорского двора, управляющий врачебным приказом, предпочел доверить лечение своей матери русскому врачу, а не придворным лекарям [12. С. 140]. При этом очевидно, что медицинская помощь русского врача существенным образом снизила смертность и среди ее состава. За время существования РДМК с десятой по восемнадцатую Миссии умерло только 6 человек (в первых девяти Миссиях — 35).

Определенным влиянием пользовались и художники. Первым профессиональным художником, оказавшимся в Пекине, стал живописец А.М. Легашёв (в составе одиннадцатой Миссии). Китайцы настолько заинтересовались европейским живописным искусством, что российский художник был буквально завален заказами на портреты и картины, которые он писал в подарок китайцам, в том

числе чиновникам по их «неотступным просьбам». Вне всякого сомнения, популярность русского художника в Китае была действительно велика [13. С. 57].

Таким образом, пестрый состав Миссии, включавший в себя людей разнообразных навыков и профессий, представляется весьма успешным, поскольку в этом случае возникает больше поводов для миссионерского действия. Культура и помощь человеку в бытовых вопросах дают большее соприкосновение населения и миссионеров, рождает среди первого интерес и благодарность, что также способствует успеху в обращении.

Отправлявшиеся в Китай миссионеры проходили свое служение ограниченное количество времени, после чего возвращались в Россию и занимали другие церковные посты. Время пребывания в Духовных Миссиях в Пекине в среднем составляло 11 лет (не считая затраченного времени по пути в Пекин и обратно): первая Миссия находилась там 13 лет, вторая — 6, третья — 7, четвертая — 11, пятая — 16, шестая — 10, седьмая — 13, восьмая — 13, девятая — 14 лет. Причем до окончания сроков пребывания в Китае оставались живыми и в добром здравии далеко не все, за период работы первых девяти Миссий умерли 35 человек (4 начальника Миссий, 13 священнослужителей, 6 причетников и 12 учеников) [13. С. 310–312].

В среднем время пребывания миссионерских экспедиций в Пекине до учреждения российского консульства составляло 8 лет: десятая Миссия — 9 лет, одиннадцатая — 10, двенадцатая — 9, тринадцатая — 8, четырнадцатая — 6 лет. Что оказалось существенно меньше, чем в первых девяти Миссиях.

Сменяемость составов РДМК объяснима с точки зрения человеческой психологии: чрезвычайно трудно отказаться от привычного окружения, хода жизни ради поездки с проповедью в малознакомый и весьма далекий Китай. Такое под силу только очень волевым людям с горящим за веру сердцем. Они появляются крайне ред-

ко даже в христианской среде. Поэтому чтобы отыскать кого-либо для проповеди, иного выхода, кроме ограничения срока миссионерства, не было. Тем не менее это представляется всё же слабым местом. Проповедь целому народу, к тому же народу такому сложному, каким являются китайцы, можно осуществлять только в течение продолжительного срока, который, конечно, не может измеряться и десятью годами. Опыт общения, особенности существования в своеобразной культуре и т.п. детали постигаются только практикой, которую приходилось приобретать заново каждые 8–10 лет. Поэтому срок действительно эффективной миссионерской деятельности каждого состава РДМК сокращался ровно на такое количество лет, которое требовалось ее членам для освоения в новых для себя условиях.

К счастью, сменяемость состава РДМК существовала не на всем протяжении ее истории. Существенные преобразования в кадровой политике произошли после заключения Тяньцзинского трактата в 1858 г. Наряду с важными изменениями, касающимися отношения цинского правительства к деятельности религиозных миссий, были отменены какие-либо ограничения в сроках ротаций и количества сотрудников состава РДМК [14. С. 33]. В результате Святейший Синод в 1864 г. отменил лимитированный срок (6 лет) пребывания сотрудников в Духовной Миссии [3. С. 376].

С одной стороны, эта мера практически полностью отменяла прежнюю политику «добровольно-принудительного» набора кадров и участия их в работе РДМК. С другой — ротация кадров стала происходить не путем смены целых составов Миссий, а пополнением отдельными новыми сотрудниками РДМК по мере возвращения в Россию прежних. Это привело к тому, что далеко не все участники Миссий оставались на более или менее продолжительное время. Бывали случаи, когда в РДМК (в шестнадцатой и семнадцатой Миссиях) оставались один или

два человека, дожидаясь приезда новых, что не могло не сказаться на продуктивности Духовной Миссии.

Способствовали привлечению кадров в состав РДМК и награды, которые получали члены миссии, успешно прошедшие свое служение. Старания сотрудников РДМК (если они себя положительно зарекомендовали) после возвращения в Россию поощрялись пенсией, начальнику Миссии гарантировался епископский сан, иеромонахам — наперстный крест и сан архимандрита, а ученики поступали на службу в МИД в качестве переводчиков [16. С. 8–9].

Так, сотрудников четвертой Миссии еще до возвращения в Россию Святейший Синод распорядился наградить [3. С. 198]. За добрую службу архимандрита Гervasия (Линцевского) рукоположили во епископа Переяславского и Бориспольского [3. С. 197]. Архимандрит Николай (Цвет) был назначен настоятелем Кирилловского Свято-Троицкого монастыря, где и скончался два года спустя после приезда в Россию [5. С. 83]. Архимандрит Софроний (Грибовский) был награжден пенсией и определен в Московский Новоспасский монастырь, чтобы поправить слабое здоровье, где и скончался 6 лет спустя после приезда в Россию [5. С. 97]. Всех учеников, хорошо зарекомендовавших себя, Коллегия иностранных дел зачисляла в свой штат, и они становились переводчиками и/или преподавателями школ по изучению восточных языков. Например, И.К. Россохин стал руководителем школ китайского и маньчжурского языков при Академии наук и Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге; А.Л. Леонтьев стал учителем в школе китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел; А.С. Агафонов, Ф.И. Бакшеев и А.Н. Парышев были назначены переводчиками Коллегии иностранных дел при сибирском губернаторе, А.Г. Владыкин стал преподавателем китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел [7. С. 532–544].

Разумеется, отрицательная характеристика, полученная на месте служения, могла стать причиной на-

казания. Примеры карательных мер можно привести следующие. Архимандрит Антоний (Платковский) был обвинен в растрате денег и безнравственном поведении, за что лишен сана и как обычный монах отправлен в Троице-Сергиеву Лавру на покаяние [4. С. 637]. Архимандрит Иакинф (Бичурин) был обвинен в неисполнении своих обязанностей, самовольной продаже недвижимости Миссии и развратном поведении, после чего лишен сана и сослан на Валаам [17. С. 120–121].

За непотребное поведение в Пекине (зачастую из-за непомерного пьянства) Святейший Синод мог досрочно отправить сотрудников в Россию, так было велено поступить с архимандритом Антонием (Платковским), его сотрудником — иеромонахом Иваном (Филимоновым), студентами девятой Миссии Маркеллом Лавровским и Евграфом Грозовым [17. С. 120].

Судьбы усердных проповедников после возвращения из Китая, как правило, складывались удачно. Их ждали повышения по службе и награды. Начальник двенадцатой Миссии архимандрит Поликарп (Тугаринов) был награжден орденом святой Анны 3-й степени, орденом святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени. Также ему была присвоена пожизненная пенсия в 1,5 тысячи рублей. Синод предлагал ему должность викарного епископа, однако архимандрит Поликарп отказался, сославшись на расстроенное здоровье. Ему было разрешено поселиться в Югской Дорофеевой пустыни Ярославской губернии, обосновавшись в которой, он был избран ее настоятелем в 1863 г. [18. С. 78]. Разумеется, самым заслуженным членом стал начальник шестнадцатой Миссии архимандрит Флавиан (Городецкий), закончивший свой жизненный путь в сане митрополита Киевского и Галицкого.

Окончательно временный характер миссионерское служение в Китае потеряет в начале XX в. Новый этап в кадровой политике наступит с восемнадцатой Миссии.

После подавления восстания Ихэтуань цинское правительство фактически лишилось суверенитета. Что в свою очередь позволило Святейшему Синоду перейти к более решительным мерам в Китае, не опасаясь репрессивных последствий от богдыхана и его двора.

После возведения в Санкт-Петербурге Иннокентия (Фигуровского) в епископский сан (1902 г.) он вернется в Китай со значительным пополнением, состоящим из 34 сотрудников Миссии (5 иеромонахов, 1 священник, 1 иеродиакон, 1 диакон, 11 послушников, 2 техника и 2 художника и еще 11 мастеровых) и также 40 человек обслуживающего персонала [19. Л. 16].

В 1903 г. из Красноярского монастыря приехали 5 сестер, которые образовали женский монастырь в Пекине во главе с настоятельницей Евпраксией [20. Л. 3]. С течением времени состав Миссии постоянно менялся, одни выбывали, другие приходили. Однако по мере развития деятельности РДМК количество ее сотрудников увеличивалось.

Известно, что к началу 1914 г. в основной состав Миссии (не считая обслуживающего персонала и наемных работников) входили: 1 епископ, 2 архимандрита, 1 игумен, 2 иеромонаха, 5 священников, 8 иеродиаконов, 1 диакон, 6 монахов, 7 послушников и 3 псаломщика.

Из них православные китайцы: 3 священника, иеродиакон, диакон, 2 монаха, 2 послушника.

Кроме того, в Миссии работали 32 китайца и 1 албазинец, 24 из них в качестве учителей и катехизаторов и 9 служащих.

Таким образом, основной состав Миссии на начало 1914 г. состоял из 69 человек.

20 священнослужителей совершали богослужения и молебны в 19 храмах и 3 часовнях.

20 монахов и 7 послушников были насельниками мужского и женского монастырей, а также 1 скита в горах Сишань.

Несколько десятков учителей и катехизаторов (включая миссийских священнослужителей) работали в 32 миссионерских станах, Пекинской семинарии, 17 мужских и 3 женских школах [21. С. 31].

В свете изложенного можно подвести соответствующие итоги. Во второй период деятельности РДМК происходили существенные кадровые изменения.

С десятой Миссии Святейший Синод стал назначать начальников из опытных сотрудников предыдущих миссионерских экспедиций. Выбранные начальники Миссий принимали непосредственное участие в поиске и подготовке своего состава миссионерской экспедиции. В языковой подготовке нового состава, передаче опыта и знаний также принимали участие опытные синологи из предыдущих Миссий, которые преподавали в языковых школах при Азиатском департаменте или Департаменте духовных дел.

В новой инструкции от 1819 г. был изменен кадровый состав Миссий: одного из 4 студентов теперь назначал министр духовных дел и народного просвещения, были введены в штат пристав и врач. С одиннадцатой Миссии иногда прикомандировывали и художника.

Также инструкция отдельно прописывала разного рода поощрения после возвращения в Россию. Средний срок пребывания миссионерских экспедиций в Пекине стал значительно меньше — 8 лет.

В целом кадровые изменения оказали положительное влияние на деятельность РДМК, которая стала настоящей школой для будущих дипломатов, выдающихся синологов и церковных деятелей, а светские сотрудники Миссии, врачи и художники, значительно повысили ее авторитет и влияние в Пекине. К тому же врачебная помощь миссийского доктора еще и способствовала значительному сокращению смертности среди ее сотрудников.

До учреждения российского консульства в Пекине основной состав Миссий оставался прежним: священнослужителей было около 3–5, а студентов — около 4.

Существенные изменения в кадровой политике также произошли после подписания Тяньцзиньского трактата (1858 г.) и вывода РДМК из двойного подчинения (1863 г.). Штат Миссии был сокращен из-за вывода из него всех светских сотрудников и студентов. При этом были введены новые члены: священник и катехизатор, которыми могли быть православные китайцы, что отражало постепенную переориентацию деятельности РДМК на миссионерское служение при содействии местного православного населения.

Также Синодом были отменены ограничения на сроки пребывания Миссии в Пекине, что существенным образом повлияло на систему ротации кадров РДМК. Кадровая политика Синода стала в большей степени основываться не на «добровольно-принудительном» принципе, а на желании как выбираемых кандидатов, так самих сотрудников РДМК. При этом такой подход не способствовал сохранению полного комплекта сотрудников Миссии, так как далеко не все желали оставаться в чужой стране на более или менее продолжительное время; бывали случаи, когда в РДМК оставалось 1–2 человека.

Следующие значительные изменения произошли в период работы восемнадцатой Миссии после подавления восстания Ихэтуань. Святейший Синод стал проводить более решительную кадровую политику в свете утраты фактического суверенитета империи Цин. Поэтому увеличение состава РДМК в начале XX в. происходило без каких-либо согласований с правительством Китая или опасений с его стороны репрессивных мер. Это в свою очередь позволило владыке Иннокентию (Фигуровскому) значительно увеличить продуктивность РДМК и положить прочное основание для своей кафедры в Поднебесной.

Таким образом, к успехам в подборе кадрового состава РДМК можно однозначно отнести установление и соблюдение достаточно высоких требований к кандидатам в миссионеры. Только человек, имеющий подготовку

и не зарекомендовавший себя отрицательным поведением, мог представлять Православие в Китае. Важно то, что в состав Миссии приглашались не только священнослужители, осуществлявшие прямую проповедь, но и люди других профессий, способные к проповеди косвенного характера. Их совместная работа представляла возможность большей работы с местным населением. Наконец, материальное вознаграждение для миссионеров, дававшееся им даже на земле за апостольские труды, делало проповедь привлекательной для большого числа лиц. На этом фоне слабым всё же представляется сменяемость состава Миссии, тормозившая ее развитие, но являвшаяся, по-видимому, неизбежным в условиях отсутствия людей, готовых понести миссионерский подвиг исключительно во славу Божию, без каких-либо наград на земле.

Литература

1. Кяхтинский трактат с условиями политических и экономических взаимоотношений между Россией и Китаем (текст трактата с русской стороны). 1727 г, октября 21 // Русско-китайские отношения. 1689–1916: Офиц. документы / сост.: П. Е. Скачков и В. С. Мясников. М., 1958 г. С. 19–20.
2. Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. II. Вып. 3. Сношения с Россией. Владивосток, 1910.
3. Николай (Адоратский), иером. История Пекинской духовной миссии. Владивосток, 1910.
4. Хохлов А.Н. Антоний (Платковский) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 2. С. 637.
5. Августин (Никитин), архим. Россия и Китай: становление отношений (Пекинская Духовная миссия в XVIII столетии) // Миссионерское обозрение. 2001. №7. С. 71–87.
6. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
7. Дацышен В.Г. Русские китаеведы XVIII — начало XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий биобиблио-

ографический справочник) // Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН. Т. I / сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2013.

8. Мажаровский А. Петр Каменский, архимандрит, начальник 10-й Российско-императорской миссии в Пекине // Русская старина, 1896. Т. 85. С. 588–612.

9. Попов П.С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888.

10. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007.

11. Доронин Б.Г. История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII — середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 99–105.

12. Скачков П.Е. Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 136–148.

13. Нестерова Е.В. Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства. // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 52–68.

14. Сборник документов по русско-китайским отношениям. Хабаровск, 1916.

15. Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. Казань. 1884. Ч. 2. С. 376–390.

16. Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // БК. Пекин. 1915. Вып. 13–14.

17. Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 1. С. 115–128.

18. Строев П.М. Список иерархов и настоятелей монастырей Российские Церкви. СПб., 1877.

19. РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29225.

20. РГИА. Ф. 797. Оп. 77. Д. 580 (2 от. 3 ст.).

21. Ковалева Е.В. Иннокентий (Фигуровский) // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 23. С. 30–33.

Священник Михаил Лях*

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДАЛМАЦИИ» ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (УСПЕНСКОГО) КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье представлена история «Путешествия по Далмации» в разрезе культурно-исторического источника — первого раздела «Книги бытия моего», мемуарно-публицистического труда епископа Порфирия (Успенского), востоковеда и византолога, палеографа и археолога. В основу «Путешествия по Далмации» легли записи дневника тогда еще архимандрита Порфирия об устроенной им экспедиции по Далматинскому побережью с 8 по 20 июня 1842 г. Описание состояния исторических памятников, архитектурных шедевров, городской планировки — все это дает современным исследователям уникальную возможность узнать быт и культуру этого исторического периода. При этом историческая ситуация, а именно деятельность и быт Православной Церкви на территории Далмации занимают не менее важное место, позволяя отчетливо и ясно составить историческую картину происходивших тогда событий.

Ключевые слова: епископ Порфирий (Успенский), Книга бытия моего, Путешествие по Далмации, положение Православной Церкви за границей, творческая история, источники.

* Автор — бакалавр богословия, студент магистратуры кафедры церковной истории Московской духовной академии.

Порфирий Успенский — выдающаяся своей деятельностью и наследием фигура XIX столетия. Но стоит попытаться ознакомиться, погрузиться в то, что же нам известно о нем, как открывается неприглядная истина: настоящий его «портрет» отрывочен и неясен. Неоспоримо, что причин подобного положения дел предостаточно, и немаловажной особенностью, усугубляющей их все, является «ширина» интересов владыки.

Наследие покойного владыки Порфирия, которое было написано им собственноручно и в дальнейшем стало храниться в Академии наук, можно разделить на три основные части:

- первой из них являются ученые труды, которые были обработаны самим епископом Порфирием;

- вторая логическая часть есть не что иное, как достаточно большие и глубокие материалы, относящиеся к научной деятельности, которые епископ собирал достаточно долго;

- к третьей части наследия владыки Порфирия следует отнести его дневники: часть из них закончена, а содержание другой можно почерпнуть из отрывочных заметок. Следует отметить, что к ним относятся и материалы его личной жизни, такие, как служебные переписки и бумаги¹.

В ходе исполнения завещания владыки члены Императорской академии наук приняли решение об исполнении желания епископа именно в том порядке, в каком и были составлены и разделены его труды. Более того, в настоящее время существует окончательное издание «История Афона» владыки Порфирия².

Таким образом, становится понятно, что все его труды, в том числе автобиографические заметки и дневники, могли быть изданы только через достаточно большой отрезок времени после его смерти, так как владыка оставил после себя большое количество важных бумаг, которые требуется исследовать³.

Императорское Православное Палестинское общество вошло в состав учрежденной при Академии наук Порфирьевской комиссии для того, чтобы способствовать в деле издания трудов покойного владыки не только по причине большого количества рукописей, но и из-за того, что именно епископ Порфирий является первым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме: в то время он подробно рассматривал и описывал посещаемые им места. Данные труды представляли большую ценность по той причине, что в то время кроме трудов епископа Порфирия, посвященных святым местам, в которые он приезжал, не существовало каких-либо других подобных научных трудов. Более того, труды владыки очень важны, так как он обращал пристальное внимание на бытовую жизнь жителей посещаемых им мест⁴.

Члены Порфирьевской комиссии не нашли в предложении Палестинского общества ничего противоречащего завещанию покойного владыки: наоборот, они достаточно сочувственно отнеслись к предлагаемой помощи и вместе со своими предложениями о предстоящей работе внесли предложение от членов Палестинского общества в документы заседания общего собрания членов Императорской академии наук, которое проходило 3 октября 1892 года. В ходе заседания было принято решение принять в Порфирьевскую комиссию членов Палестинского общества — был назначен один из академиков Императорской академии наук для несения ответственности за работу членов Палестинского общества в комиссии.

В ходе заседания также было принято решение о передаче всех материалов на печать Православному Палестинскому обществу по завершении работы над трудами владыки Порфирия. Необходимо отметить, что на заседании было принято решение о виде заглавного листа издания трудов владыки. На нем должно было быть напечатано: «Издание Императорской Академии Наук на иждивении Императорского Православного Палестинско-

го общества»⁵. Также было принято решение о том, что после печати каждого тома трудов владыки 500 экземпляров данного издания должно было быть передано на хранение и распоряжение Императорской академии наук. Редактором издания члены Академии назначили члена Порфирьевской комиссии академика В.Г. Васильевского⁶.

После принятия данных решений Палестинское общество, заранее посоветовавшись с В.Г. Васильевским, приступило к работе над будущим изданием. Важно заметить, что название своим дневникам владыка дал сам: «Книга бытия моего»⁷.

В ходе печати трудов владыки Порфирия члены комиссии приняли решение строго придерживаться оригинала, так как изменять составленные бумаги владыки не решился не только ни один из членов комиссии, но и ни один академик Императорской академии наук. Данное отступление от оригинального текста воспринималось ими как святотатственное посягательство на труды владыки, так как достаточно резкие и сильные выражения владыки должны быть приписаны именно его любви к православной вере и Родине⁸. Примером таких слов может служить отзыв епископа Порфирия о Селевкийском митрополите Иакове, с которым он встретился во время путешествия по Палестине и Сирии: «Митрополит Иаков из туземных арабов — черной крови. Мало говорит по-гречески. Совершенный невежа, — бедуин; от него пахнет псиною; руки его необычайно черны ... В деревне митрополичьей есть униаты. Уния вторглась сюда лет за 80, и церковь отнята у православных лет за 50. Таким образом митрополит остается без церкви. Он даже не умел рассказать о начале унии. Старый священник, служивший сегодня обедню, помог ему. — Патриарх виноват, — есть люди, да невежи делают епископами. При таких беспорядках погибнет православие»⁹.

Но из изученных и опубликованных материалов действительно мало. Основная их часть, как и прежде, являет

собой неразобранные рукописи. Те самые, которые владыка Порфирий завещал Императорской академии наук и которые должны были выходить в печать на проценты от двадцати тысяч императорских рублей¹⁰. Так или иначе, на сегодняшний момент в Архиве БАН хранится 199 дел, «принадлежащих перу» Константина Александровича Успенского (епископу Порфирию), которые включают в себя различный материал, который проработан только лишь на 27%¹¹.

Насколько такое положение дел соответствует действительности, прекрасно показывает опись фонда, носящего одноименное название, если подобное понятие (описи) вообще применимо к ней¹². Ведь по сути всё что предстает взгляду исследователя, — труд Полихрония Александровича Сырку,¹³ — пожалуй, чуть ли не единственная работа, показывающая обширность и глубину наследия владыки Порфирия.

Путешествие по Далмации стало для Порфирия Успенского одним из первых «дел», которым он впоследствии посвятил множество своих сил и трудов, и тем, благодаря чему исследователи сегодня имеют множественные ценнейшие и уникальные культурно-исторические сведения. 15 ноября 1840 г. архимандрит Порфирий стал настоятелем Русской духовной миссии в Вене. Находясь там, он за полуторагодовой промежуток овладел немецким языком и организовал научную экспедицию в Далмацию с целью изучению быта и письменности юго-западных славян.

Далмация — древняя земля, некогда служившая пристанищем далматов, либурнов, фракийцев, кельтов¹⁴. Место, испытывавшее и запечатлевшее на себе влияние «железного» Рима и «многомудрой» Византии, жившее под тяжестью Османской империи. Такая земля не могла не вызывать притягательного человека, который бы интересовался искусством, палеографией, археологией и многим другим. Архимандрит Порфирий просто не мог

проигнорировать возможность посетить грады и веси этого древнего края, прикоснуться к христианским святыням, увидеть и запечатлеть памятники истории и архитектуры.

«Поездка по Далмации» включает в себя 22 пункта:

«Округ Каттарский. Названия округа, его границы, географическое положение и уезды»; «Местности округа»; «Воспоминания о Каттарском канале»; «Порт Розе»; «Лустацца и Картолле»; «Кастельнови»; «Теоде»; «Рисано»; «Кривосчие»; «Перашто»; «Глиута. Ораговац»; «Доброта»; «Мулла. Перцано. Столиво»; «Каттаро»; «Пристань Трасте»; «Ксуппа или четыре Графства»; «Будва»; «Стагневич»; «Паштровичи»; «Крепосца Св. Стефано»; «Кастель Ластуа»; «Босковичья Кула». Но при знакомстве с источниками и тщательном прочтении нельзя не заметить некоторой двойственности.

Впервые у читателя, взявшего «Книгу бытия моего» в руки и начинающего ознакомление с «Путешествием по Далмации», может возникнуть ощущение того, что архимандрит Порфирий сосредотачивает свое внимание преимущественно на искусстве, архитектуре и быте этого края, лишь отмечая произошедшие с ним события и делаясь своими впечатлениями. Но стоит лишь вчитаться, становится понятно, что это не совсем так.

Красной линией, выдающей глубинные переживания владыки, проявляется беспокойство и глубокие переживания его о судьбе и быте Православной Церкви, которая испытывает «вдовство» и притеснения. Да и как может быть иначе, ведь первые десятилетия XIX столетия ознаменованы для российского общества пристальнейшим интересом к истории зарубежного славянства, к его быту и нуждам¹⁵. Именно тогда славянский вопрос становится наиболее острым¹⁶. Настолько, что учащиеся высших российских учебных заведений в 20-е гг. с жарким пылом и весьма серьезно обсуждали идеи о «соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство»¹⁷.

Подобное явление не могло не оставить следа и на формировании «картины мира» владыки Порфирия, а тогда еще семинариста Константина Александровича. Служба в Одессе, собственное монашеское и священническое служение, искренняя любовь к Церкви, размышления — всё то направляло внимание архимандрита Порфирия к быту «общества верных» в окружающих странах.

Потому-то в путешествии по Далматинскому побережью от Триеста до Каттаро действительно встречается акцентуация на быте и проблемах располагавшейся на этих землях Православной Церкви.

Так, определенный интерес вызывает описание епископом Порфирием жизни и устройства духовной семинарии, расположенной в Шибенике. Данное учебное заведение находилось на иждивении правительства, при этом автор отмечает, что оклад получали только лишь представители администрации и преподаватели, — ученики же в свою очередь оставались без государственного пособия. Однако, генерал — викарий (временно управляющий епархией архимандрит) выделял некоторое содержание для студентов. Собственно, семинария была рассчитана на небольшое количество воспитанников — всего лишь на 25 человек (при епископе Порфирии там обучалось 22 человека). Учебная программа семинарии была рассчитана на 5 курсов, на которых преподавались основополагающие дисциплины, а именно: догматическое, практическое и пастырское богословие, катехизис, церковная история и философия. «Преподавание идет на сербском языке. Иностранным языкам не обучают. Я видел классные комнаты: чисты, опрятны, светлы. Библиотеки нет»¹⁸.

В том же городе, по словам владыки Порфирия, были расположены три действующих православных храма. К главному городскому храму примыкал большой дом, который изначально был предназначен для проживания далматинского епископа, но к тому моменту там жил некий протоиерей. Интересно, что духовенство оказывало

посильное попечение о православных детях: так, младший священник на нижнем этаже того самого дома проводил занятия с детьми, обучая их основам православной веры и церковному пению: «При мне они пели: «Отца и Сына и Св. Духа», «Благословен еси, Христе Боже наш», «Приидите поклонимся», Их пение — дикой крик; но зато они заменяют дьячков и пономарей, которых нигде нет в Далмации»¹⁹, — т.е. возможно считать, что таким образом далмацкое духовенство предпринимало попытки в той или иной мере воспитать будущих пастырей и служителей Церкви.

Епископ Порфирий в своем дневнике описывает встречу с шибеницким протоиереем, который проживал в этом доме. По словам владыки, «он человек очень умный, добрый и хороший. По тамошнему обычаю, жена его не показывалась, но дочь его, большая и красивая девица, подчивала нас кофеем и лимонадом, наперед полюбив (т.е. поцеловав) мою руку. В оба раза протоиерей говорил мне, что он со всем усердием рад бы был принять меня и упокоить в своем доме, но боится полиции. Как это больно! Имя русское так страшно и подозрительно в Далмации. Младший священник, казалось, боялся подходить ко мне близко»²⁰. Эти слова дают практическую картину отношения местного населения в описываемое время к русским.

Также владыка Порфирий обращает внимание на те неровности, которые происходили во взаимоотношениях между православным и католическим населением в Далмации. На это указывают слова одного местного священника, обращенные к владыке: «Недавно (говорил младший священник) мы провожали на кладбище тело усопшего. Навстречу нам шел один католический священник; он не только не посторонился, но еще растолкал плачущий народ и даже не снял своей шляпы пред святыми иконами и крестом Господним»²¹.

В связи с этим можно утверждать, что православное население Далмации на тот момент переживало серьезное

давление со стороны католиков, которые в свою очередь принуждали первых к принятию унии. Епископ Порфирий здесь приводит интересный случай, согласно которому в 1842 г. в Далмации был сильный голод. Правительство оказало поддержку населению, выдавая ему хлеб, но только с условием принятия унии. Многие православные подписали это соглашение, но как только у крестьян родился хлеб, они как бы забыли об этом соглашении. И когда правительство решило напомнить им о расписке, то те в свою очередь ответили следующее: «Теперь Бог наш уродил хлеб и масло и вино, так мы не хотим быть униатами, не хотим прогневить Бога»²².

Интересным представляется описание епископом Порфирием внешнего вида местных священников: «В Рагузе на главной улице я случайно встретил православного священника, который шел в свою церковь за город служить вечерню. Он женат, имеет двоих детей, молод, хорош собою. Я заметил, что у него почти вся голова выстрижена, только спереди и на затылке волосы длинные. Выстриженное место покрывается черною скуфьею. Так ходят все священники православные и в Далмации, и в Венеции. На нем был черный подрясник и поверх черный кафтан. На ногах красные чулки и черные башмаки; священник живет в Рагузе уже 10 лет»²³.

Будучи человеком широко образованным, хорошо знавшим классические и новые языки, обладая пытливым умом и неутомимой энергией, горячо любя науку ради самой науки и отдаваясь ей с юношеским увлечением, владыка Порфирий совмещал в себе много данных для успешного изучения прошлого и современного состояния Востока. Этим объясняется как обилие собранного им материала, так и вдумчивая (не без поэтических, впрочем, по свойству его темперамента, уклонов) обработка его, выразившаяся в целом ряде ценных, иногда даже капитальных произведений.

Преосвященный Порфирий в качестве эпитафии к одному из своих сочинений поместил следующее изречение Лафатера: «Отыскивать истину в путанице понятий, предощущать ее, находить ее, исправлять свои ошибки, — вот моя утеха, мое старанье»²⁴. Эпитафия выбрана очень удачно. Он верно характеризует всю научно-литературную деятельность владыки Порфирия. Любовь к истине была ему присуща, усилия к отысканию ее были велики, а приобретение ее всегда доставляло ему чистую радость. Эта любовь к исторической правде не оставляла автора в тех даже случаях, когда его глубокое религиозное чувство, привыкшее ценить благочестивые предания старины, делало как бы некоторые преграды критическому уму Преосвященного.

Источники

1. Далмация // Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2628181 (дата обращения: 8.03.2021).
2. Из «Сообщений Императорского Православного Палестинского Общества» за 1995 г., т. XVI. С.-Петербург. Типография В. Киришбаума, Дворц. площ. д. М-ва Финансов 1906.
3. Корсунский И.Н. Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Korsunskij/rets-na-porfirij-uspenskij-ep-kniga-bytija-moego-dnevniki-i-avtobiograficheskie-zapiski/ (дата обращения: 8.03.2020).
4. Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevniki-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/3_2 (дата обращения: 8.03.2021).
5. Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Издательство: Даръ. 2007.

Литература

6. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение истории южных и западных славян. М., 1988.
7. Мыльников А.С. Об истоках становления славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 5–42.
8. Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности. Казань, 2005.
9. Сырку П. Описание бумаг еп. Порфирия (Успенского), пожертвованных императорской академии наук по завещанию. СПб 1891.

Примечания

- ¹ Сырку П. Описание бумаг еп. Порфирия (Успенского), пожертвованных императорской академии наук по завещанию. СПб 1891. С. 45.
- ² См: Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Издательство: Даръ. 2007.
- ³ Из «Сообщений Императорского Православного Палестинского Общества» за 1995 г., т. XVI. С.-Петербург Типография В. Киришбаума, Дворц. площ. д. М-ва Финансов 1906. С. 65.
- ⁴ Сырку П. Описание бумаг еп. Порфирия (Успенского), пожертвованных Императорской академии наук по завещанию. СПб 1891. С. 53.
- ⁵ Сырку П. Описание бумаг еп. Порфирия (Успенского), пожертвованных императорской академии наук по завещанию. СПб. 1891.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Сырку П. Описание бумаг еп. Порфирия (Успенского), пожертвованных императорской академии наук по завещанию. СПб 1891.
- ⁹ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс].

URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/3_2 (дата обращения: 8.03.2021).

¹⁰ Сырку П. А. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891. С. 64.

¹¹ Там же.

¹² Сырку П. А. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891. С. 64.

¹³ Сырку П. А. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891. С. 64.

¹⁴ Далмация//Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2628181 (дата обращения: 8.03.2021).

¹⁵ Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение истории южных и западных славян. М., 1988. Главы I–II. С. 213.

¹⁶ Мыльников А.С. Об истоках становления славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 5–42.

¹⁷ Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности. Казань, 2005. С. 35.

¹⁸ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

¹⁹ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

²⁰ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

моего-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

²¹ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

²² Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

²³ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Том I. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski-tom-1/2_15 (дата обращения: 15.03.2021)

²⁴ Корсунский И.Н. Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Korsunskij/rets-na-porfirij-uspenskij-ep-kniga-bytija-moego-dnevnik-i-avtobiograficheskie-zapiski/ (дата обращения: 8.03.2021).

Протоиерей Александр Берташ*

ПЮХТИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ И В НЕЗАВИСИМОЙ ЭСТОНИИ

Статья представляет собой первое полное историческое описание наименее изученного периода жизни одной из самых известных обителей Русской Православной Церкви — Пюхтицкого Успенского женского монастыря. Монастырь, основанный в 1892 г. на востоке Эстляндской губернии, оказался на территории независимой Эстонской республики и благодаря этому избежал закрытия и разорения, на которые были обречены все обители в СССР. Статья преимущественно основана на выявленных автором архивных делах из Eesti Riigiarhiiv — Эстонский Государственный архив (Tallinn, Tartu).

Ключевые слова: Пюхтицкий Успенский монастырь, Гефсиманский скит Пюхтицкого монастыря, Таллинское (Ревельское) подворье Пюхтицкого монастыря, Эстонская Апостольская Православная Церковь, митрополит Александр (Паулус), архиепископ Евсевий (Гроздов), епископ Иоанн (Булин), игуменья Алексия (Пляшкевич), игуменья Иоанна (Коровникова), Е.Д. Шаховская.

* Автор — настоятель храма во имя святых царственных страстотерпцев в г. Бремене и прихода в г. Бремерхафене Московского Патриархата (Германия), кандидат искусствоведения, кандидат богословия, член Союза архитекторов и Союза журналистов России.

Введение

Пюхтицкий Успенский женский ставропигиальный монастырь, расположенный в северо-восточной Эстонии, в пос. Куремяэ в 22 км к югу от г. Йыхви (ранее Иевве) — крупнейшая женская обитель Балтии, единственный монастырь Русской Православной Церкви в Эстонии, а также имеющий статус ставропигиального вне пределов СНГ. Фактическим основателем обители в 1892 г. на месте явления Божией Матери и обретения иконы Ее Успения (XVI в.) стал Эстляндский губернатор (с 4 апреля 1885 г.) князь С.В. Шаховской (1852–1894)¹. По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «устроенная на месте явления Пресвятой Богородицы и обретения Ее чудотворной иконы обитель стала поистине светочем Христовой веры не только для жителей Эстонии, но и других сопредельных государств ... Пожалуй, главным свидетельством особого покровительства Царицы Небесной этому месту стал тот факт, что Ее милостивым предстательством и по молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского, который благословил основание монастыря, святая обитель не была закрыта в годы атеистических гонений на Церковь. Здесь сохранялось преемство старых русских иноческих традиций»². Такого рода преемство воплотила в себе, например, многолетняя насельница обители монахиня Екатерина (Малков-Панина), прославленная 7 марта 2018 г. в лике святых Синодом Русской Православной Церкви для местного почитания. Она соединила подвиг юродства, столь известный в Древней Руси, с традициями дворянства, в лице лучших своих представителей связанного с монашеством. Иноческие труды Пюхтицких насельниц не прерывались на протяжении более чем века через преемственность игуменского служения, начиная с первой игумении Варвары (Блохиной), до приснопоминаемой игумении Варвары (Трофимовой) и нынешней настоятельницы — игумении

Филареты (Калачёвой)³. Сохранение традиций позволило Пюхтицкой обители после получения Церковью свободы стать источником возрождения российского женского монашества.

Пюхтицкий Успенский женский монастырь представляет собой выдающийся и по своим художественным достоинствам, и по сохранности, архитектурно-художественный и исторический памятник. Но, пожалуй, наименее изученным является период нахождения монастыря в пределах независимой Эстонской республики.

Пюхтицкий монастырь в 1917–1920-е гг.

В 1917 г. в условиях военного времени, в связи с приближением немецких войск и опасностью расхищения монастырского имущества, было принято решение об эвакуации Пюхтицкого монастыря. К тому времени он находился в бедственном положении: не хватало продовольствия, одежды и обуви. Только запасы картофеля позволили избежать голода. Игуменья Алексия (Пляшкевич)⁴ обратилась к председателю Совета Прибалтийского православного братства, которое внесло определяющий вклад в создание монастыря и его благотворительных учреждений, бывшему губернатору, А.В. Бельгарду⁵ с просьбой выделить в помощь монастырю единовременное пособие в 10 000 рублей, и тот 4 января 1917 г. переадресовал его обер-прокурору Синода Н.П. Раеву⁶.

25 августа 1917 г. по договоренности архиепископа Рижского и Митавского Иоанна (Смирнова) и его предшественника, архиепископа Агафангела (Преображенского), который к тому времени занимал Ярославскую кафедру, было принято решение об освобождении для эвакуируемых Пюхтицких сестер Петровского монастыря г. Ростова Великого⁷. 6 сентября пришел соответствующий указ из консистории⁸. 13 октября 1917 г. после молебна, совершенного монастырским священником Христофором Винком⁹,

игуменья Алексия и 37 сестер, взяв с собой чудотворную явленную икону Успения Богородицы, выехали в Ростов¹⁰: оказалось — навстречу большевистскому перевороту. Имущество весом 1 092 пуда 5 фунтов занимало два с половиной вагона. При эвакуации в Ростов было вывезено и затем утрачено значительное число икон, утвари, колоколов и книг. Особо пострадала построенная над могилой князя С.В. Шаховского его вдовой Сергиевская церковь (1895 г., архитектор М.Т. Преображенский), из которой вывезли колокола, большое Евангелие, икону Пресвятой Троицы в серебряном окладе — дар императрицы Марии Александровны, с которой княгиня имела тесную духовную связь, иконы, принадлежавшие князю С.Д. Шаховскому, в том числе перламутровая икона Благовещения из Болгарии, образ Спасителя в медно-вызолоченном окладе, преподнесенный сослуживцами брату князя Сергея, Николаю Владимировичу (1856–1906), государственному деятелю, историку; подаренные блаженной Параскевой Дивеевской иконы Спасителя и Божией Матери в серебряных окладах; серебряный крест с мощами, вделанный в икону святых, два серебряных креста с 10 образками-медальонами, две местных иконы Спасителя и Божией Матери Иерусалимской, иконы Спасителя и Божией Матери с Царских врат, Спасителя — список образа с Боровицких ворот в Кремле, икона Спасителя в киоте и литой образ Христа, благословляющего детей, Богородичные иконы: Успения, Покрова, две Феодоровские, Черниговскую, Казанскую, Всех Скорбящих Радость, большие иконы Спаса Нерукотворного, Спасителя и Божией Матери, образа святителя Николая из Бари, Явления Богородицы преподобному Сергию Радонежскому, преподобного Серафима Саровского в серебряном окладе и великомученика Пантелеимона с частями его раки, святых Ярославских князей — предков Шаховских, святителя Димитрия Ростовского, святителя Николая и мученицы Надежды; складни с древними иконами и с иконами Божией Матери, преподобного Сергия и

праведной Елисаветы, пять малых икон: четыре финифтяных и одна в костяном кольце, большая и малая плащаницы, четыре больших фарфоровых яйца. Некоторые из них (возможно, после эвакуации) находятся ныне в храме (Феодоровская икона, образы Спасителя и Спаса Нерукотворного, Успения, финифтяная икона). Вывезли книги и ноты, даже платья, кровать, посуду и пишущую машинку княгини, оборудование хирургического кабинета из монастыря¹¹.

Для оставшихся в монастыре сестер старшей монахиней была определена казначея монахиня Иоанна (Коровникова; 1867–1943), крестница и духовная дочь праведного Иоанна Кронштадтского. Ее отец, а впоследствии и брат, потомственные почетные граждане из мещан, были старостами Андреевского собора в Кронштадте. По благословению святого праведного Иоанна она поступила в монастырь 27 октября 1893 г., 8 марта 1908 г. приняла постриг.

В недолгий период господства в Эстонии Эстляндской трудовой коммуны (29 ноября 1918 — 18 января 1919 г.) первый эстонский архиерей, епископ Ревельский (с 31 декабря 1917 г.) священномученик Платон (Кульбуш) с протоиереями Николаем Бежаницким и Михаилом Блейве были зверски убиты большевиками в Тарту (14 января 1919 г., канонизированы в 2000 г.). В Пюхтице уже 16–18 ноября 1918 г. большевики опечатали собор, трапезную и Сергиевскую церкви, ограбили монастырскую казну (3 000 руб.), угрожали выслать сестер и взорвать собор. Перед закрытием трапезной церкви протоиерей Христофор Винк отслужил в ней литургию, за которой причастились все сестры, затем 19 декабря, в канун дня кончины отца Иоанна Кронштадтского, панихиду и вынужденно покинул монастырь. В день праздника преподобного Серафима Саровского (15 января) по инициативе белогвардейцев, изгнавших красных, храмы были вновь открыты.

12 сентября 1919 г. вместе с отступавшими белыми войсками Северо-Западной армии генерала от инфантерии Николая Ивановича Юденича в Нарву прибыл окормлявший их архиепископ Евсевий (Гроздов; бывший Псковский и Порховский). В конце 1919 г. он ушел на покой и проживал на бывшем Иверском подворье Илецкого монастыря в Ивангороде¹².

18 декабря 1919 г. по приказу главнокомандующего Северо-Западной армией ливенцы начали отступление от линии фронта по реке Нарове на территорию Эстонии, в район Пюхтицкого монастыря. С конца декабря 1919 г. и до расформирования в марте 1920 г. в окрестностях Пюхтицы были расквартированы воины 3-й стрелковой дивизии Северо-Западной армии генерал-майора М.В. Ярославцева¹³. Они вошли в Пюхтицу в день Рождества Христова, 25 декабря старого стиля. «На фоне ослепительного белого снега и зелени соснового леса высилась гора с собором Богородицы на вершине, по склонам же строения поселка и монастырские. Здесь-то, в домах и сараях, были размещены, крайне тесно и неудобно, чины штабов и учреждений упраздняемых 4-й и 5-й дивизий; повозки и имущество находились под открытым небом. Тут же была расположена учебная команда 3-й эстонской дивизии, а позднее прибыл и штаб дивизии»¹⁴. Генерал, глубоко верующий человек, быстро наладил добрые отношения с насельницами обители, военное духовенство участвовало в праздничных службах.

Но монастырь и воинов настигла страшная трагедия: эпидемия тифа (октябрь 1919–1920 гг.), начавшаяся в Нарве, от которого умерли в общей сложности, по разным данным, от 8 до 12 тысяч воинов Северо-Западной армии и мирных граждан, а также пять насельниц Пюхтицкого монастыря, которые ухаживали за больными. «Русский лазарет (госпиталь) № 9 Северо-Западной армии» располагался в трех зданиях на территории монастыря (Успенский собор, трапезная церковь, дом княгини Е.Д. Шахов-

ской — вероятно, офицерское отделение) и два — за его пределами (гостиница — видимо, тифозный изолятор; пожарное депо¹⁵). Госпиталь был рассчитан на 350 больных и имел пять отделений. К середине февраля 1920 г. в нем лечились 232 тифозных больных, из них более 90% — возвратным тифом. С согласия обители силами лазарета 3-й дивизии Северо-Западной армии были устроены офицерское отделение, дезинфекционная камера, полевые кухни, нары в Успенском соборе и трапезной церкви. По воспоминаниям М.В. Ярославцева, «главный врач дивизионного госпиталя М. передал самовольно эстонцам ценные препараты, инсценировав нападение, и затем перешел сам к ним на службу. Видя угрозу эпидемии для населения, правительство Эстонии установило карантин и взяло в свои руки борьбу с тифом»¹⁶. 23 февраля 1920 г. было заключено соглашение, по которому правительство Эстонии получало 50 000 фунтов стерлингов от Антанты, имущество Северо-Западной армии и принимало на себя заботу о лечении больных и раненых воинов. Принимались активные профилактические меры по предотвращению распространения инфекции.

С конца января 1920 г. тифозных больных окормлял бывший настоятель и священник Знаменской церкви в Ивангороде (1919–1941 гг.) и благочинный Северо-Западной армии, сын Пюхтицкого старосты протоиерей Константин Александрович Колчин (5 мая 1875, имение Ментак — 16 июля 1941, Нарва, погиб от ран, полученных при взрыве боеприпасов, будучи арестован органами НКВД)¹⁷. В период бесчинств так называемой Эстляндской трудовой коммуны он, несмотря на закрытие нарвских церквей, совершил службу на Крещение Господне в 1919 г. и организовал отпевание и погребение убитых коммунистами 8 января протоиерея Димитрия Чистосердова и иерея Александра Волкова (ивангородские новомученики, канонизированы в 2001 г., память 8 января). 11 февраля 1920 г. скончался священник Валентин

Иванович Соловьев, служивший в Иевве. С февраля заболеваемость пошла на убыль, с 1 марта русские госпитали поступили в ведение Эстонской республики¹⁸. Но и за март и апрель в госпитале умерли 13 больных, среди них, 21 марта — военный священник отец Павел Исаков, 43 лет, ранее служивший в селе Осьмино Гдовского уезда. После него и до закрытия 5 мая 1920 г. госпиталь окормлял выпускник Псковской духовной семинарии священник Михаил Кляровский, военный священник, бежавший из немецкого плена, участник «ледяного похода»¹⁹. Будучи с января 1920 г. благочинным 3-й дивизии, он служил в Сергиевской церкви (с 15 июля 1920 г. до октября 1921 г.), затем до 1922 г. исполнял обязанности настоятеля Николо-Арсениевской церкви. Он являлся также председателем беженского комитета Пюхтицы, где нашли приют около 200 человек. С 22 октября 1923 г. до мая 1927 г. он был настоятелем Ильинской церкви в Васкнарве. Духовенство Пюхтицкого монастыря окормляло также Русский госпиталь № 8 на 200 человек и 4 отделения, который располагался в зданиях окрестных мыз Иллука, Пагари и Куртна. В 1921 г. в возрасте 51 года скончались главный врач госпиталя № 9 Сергей Владимирович фон Виттенбург, служивший ранее в лейб-гвардии Волынском полку, и первый староста прихода, купец Александр Иванович Колчин, пожизненный братчик Иеввенского отделения Прибалтийского православного братства.

В монастыре в эти годы служили эмигранты протоиерей Владимир Гаврилович Преображенский, бывший настоятель Космодамианской церкви в с. Гвоздно Гдовского уезда (1919–1920 гг.), священники Александр Александрович Богоявленский (1918–1919 гг.), исполнявший обязанности настоятеля; Николай Васильев (1918–1919 гг.), Григорий Горский (1919–1920 гг.), служивший вместе с отцом Михаилом Кляровским в 16-м Великоостровском полку Северо-Западной армии. Он заболел в монастыре тифом и поправился благодаря са-

моотверженному уходу сестер. К маю 1920 г. эпидемию в основном удалось подавить.

Освобождение Эстонии от красных не сразу привело к миру в обители и в Эстонской Православной Церкви. Церковное управление возглавил Эстонский епархиальный совет под председательством священника Н. Пятса (1871–1940), брата будущего премьер-министра и президента Эстонской республики Константина Пятса (1874–1956). В числе тех, кто вынужден был бежать от большевиков, на территории Эстонии оказались и ряд священнослужителей. Совет занял конфронтационную позицию по отношению к русским приходам в Эстонии и духовенству: прежде всего к тем, кто вынужден был эмигрировать из Советской России как к якобы противникам национальной Церкви и государственности. Через националистически настроенного министра внутренних дел А. Хеллата епархиальный совет добивался арестов и высылки неугодных, начиная с архиепископа Евсевия (Гроздова), его сына и секретаря Сергия Гроздова, с 1929 г. — священника, служившего некоторое время в Сыренце (Васкнарве), и протоиерея Алексия Аристов (с 1909 г. — настоятеля Александро-Невского собора и Ревельского благочинного, с 1919 г. — благочинного новоучрежденного благочиния русских приходов (шесть русских приходов, включая Пюхтицкий, в него не вошли). Епархиальный совет предложил использовать Пюхтицкий монастырь в качестве места содержания представителей русского духовенства во главе с архиепископом Евсеем до их депортации. Обители удалось избежать этого под предлогом отсутствия подходящих помещений²⁰.

27 апреля — 10 мая 1920 г. Эстонская Православная Церковь получила автономию от Патриарха Московского и всея России Тихона, а в сентябре ее Собор избрал архиепископом Таллинским и всея Эстонии протоиерея Александра Паулуса²¹. 5 декабря 1920 г. состоялась его архиерейская хиротония, которую совершили архиепископ

Евсеем и архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов). В 1923 г. под давлением светских властей и радикальной части эстонского духовенства, стремившихся к автокефалии, без ведома Святейшего Патриарха Тихона, находившегося под арестом, состоялся переход Эстонской Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, не признанный Священноначалием Русской Церкви. В 1924 г. была образована Нарвская епархия, состоявшая исключительно из русских приходов Эстонии и не имевшая четких географических границ. 1 декабря 1925 г. новую кафедру возглавил с титулом «архиепископ Нарвский и Изборский» владыка Евсеем, избранный представителями от 31 русского прихода 10 сентября 1924 г. Однако Пюхтицкий монастырь продолжал оставаться в юрисдикции митрополита Александра вместе со 134 приходами. В июле 1926 г. Эстонская Православная Церковь стала официально именоваться Эстонской Апостольской Православной Церковью (ЭАПЦ).

Иеввенское отделение Прибалтийского православного братства 4 ноября 1919 г. было зарегистрировано как «Пюхтицкое на Богородицкой горе Попечительное Братство», председателем правления которого была княгиня Е.Д. Шаховская, поселившаяся в обители после безвременной кончины супруга; казначеей — монахиня Иоанна (Коровникова). 20 апреля 1920 г. монахиня Иоанна была утверждена настоятельницей монастыря. 29 апреля 1921 г. в Успенском соборе она была возведена архиепископом Александром в сан игумении.

25 ноября 1920 г. игуменья Алексия направила в Ревельский епархиальный совет рапорт о том, готов ли он согласиться на возвращение монахинь. 13 февраля 1921 г. общее собрание насельниц Пюхтицкой общины единогласно постановило, «принимая во внимание искреннее желание бывшей игумении Алексии с сестрами возвратиться в прежнюю свою обитель Пюхтицкую, принять их обратно с разрешения высшей духовной и граж-

данской власти», «исключая мон. Олимпиады Федоровой и послушницы Александры Федоровой»: «бывшую игумению — на покой без права власти в делах управления, на полное содержание ...[с] квартирой и рядовым пайком», 35 сестер — «на условиях беспрекословного повиновения Совету и настоятельнице». 2 сентября 1921 г. вспомнил об игумении Алексии и Синод ЭАПЦ, и, приняв во внимание, что она «оставила вверенный ей монастырь» и «то, что монастырь не может продолжительное время оставаться без начальства», постановил уволить ее с должности игумении и утвердить в названной должности монахиню Иоанну (Коровникова). «Я оставила монастырь не по своей воле, а по воле высшего начальства, — отвечала игумения Алексия 7 декабря 1921 г. — до сих пор нет решения, возвратимся ли в Пюхтицкий монастырь, живем как беженцы».

24 октября 1920 г. общее собрание насельниц и прихожан Пюхтицкой общины обратилось к Везенбергскому благочинническому собранию с просьбой поддержать общину, в частности, в связи с принятием ей нового устава и конфискациями гражданской властью леса и школьного имущества. 28 октября 1920 г. общее собрание депутатов-мирян и духовенства церковью Везенбергского уездного благочиния приняло резолюцию «признать дальнейшее существование Пюхтицкой обители неизбежно нужным, дорогим и полезным для христианского верующего народа Эстонии» и ходатайствовать перед Синодом о его содействии «пред правительством Эстонской республики к скорейшему утверждению в законном порядке Устава Пюхтицкой благотворительной трудовой общины». 10 декабря 1920 г. за № 309 в Везенберг-Вейсенштейнском мировом съезде был зарегистрирован устав²², и монастырь получил статус «Благотворительной Христианской Пюхтицкой женской трудовой общины», почетной председательницей которой избрали княгиню Е.Д. Шаховскую, председательницей Совета правления

на три года — монахиню Иоанну, казначеей — монахиню Ангелину (Неменову), благочинной — монахиню Антонию (Федину) (члены Совета), секретарем собрания — Алексея Владимировича Арбузова, проживавшего в Пюхтице и приглашенного в качестве делопроизводителя. В правление вошли 15 человек. Первое собрание членов общины, имеющих право голоса, провели 8 апреля 1921 г. Согласно уставу, целями общины являлись развитие образцового земледелия и хозяйства, поддержка Эстонской Апостольской Православной Церкви через благотворительные учреждения и внутренняя миссионерская деятельность. Община, действительно, показывала в дальнейшем пример эффективного землепользования, но благотворительная деятельность, по причинам объективного характера, оказалась ограничена. По состоянию на 1921 г. в общине состояли 89 человек: 66 в Куремяэ, 9 в Гефсиманском скиту (устроен в 1894–1896 гг. близ с. Ямы (Яама)), 2 в Иевве и 12 на подворье в Ревеле (Таллине), из них 30 неспособных к труду²³.

В 1920 г. монастырь был первоначально обложен тремя видами налога: земельным, подоходным и волостным и лишился части своего имущества. По новому закону Эстонской республики была национализирована вся его земля (199 десятин и 1 474 квадратных сажени, из них 164 десятины и 1 459 сажень удобной земли). Но на практике конфискованы были лесные угодья и часть пашни (15 марта 1920 г.). В фактическом владении Женской трудовой общины осталось 169 десятин (пашни — 34, огороды — 1, сенокос — 30, выгон — 30, неудобной земли — 44). Более серьезной утратой стало полное отчуждение участка Тагаметс (156 десятин и 920 квадратных сажень) и почти всех лесных угодий Гефсимании (114 десятин и 144 квадратных сажени). В Гефсимании оставили землю под зданиями и, после жалобы в Министерство земледелия, менее восьми гектаров огорода, сенокоса и пастбища на основании аренды. В августе

1921 г. конфисковали даже три десятины земли, которые были разделаны самими сестрами под пашню и огород из леса. В Принаровье и Причудье 19 мая 1922 г. архиепископ Александр разрешил сбор средств в пользу лишившегося средств скита, «где проживают калеки и убогие». Власти отняли и все три принадлежавшие обители рыбные ловли, хотя 1 апреля 1921 г. монахиня Иоанна заключила договор на аренду ловли № 2 на Нарове с ивангородцем Захаром Никитичем Дружининым за 1 500 марок в год.

Детский приют сохранить не удалось, но в его здании в монастырской ограде безвозмездно разместился приют глухонемых, эвакуированный из Смолки близ Нарвы правительством Эстонии в 1919 г. Из 12 зданий за оградой правительство Эстонии забрало пять, в том числе школу и два причтовых дома (дом для старшего священника заняла почтовая контора, дом второго священника передали под квартиру для учительницы), школьный дом, бывшую квартиру кучера с конюшней, а также два фруктовых сада при домах, хлев, два сарая, баню²⁴. Отчуждение домов причта под видом школьных зданий было проведено незаконно. С июня 1921 г. община ходатайствовала сначала через Синод, а 7 мая 1924 г. — непосредственно перед Министерством земледелия о возврате зданий. Министерство потребовало подтверждение того, что община — «законный наследник всего имущества бывшего монастыря», предъявления документов, увезенных в Ростов, и всячески затягивало дело. Здания тем временем постепенно приходили в негодность. Община просила выдать хотя бы под снос обветшавшие здания бани и сушильни²⁵.

Школа была сделана 6-классной государственной, часть учеников разместились в соседнем бывшем монастырском здании почтово-телеграфной конторы. В 1921 г. 6-классная школа была открыта на мызе Иллука, и туда перевели два последних класса школы в Куремяэ с учителями. Вновь 6-классной школа в Куремяэ стала в 1928 г.

В здании находились четыре класса, зал, кухня, квартира директора, учительская, интернат в мезонине.

Община совместно с Попечительством на Богородицкой горе сохранили в общем владении восемь деревянных строений близ святого источника. Раньше в них находились дом врача, больница и жилые помещения персонала. В здании больницы разместился приемный медицинский пункт, где трудилась сестра милосердия от общины. Около 1923 г. имущество больницы передали в больницы Йыхви и Раквере, белье, кухонную утварь, сани, телеги и инструменты частично продали. На участке Биркенгейм в 1 версте от общины ей принадлежало 21 деревянное строение: скотный двор, конюшни, жилье для сестер и работников, рига, гумно, ветряная мельница, кузница, хозяйственные постройки. Из них правительство конфисковало здание бывшей почты, еще ранее — дом диакона, где поселился полицейский Иллукской волости.

К началу 1921 г. в кассе монастыря было 14 059 марок 90 пенни, за год поступило 292 999 марок 41 пенни (от хозяйства — 146 834 марки, церковных доходов — 88 231 марка 41 пенни, пожертвований — 25 320 марок, доходов от недвижимости — 18 526 марок, с гостиницы — 14 088). Было израсходовано 306 926 марок 92 пенни, из которых налоги (17 012 марок 88 пенни) и страховка (8 079 марок 80 пенни) составляли не столь значительную часть. Основные средства тратились на трапезу 67 сестер (46 812 марок 30 пенни) и на муку (44 332 марки 50 пенни). Важной статьей расхода была покупка воска для свечей (29 813 марок 75 пенни) и масла для лампад (4 720 марок): зимой, «когда посетителей никто не бывает», незначительная продажа свеч не окупала их расход на службы. С возвращением в общину в сентябре 1921 г. отца Христофора Винка в воскресные и праздничные дни богослужение стало совершаться на двух языках — славянском и эстонском, он разучивал также эстонские песнопения с хором²⁶. Отцы В. Преображенский и М. Кляровский, а еще раньше отец

А. Богоявленский по просьбе игумении были уволены от должностей в общине.

Настало время реэвакуации святынь, была создана русско-эстонская смешанная комиссия по возвращению эвакуированного из Эстонии имущества. На втором ее заседании, 2 августа 1920 г., по просьбе эстонской делегации постановили признать возможным отправку в Эстонию имущества Пюхтицкого монастыря и трех приходских церквей, позднее — трех ревельских храмов (из Твери). Дело почти не двигалось, несмотря на неоднократные обращения к советским властям как игумении Алексии с 34 сестрами из Ростова, так и Совета правления Пюхтицкой женской трудовой общины. К 28 декабря 1921 г. часть церковного имущества обители (662 пуда) была собрана в Ростове под наблюдением протоиерея Христофора Винка и заместителя председателя комиссии Иоганна Мартиновича Кана. 11 августа 1922 г. отдельно была запечатана сребропозлащенная риза чудотворной иконы 12×10 вершков, украшенная эмалью и бриллиантами, уральскими и другими драгоценными камнями. После долгих проволочек (игумения Иоанна предполагала, что они связаны еще и с тем, что не все сестры желали вернуться в Эстонию), два вагона с монастырскими предметами (251 место весом 662 пуда 5 фунтов) 9 января прибыли на Ямбургскую (Кингисеппскую) таможенную. На руках у монахинь была чудотворная икона, иконы со святыми мощами и преподобного Алексия, человека Божия. Часть имущества (14 ящиков из 46) была отправлена в Ревель и возвращена в монастырь в конце января 1923 г. Остальное же 32 ящика и прочее имущество в количестве 205 мест было задержано под надуманными предлогами и 8 августа 1923 г. приговорено к «ликвидации в пределах РСФСР» в г. Кингисеппе (Ямбурге). Синод Эстонской Православной Церкви 20 января 1923 г. обращался в Министерство иностранных дел Эстонии с просьбой, чтобы задержанные в Ямбурге два вагона имущества Пюхтицкого монастыря

пропустили бы через границу²⁷. Большевистские власти разрешила переправить через границу 46 ящиков, «у которых есть достоверные списки из имущества Пюхтицкого монастыря», и три изъятых образа (среди них чудотворный образ Богородицы). В начале февраля для организации привоза оставшегося имущества в Пюхтицу приезжал эксперт Алексей Степанович Канн²⁸. Только 11 февраля прибыла с таможни чудотворная икона Успения, а 31 августа два вагона монастырского имущества были отправлены в Эстонию. Реэвакуация стоила монастырю громадную сумму — более 250 000 эстонских марок²⁹.

В начале того же 1923 г. после многократных, более чем двухлетних, ходатайств, вернулись в родную обитель 23 сестры с игуменией Алексией. 14 сестер во главе с игуменией Олимпиадой (Марией Павловной Федоровой) остались в Ростове. В дороге мать Алексия заболела пневмонией и на пятый день по приезде в монастырь, 25 января, скончалась. 29 января она была погребена на монастырском кладбище около Николо-Арсениевской церкви.

С осени 1920 г. начался переход богослужения в монастыре на новый стиль. 10 января 1921 г. прихожане Пюхтицкой церкви, преимущественно жители дер. Овсово (совр. Агусалу), где жили 323 православных крестьянина, обратились к архиепископу Александру с просьбой отменить распоряжение, но тщетно. Они чаще стали посещать Никольскую церковь в дер. Ямы (Яама) в 7 верстах от Овсово, где богослужения совершались по старому стилю. «Наш приход ужасно грубый и настойчивый, и тогда они обращаются в Ямы или Сыронец», — так своеобразно поддержала их просьбу о возвращении юлианского календаря монахиня Иоанна.

29 мая 1921 г. председателем приходского совета Николо-Арсениевской церкви был выбран Михаил Степанович Лупанов, 27 июня его кандидатуру утвердил Синод. Он занялся ремонтом храма. К празднику 1921 г.

было совершено посещение с иконой Успения Богородицы приходов в Сыренце, Скамье, Ямах, Ольгином Кресте. 17 мая 1925 г. на общем годовой собрании общины было решено вновь обратиться к епархиальному совету с ходатайством «в Куремяэ отправлять церковные службы по старому стилю», как в Печорах, и для всего русского православного населения Эстонии, чтобы хотя бы вернуть овсовских прихожан.

1 марта 1926 г. Пюхтицкую Христианскую женскую трудовую общину зарегистрировали в Министерстве труда и призрения как благотворительное учреждение, в тот же день как ее отделение — филиал был зарегистрирован «дом престарелых» (Гефсиманский скит) и Таллинское подворье с Введенской церковью³⁰. Это позволило освободить общину от уплаты подоходного налога, а слово «трудовая» — со временем вернуть от правительства землю³¹. В том же году, 31 июля, на основании закона о религиозных организациях Пюхтицкий приход был зарегистрирован в Министерствах юстиции и внутренних дел. К нему были приписаны члены Пюхтицкой Христианской женской трудовой общины в Куремяэ, то есть насельницы монастыря, православные, живущие в окрестностях Куремяэ, в дер. Агусалу, паломники, которые «добросовестно и последовательно участвовали в богослужениях». 5 апреля 1927 г. по распоряжению Министерства образования и социальных дел как памятники старины были взяты под государственную охрану дуб на месте явления Божией Матери и Ее Пюхтицкой иконы и кладбище.

29 ноября 1927 г. была заключена сделка о продаже, видимо, возвращенного монастырю участка Тагаметс Виктору Кимпелю за 10 000 крон. 29 марта 1928 г. общее собрание общины одобрило договор³². За землю хутора Тагаметс Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви получил 5 098 крон 45 центов и перечислил эту сумму на банковский счет общины в Таллинский Кредитный банк. 29 октября 1929 г. Совет правления постановил

использовать эту сумму на ремонт зданий общины, Собор общины 15 июля 1930 г. утвердил договор, и Синод дал разрешение.

Монастырь в 1930-е гг.

В утешение сестрам и паломникам обители Божия Матерь явила на рубеже 1920–1930-х гг. ряд знамений. В 1929–1930 гг. обновились четыре монастырские иконы. А 8 июля 1930 г., накануне празднования Тихвинской иконы Божией Матери, житель Риги И.Г. Пинус³³ приехал помолиться в Пюхтицкий монастырь со своей семьей. После службы семья направилась на источник, и все, начиная с 13-летнего сына Пинуса Элиаса (1917–2001), увидели в воде изображение Божией Матери, контуры которого походили на Тихвинскую икону. На следующий день изображение исчезло³⁴. В том же году в монастырской хлебной обновилась старинная Тихвинская икона. И.Г. Пинус решил вместо деревянной шатровой построить каменную Тихвинскую часовню, которая была освящена митрополитом Таллинским и всея Эстонии Александром (Паулусом) в следующем году, в праздник Успения. Фасады кубического краснокирпичного здания завершены треугольными фронтонами, над ее центральной частью — невысокий шатер, придающий часовне черты русского стиля и завершенный восьмиконечным крестом. Это единственное сакральное сооружение в монастыре межвоенного периода, если не считать кладбищенской часовни.

Процесс, связанный с возвратом недвижимости, особенно земель, оказался крайне сложным и тянулся еще в 1930-е гг.³⁵ Министерство земледелия при планировании земли общины в 1931 г. предполагало официально передать в пользование богадельне участок земли в 24 гектара (он был оставлен богадельне в 1919 г., чтобы та имела возможность вести небольшое сельское хозяйство). Осенью 1933 г. Гефсимании были возвращены 30 гектаров полей,

сенокоса и пастбищ, первоначально в аренду на 6 лет. К 1942 г. монастырь полностью выкупил участок через Поземельный банк³⁶. В 1935 г. правительство выделило в аренду монастырю 102 гектара земель (в его собственности было 156 гектаров.) Часть земель за пределами монастырских стен обитель сдавала в аренду: например, Павлу Колбяту (в 1923–1926 гг.)³⁷.

Йыхвискому отделению принадлежали деревянный жилой дом (1893 г.), амбар из камня и деревянный сарай (конюшня). Фруктовый сад был арендован монастырем на 50 лет до 1938 г. Задачами отделения во главе с монахиней Евлогией (Пименовой) было предоставлять приют паломникам, которые едут в Пюhtiцы, и доставлять монастырские посылки на железную дорогу и с железной дороги в Пюhtiцу. На подворье в 1928 г. жили две монахини.

Дела монастыря с 1928 г. вел присяжный поверенный В.Е. Киппель. Наконец, 14 ноября 1930 г. Государственный суд отменил постановление главной землеустроительной комиссии об отказе возвратить общине причтовые дома, отчужденные в 1920 г. Ей предписывалось произвести новую планировку земли и вернуть дома³⁸. По решению Государственного суда от 27 августа 1931 г. общине 1 декабря 1931 г. вернули три монастырских здания. Из бывшего дома священника монастырь не стал выселять почтово-телеграфную контору. На 1933 г. в больничном здании у источника по-прежнему находились квартира врача Куремяэского участка и амбулаторный пункт с четырьмя больничными койками, где трудилась монастырская сестра милосердия.

Ежегодный доход монастыря обычно превышал 10 000 крон, но почти столько же составляли траты. Около половины дохода монастырь получал от свечного завода, который был открыт в начале 1925 г. и снабжал своей продукцией храмы Таллина, Принаровья и Причудья (ежемесячно — 10–20 общин). Идея открыть его и швейную мастерскую была вдвинута игуменией еще в

апреле 1923 г. Синод, принимая во внимание бедственное положение общины, разрешил открыть завод на условиях ведения бухгалтерии и правильного делопроизводства, отчисления налога на содержание Церковного управления (по примеру Печерского завода) и соответствия свечей требованиям Православной Церкви. Например, с 1 июля 1927 г. по 1 мая 1928 г. было продано Нарвской епархии и церквям г. Таллина 48 пудов 18,75 фунта свечей, Ревельской епархии — 16 пудов 31 фунт; за второе полугодие 1929 г. было продано свечей: церквям Ревельской епархии — 561 фунт, Нарвской епархии — 778 фунтов, всего — 33 пуда 19 фунтов. Однако деятельность завода сопровождалась определенными искушениями: благочинный монастырей Эстонии епископ Печерский Иоанн³⁹, сам организатор свечного производства в Псково-Печерском монастыре, в 1928 г. неоднократно укорял игумению Иоанну в том, что «община с самого начала продажи ею свечей крайним понижением цены старалась и старается ... привлечь к себе больше покупателей». Епископ Иоанн ссылался на то, что условием открытия свечного завода в Пюhtiце от Синода было исполнение «норм и установлений Печерского монастыря» и заодно просил Синод лишить игумению права носить второй наперсный крест (кабинетский крест игумении Алексии), поскольку к тому же она не была им награждена.

Епископ Иоанн по должности ревизировал Пюhtiцкий монастырь. Уже в прошлую ревизию (4–8 августа 1927 г. в Гефсимании, 9–17 августа в монастыре, 17 августа в Иевве, 22–23 августа на Таллинском подворье) он внимательно отнесся к своим обязанностям. Ежедневно он совершал богослужения в разных храмах. В Гефсимании он отметил, что здание трапезы и кухни хорошо отремонтировано весной 1927 г.: «Весь скит и богадельня поддерживают себя самостоятельно без помощи монастыря и общины». Но «здание церковки требует ремонта крыши, крыльца и пола в алтаре, а также и внутренней

окраски. Здание богадельни совершенно непригодно уже для дальнейшей в нем жизни убогих, больных и беспомощных стариц. Крыша испорчена и протекает. Сруб в нижних венцах сгнил. Необходимо скорейшее устройство нового здания». Выяснилось, что с помощью В. Кимпеля Министерство труда и призрения выделило пособие на ремонт богадельни в 80 000 марок, из которого монастырь заплатил поверенному за посредничество 10 000 марок. Заведующей скитом рясофорной послушнице (к 1933 г. монахиня) Параскеве (Семеновой) владыка предложил с помощью местного страхового агента и администрации монастыря озаботиться составлением плана нового здания и начать переговоры о покупке строительных материалов на льготных условиях.

В скиту проживали 7 нетрудоспособных и 4–5 трудоспособных сестер, все русские. Службы в домовой церкви совершались редко, приезжал священник из Яамы и всего два-три раза в год — из Пюхтицкого монастыря. Основной доход приносила активная сборщица сестра Агриппина Ракова (например, позднее, в 1931 г. — 900 руб.), епископ Иоанн постарался примирить ее со скитоначальницей.

В самом монастыре епископ Иоанн отметил «правильное и толковое» ведение делопроизводства А.В. Арбузовым, которого рекомендовал к награждению орденом Преосвященного Платона 3-й степени (такую награду имела мать игумения). Однако он зафиксировал неуплату свечного налога в епархиальное управление и случаи нарушения монашеской дисциплины.

19–25 июня 1928 г. епископ Иоанн осуществил повторную ревизию в Пюхтицком монастыре и Гефсимании, где 21 июня совершил закладку нового деревянного здания богадельни на месте разобранного старого, и 27 июня посетил Таллинское подворье. Накануне визита владыки, 17 июня, состоялось собрание Пюхтицкого прихода, на котором присутствовали сестры и пять мирян (из дер. Овсово никто не явился). На нем исполняющей обязанно-

сти старосты была выбрана монахиня Алексия (Голубева), заведующая свечным складом.

По результатам новой ревизии епископ Иоанн вновь обвинил общину в недоплате, уже в больших размерах, свечного налога в Синод, «поврежденной дисциплине» сестер и неисполнении казначеей хозяйственных обязанностей кроме руководства свечным заводом, в недостаточно качественном ведении документации на Ревельском (Таллинском) подворье. Он выразил также недоумение по поводу закрытия «златошвейной» мастерской и рекомендовал игумении больше советоваться с казначеей и благочинной, чем с иеромонахом Павлом (Горшковым)⁴⁰. 2 августа 1928 г. Синод встал на сторону епископа Иоанна, угрожая запретить свечное производство в Пюхтице, и предписал общине открыть золотошвейную и рукодельную мастерскую для починки облачений⁴¹.

Вспомоществованием общине, кроме свечного завода, служили пожертвования при почти ежегодном (в марте) перенесении на подворье в Таллин чудотворной иконы (в 1924 г. — также в Нарву, привозили икону и в Усть-Нарву, Олешницы). Значительную часть дохода составляли также другие пожертвования, арендная плата за квартиры, продажа крестиков, образов и почтовых открыток в церквях общины, продажа яблок и ягод; меньше — доходы от скотного двора. Некоторую часть составили сборы на концертных выступлениях хора. Хор под руководством монахини Ангелины (Пименовой) из 20 монахинь отличался «великолепным пением» и с большим успехом выступал в Таллине, Нарве, Раквере, Муствээ. Небольшая сумма в 1933 г. была получена за живопись святых образов в «художественном ателье», что говорит о существовании в обители иконописной мастерской. В сумме расходов основное место занимали зарплаты работников, покупка продуктов, воска для свечей, строительных материалов и ремонт зданий (1 108 крон 93 цента в 1933 г.), содержание скотного двора⁴². Представление о жизни общины в

межвоенный период дают ее ежегодные отчеты в Синод, некоторые из которых сохранились в ЕАА (один из наиболее информативных — за 1932 г., в Приложении).

На территории общины, огражденной каменной стеной и частично деревянной оградой, находились 14 деревянных жилых домов и наполовину построенный (1933 г.) каменный корпус. За оградой по-прежнему действовала двухэтажная деревянная гостиница для паломников и находились два деревянных дома, которые сдавались общиной частным лицам.

В 1934 г. в общине проживали до 90 монахинь и послушниц, большинство были больными и престарелыми. Сестры занимались полевыми работами, рукоделием, шитьем, сапожным ремеслом. Но монастырские здания требовали ремонта, в кельях зачастую было холодно.

В ночь на 10 августа 1934 г. во время пожара на скотном дворе, начавшемся от удара молнии, монахиня Авраамия вывела всех животных из объятых пламенем коровника и лишь чудом спаслась сама. Был отстроен новый каменный скотный двор на средства Б.Б. Линде⁴³. До 1937 г. монастырь имел сад в составе 65 фруктовых деревьев, который погиб от морозов в 1941 г.

В монастыре бывали президент Эстонии К. Пятс (в частности, на празднике в 1938 г.) и главнокомандующий эстонской армией генерал Й. Лайдонер. Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри в то время несли особую духовную миссию объединения русской эмиграции. В Пюхтице прошло два съезда Русского студенческого христианского движения (РСХД). III съезд (24–30 июля 1930 г.) собрал около 270 человек, ему предшествовал деловой съезд работников РСХД в Прибалтике в составе 70 человек, а сразу же после него состоялся съезд православного духовенства Нарвской епархии Эстонской церкви (Принаровья и Таллина) под руководством епископа Иоанна (Булина). В конце июля 1932 г. V съезд РСХД в Пюхтице собрал около 160 участников⁴⁴. На обоих съездах

выступали профессор (впоследствии протопресвитер) В.В. Зеньковский⁴⁵ и протоиерей (впоследствии иеросхимонах) Сергей Четвериков, в V съезде участвовали монахиня преподобномученица Мария (Скобцова), священник Иоанн Богоявленский (впоследствии епископ Исидор), в обоих съездах — епископ Печерский Иоанн (Булин). В 1935 г. в монастыре прошел съезд движения крестьянской молодежи РХД, возникшего в 1934 г. в Печерском крае и Нарве⁴⁶.

В числе паломников в межвоенный период были иеромонах Иоанн (Шаховской, впоследствии архиепископ), который провел месяц в Пюхтицком монастыре в 1935 г., религиозные философы Б.П. Вышеславцев, П.А. Зандер и, видимо, Н.А. Бердяев, состоявший в переписке с княгиней Е.Д. Шаховской и бывавший в Тарту, и историк А.А. Кизеветтер, поэт Игорь Северянин, с 1910 г. и до 1940 г. регулярно посещавший обитель⁴⁷, профессора юристы Д.Д. Гримм, бывший ректор Санкт-Петербургского университета, И.М. Тютрюмов, криминалист А.П. Мельников, сын писателя П.И. Мельникова-Печерского, экономист М.А. Курчинский, литератор В.А. Никифоров-Волгин, который оставил описание митрополичьей службы на праздник в 1928 г.⁴⁸ Ряд паломников входили в Тартуское общество «Разумный досуг», которым руководил иеромонах Павел (Горшков). Личность княгини Е.Д. Шаховской привлекала многих посетителей монастыря. В 1939 г. торжественно праздновалось ее 95-летие, соборный молебен по этому поводу в Таллинском Александро-Невском соборе возглавил митрополит Александр. Незадолго до ее кончины у нее в монастыре побывал ее родственник, лорд Romlay, отец которого работал в британском посольстве в Санкт-Петербурге в последнее царствование.

15 августа 1921 г. в сложных условиях становления Пюхтицкой общины, второй раз получившей этот статус, «эстонская гражданка Елизавета Димитриевна Шаховская» сделала новое распоряжение «на случай своей смер-

ти», отменяющее свое предшествующее завещание. Его заверил Пюхтицкий священник Роман Танг (1893–1963), впоследствии архиепископ Виленский и Литовский, уделявший большое внимание Пюхтицкой обители. Е.Д. Шаховская не оговаривала особо свое пожизненное владение церковью и домом, вновь завещала похоронить себя в склепе, рядом с прахом мужа. Дом и все строения на участке, вместе с садом и огородом, домашним и хозяйственным инвентарем, она оставляла Пюхтицкой женской трудовой общине. Личные вещи и одежду завещала раздать на память тем, кто «меня покоили и ухаживали за мною в последнее время моей жизни и самым бедным членам ... общины». «Капитал в %% бумагах, ныне находящийся еще в России, и, что окажется в момент моей смерти из наличных денег, завещаю Апостольской Православной Церкви Эстонской Республики и прошу управляющую ею Высшую Церковную Власть быть моим душеприказчиком и хранителем капитала». Е.Д. Шаховская распорядилась оплатить долг по беспроцентной ссуде и расходы по завещанию (Константину Мартыновичу Розар), затраты духовенства и общины по погребению и трапезам для сестер и присутствующих, заплатить церковнице (той, кто будет на время ее кончины) при храме преподобного Сергия 3 000 марок и 1 000 — ее помощнице, весь оставшийся капитал обратить в неприкосновенный, а годовой доход распределить так: 10% — высшей власти Апостольской Православной Церкви на покрытие расходов по исполнению завещания, 10% на пополнение капитала, 20% на запасной капитал для ремонта храма преподобного Сергия, 60% ежегодно передавать в Совет правления общины за службы и поминовение духовенству, на содержание и страховку церкви и колокольни, «на пособие самым бедным и обездоленным членам общины, на лечение больных и содержание сирот по усмотрению Совета совместно с правлением Пюхтицкого на святой горе попечительного братства с предоставлением сметы и отчета». Княгиня за-

вещала Совету правления помянуть родных ее и князя в Сергиевской церкви 5 июля, в день преподобного Сергия, и 12 сентября, в день кончины князя С.В. Шаховского, а также каждую субботу в храме по ее малому синодику и во все родительские субботы — по пространному синодику. В случае, если община «не будет существовать», деньги перешли бы в распоряжение Апостольской Православной Церкви Эстонской Республики. «Если разыщется серебро, мне принадлежащее и эвакуированное в 1917 г. на имя Алексея Петровича Роговича в Петрограде, то завещаю его продать и стоимость присоединить к неприкосновенному капиталу. Всё остальное движимое имущество, которое после моей смерти может оказаться в России, завещаю моей двоюродной сестре Александре Семеновне Кобзаренко, урожденной Мордвиновой⁴⁹ (жит. Псковской губ., пос. Сольцы, усадьба Городенки)». Эстонскому Национальному музею княгиня оставляла бумаги и материалы к биографии С.В. Шаховского, сданные ей на хранение в 1917 г. Алексею Петровичу Роговичу, князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шахматову и Николаю Владимировичу Лебедеву, и портрет князя в раме черного дерева, писанный известным художником Алексеем Ивановичем Корзухиным и находившийся у А.П. Роговича в его московском доме в Малом Лёвшинском переулке. Все православные духовные книги своей библиотеки, а также словари и книги общеобразовательного содержания по выбору княгиня завещала библиотеке общины, остальные — продать с присоединением выручки к неприкосновенному капиталу. «Оценить по совести» наследство Е.Д. Шаховская оставила на распоряжение душеприказчика — высшей церковной власти Эстонской Православной Церкви⁵⁰.

Княгиня умерла 16 июня 1939 г. в возрасте 95 лет. Чин ее отпевания в Успенском соборе возглавили митрополит Александр, который произнес прощальное слово на эстонском и русском языках, и епископ Нарвский

Павел (Дмитровский)⁵¹. На похоронах присутствовали А.В. Бельгард и графиня Беннингсен, одна из родственниц княгини помогла оплатить расходы на погребение. Елизавета Дмитриевна была похоронена в бетонном склепе рядом с супругом⁵². Вскоре после кончины княгини обитель посетил основоположник эстонского архивоведения Отто Лиив для изучения ее архива и других документов. Он присутствовал на храмовом празднике Сергиевской церкви 5 июля вместе с русским национальным секретарем С. Шиллингом⁵³.

В 1935 г. община была вновь преобразована в монастырь, подчиненный Синоду Эстонской Апостольской Православной Церкви на основании ее устава, принятого 22 мая. Митрополит Александр многократно приезжал в обитель на престольный праздник, например, в 1922, 1928 и 1929 гг. (совместно с епископом Иоанном (Булиным), в 1930 г., ежегодно в 1932–1935 гг., в 1936 г., когда владыка открыл и освятил памятник русским воинам Северо-Западной армии на кладбище, скончавшимся в госпиталях № 8 и 9, в 1938 г. Особенно торжественным было празднование в 1939 г, на котором, кроме митрополита Александра, молились 20 священнослужителей и 7 000 паломников: монастырь, где тогда жили 82 насельницы, отмечал свое 50-летие⁵⁴.

Военные годы

17 июня 1940 г. Эстония была присоединена к СССР (вскоре конфискованы скит и странноприимная), 17 июля 1941 г. в качестве генерального округа Estland — стала частью гитлеровского рейсхкомиссариата Ostland (до сентября 1944 г.). В 30 км от монастыря проходила линия фронта, на озере Консу и на перекрестке дорог на Васкнарку и к дер. Кайдма были устроены лагеря смешанного типа «Куремая» (Иллука) в сети лагерей Vaivara⁵⁵. Заключение работали на строительстве дорог и оборонительных со-

оружий. Пюхтицкие сестры приносили заключенным хлеб и картофель. В стороне находился концлагерь для евреев и цыган, многие из которых были убиты, а тела сожжены. В 1942–1943 гг. погибли около 200 человек. Командатура располагалась в здании бывшего пожарного общества, ранее монастырском, к которому в 1927–1928 гг. пристроили новое помещение и сделали клубом. Здание сгорело и было разобрано в 1994–1995 гг., на этом месте — стела-памятник погибшим.

Богослужения в обители совершались в трапезной церкви, в соборе находился госпиталь, в помещении просфорной — штаб, войска вермахта заняли кладбищенскую церковь и гостиницу. На полпути к Сергиевской церкви, к западу от дороги, находилось немецкое военное кладбище. По преданию, заступничество Богородицы не позволило разбомбить собор, являвшийся прекрасным ориентиром. Советский летчик увидел в облаках Женщину, которая простерла руки над собором со словами: «Не разоряй мой дом...» Летчик не смог выполнить приказ, поскольку вся гора, несмотря на ясную погоду, покрылась туманом. В 1946 г. военный летчик-офицер, приехав в монастырь, узнал явившуюся ему Женщину на иконе Божией Матери «У источника»⁵⁶.

В годы войны в монастыре продолжал работать свечной завод, продажа свечей приходам была основным источником его существования в 1941 г. (18 910 руб. и 5 168 руб. — с Нарвского склада). Намного уступали доходы от скотного двора (3 023 руб. 3 коп.) и продажи продуктов (1 085 руб. 83 коп.), аренды (5 340 руб. 34 коп.), продажи крестиков, образков и видов монастыря (1 121 руб. 30 коп.) и просфор (1 043 руб. 94 коп.). На Таллинском подворье преобладали свечной (1 770 руб.) и тарелочный (1 125 руб.) сборы, что говорит о активной его посещаемости. Ремонтные работы проводились очень ограниченно (расход 957 руб.). В здании амбулатории вновь разместилась больница⁵⁷.

В 1941 г. скончался известный в Принаровье странник Стефан (Степанушка). Степан Антипьевич Крылов родился в 1873 г. в дер. Кароли близ с. Ямы в семье хуторянина, часто посещал Пюхтицкий монастырь. Во время одного из паломничеств он получил благословение святого праведного Иоанна Кронштадтского на подвиг странничества. Однако Стефан не сразу принял его: он работал сапожником, приказчиком, завел семью, имел двух дочерей. Лишь после кончины Кронштадтского пастыря он собрался на Святую Землю, а по возвращении домой поселился в небольшой келье у подножия Пюхтицкой горы, где постелью ему служил гроб. Странствуя по округе, он помогал людям утешениями и духовными советами, показывал пример особого почитания святителя Николая Чудотворца. Собранные пожертвования оставлял в монастыре. Для себя он поставил на Пюхтицком кладбище деревянную надгробную часовню над каменным склепом. 5 октября 1927 г. Синод предписал ему по рекомендации епископа Печорского Иоанна снести строение или построить взамен «каменную часовню, которая подходит кладбищу, по плану, который раньше одобрен». К июлю следующего года сруб обложили красным кирпичом и покрыли железом. По блаженной кончине Стефана отпевали в монастырском Успенском соборе, похоронили в приготовленном им гробу в часовне, доныне сохранившейся при входе на кладбище со стороны монастыря⁵⁸.

14 ноября 1942 г. игуменья Иоанна рапортовала митрополиту Александру о том, что «вследствие преклонных моих лет и слабости здоровья мне трудно одной управлять обителью». 8 ноября собрались старшие монахини обители, члены совета избрали на должность наместницы и казначеи монахиню Александрию (Голубеву), благочинной — монахиню Рафаилу (Мигачеву) — двух будущих игуменей⁵⁹. К ноябрю 1942 г. монастырь с подворьем формально перешел в юрисдикцию экзарха Московского Патриархата митрополита Сергия (Воскресенского)⁶⁰, хотя, видимо, не-

который период сохранялось «двоевластие». В Пюхтицкой обители митрополита Александра энергично поддерживал протоиерей Николай Цветаев, настоятель Ильинского храма в Васкнарве, который перешел из юрисдикции Нарвского архиерея к Ревельскому. «В этом направлении он произносил не только публичные проповеди, но строго следил за настроением каждой монахини, ...некоторые из молодых насельниц монастыря вынуждены были совсем оставить монастырь». Игуменья Иоанна также поддерживала митрополита Александра. «Мы монастырь, желаем быть под Синодом Эстонской Апостольской Православной Церкви, под церковным правлением, так как мы составляем вместе приход и монастырь», — писала она в октябре 1942 г. Одновременно 13 октября 1942 г. она просила «оставить нерушимо празднование Св. Пасхи и всех праздников в обители по восточной пасхалии, сохранить Богослужебный церковно-славянский язык и церковный стиль русской Православной Церкви, так как у нас это в настоящее время ведётся»⁶¹. После кончины игуменьи Иоанны (16 января 1943 г.) новая настоятельница Алексия II была посвящена в игуменьи 20 января 1943 г. в трапезной церкви митрополитом Александром⁶², которого экзарх запретил в священнослужении еще 5 ноября 1942 г.

Деревянная колокольня церкви преподобного Сергия Радонежского в 1944 г. была снесена при бомбардировке, в том же году была разрушена часовня в Агусалу. В мае-июне 1944 г. были сняты и вывезены на переплавку в Таллин монастырские колокола. В 1944 г. в Пюхтицкий монастырь были эвакуированы церковные ценности из Успенской крепостной Ивангородской церкви и приписанных к ней храмов, включая чтимый Тихвинский образ Божией Матери, а также, вероятно, из Иверской церкви Нарвской Богородицкой христианской женской трудовой общины, сильно пострадавшей в 1944 г.⁶³ Однако, вероятно, в Пюхтицу они не попали. В июле 1944 г. была объявлена эвакуация. Большинство монахинь выехало в

волость Альбу. При переезде шесть сестер погибли, попав под воздушный обстрел в г. Йыхви. В скором времени началась жизнь обители при советской власти.

В межвоенный период и в годы войны среди служивших монастырских священников следует назвать также священника Петра Панова (1922–1927 гг.), игумена Павла (Горшкова, 1927–1931); священника Романа Танга (впоследствии епископ Роман, 1932 — июнь 1940), протоиерея Эллия Верхоустинского (с 1940 г.), протоиерея Николая Цветаева (1940–1944 гг.), архимандрита Алипия (Ивлева, с июня 1948 г., арестован в сентябре 1949 г., скончался 29 января следующего года в лагере). Биография каждого из них заслуживает особого изучения.

Заключение

Таким образом, Пюхтицкая обитель, оказавшись на территории независимой Эстонской республики, избежала закрытия и разорения, на которые были обречены все монастыри в СССР. Молитвенная жизнь в монастыре фактически не прекращалась. Монастырь сыграл значительную роль в спасении русских воинов-«северо-западников» во время эпидемии тифа 1919–1920 гг., а затем, вместе с подворьем в Таллине, стал центром русской православной жизни в Эстонии и в эмиграции в целом, о чем говорит факт проведения в монастыре съездов РСХД. Паломников, среди которых были видные представители русского зарубежья, высокопоставленные деятели Эстонской республики, привлекали в обитель не только ее история, святыни и архитектурно-художественный ансамбль, но и личности игумении Иоанны (Коровниковой) и вдовы фактического основателя монастыря эстляндского губернатора князя С.В. Шаховского — Е.Д. Шаховской. Несмотря на «национализацию» части монастырских земель, зданий и имущества, развивались монастырское хозяйство, благотворительная деятельность, которая ока-

залась вынужденно ограничена, свечное производство. До 1943 г. монастырь оставался в юрисдикции митрополита Таллинского и всей Эстонии Александра (Паулуса), он не стал центром «оппозиции» курсу эстонского духовенства, в отличие от Псково-Печерского монастыря и ряда храмов Принаровья. Несмотря на эвакуации сестер и монастырского имущества в конце Первой мировой войны и в 1944 г. обитель сохранила свои главные святыни, почти все храмы, келейные и хозяйственные сооружения и доньше остается важнейшей православной святыней на территории Эстонии.

Приложение

Отчет Благотворительной Христианской Трудовой Пюхтицкой женской общины за 1931 год.

ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 640⁶⁴

Утвержден Общим Собранием Членов Общины 10 июля 1932 года.

Делопроизводитель Общины А. Арбузов

Отчет о состоянии имущества и кассы Благотворительной Христианской Трудовой Пюхтицкой Женской Общины за 1931 год.

1. Основанный в 1892 году в честь Успения Божией Матери Пюхтицкий (в Куремяэ) Успенский Женский Монастырь после утверждения Устава Общины Везенберг-Вейсенштейнским мировым съездом 10 декабря 1920 года за № 309 преобразован в Благотворительную Христианскую Трудовую Пюхтицкую Женскую Общину.

Цель общины, согласно Устава: при помощи земельного владения вести образцовое сельское хозяйство, служить Эстонской Апостольской Церкви благотворительными учреждениями и тем работать в пользу всего окрестного населения. Первое Общее собрание членов общины состоялось 8-го Апреля 1921 года. Согласно закона объявленного в Riigi Teataja 15 января 1926 года № 4, с 1 марта

1926 года община как благотворительное учреждение зарегистрировано в Министерстве Труда и Призрения.

2. Число членов Общины.

Всех членов общины в 1931 году состояло:

В общине в Куремяэ 89 человек.

В Богадельне Гефсимания 12 человек.

В Иевве на Подворье 2 человека.

В Ревеле на Подворье 11 человек.

Итого: 114 человек.

Декабря 25 1931 года умерла член общины монахиня Манефа Максимова.

3. Правление общины. Председательница. Казначей. Благочинная. Делопроизводитель. Члены Совета Правления.

На основании Протокола общего собрания членов Общины июня 15 1930 года избраны на основ. 20 ст. Устава на следующее трехлетие (с 1930 по 1933 г.) следующие лица: Председательницей правления Общины: игумения Иоанна Алексеевна Коровникова. Казначеем: монахиня Алексия Андреевна Голубева.

Благочинной: монахиня Варсонофия Тимофеевна Тимофеева.

Членами Совета Правления Общины — монахини: Ангелина Александровна Пименова, Еликонида Петровна Тиханова, Сарра Григорьевна Демидова, Антония Феодоровна Федина, Валентина Петровна Силанова, Феоктиста Дмитриевна Дмитриева, Валерия Кирилловна Маслова.

В члены Ревизионной комиссии на один год: монахини Антония Федина, Рафаила Мигачева, Аркадия Васильева.

Совет Правления Общины, в случае надобности, устраивает заседания и свои постановления записывает в протокольную книгу. Таковых заседаний в отчетном году не было. Делопроизводителем общины состоит Алексей Владимирович Арбузов, приглашенный на эту должность Советом Правления Общины с 12 апреля 1921 года

(Заседание сов. правления общины 1921 года 12 апреля, протокол №1).

Общих собраний членов общины в отчетном году было одно.

4. Сколько земли имеет Община.

В Куремяэ по плану при общине значится земли 199 десятин 1 474 кв. саж. С 1920 года, согласно закону Эстонской Республики, вся земля, как монастырская, отчуждена, но находится в фактическом пользовании Общины, за исключением леса, до окончания планировки. В заседании главной землеустроительной комиссии 21 декабря 1931 года выяснилось, что предположено лес возвратить Общине, и из отчужденной земли обратно возвращается 170 десятин, причем в полную собственность 78 десятин, а остальные на арендном праве.

Решением Государственного Суда 27 августа 1931 года три причтовых дома отчуждены в 1920 году от Общины, возвращены Общине обратно с 1 декабря 1931 года. Сумма, вырученная по ликвидации мызного участка Тагаметс, составляет к 1 января 1932 года сумму в 5 098 крон 45 центов, внесена Синодом на имя общины в Ревельский Кредитный Банк, причем согласно постановления Правления Общины от 29 октября 1929 года, утвержденного Общим Собранием 15-го июня 1930 года, подлежит расходованию, с разрешения Синода, на ремонт построек общины в Куремяэ.

3). 11 августа 1894 года было принято в вечное владение Пюхтицкого Монастыря (ныне Трудовой Общины) 19-ый квартал Вихтизбийской казенной лесной дачи пространством 136 десятин 1 344 кв. саж. в 25 верстах от монастыря в Vasknarva (Сыренецкой) волости, где устроена Богадельня Общины для больных и престарелых членов Общины женщин, именуемая Гефсимания. За исключением усадьбы и построек вся земля, как казенная, отчуждена полностью. При планировке земли предположено Правительством отвести Богадельне Гефсимания, как

филиальному отделению общины, до 25 гектаров земли для ведения хозяйства.

5. Какие постройки имеются в общине (Пюхтица-Куремяэ).

Церквей в Общине три: Собор каменный, выстроенный в 1910 году в честь Славного Успения Пресвятой Богородицы и Присно-Девы Марии, Николо-Арсениевская церковь, деревянная, выстроенная в 1895 году в честь святителя Николая Чудотворца и Арсения Великого. При церкви кладбище. Церковь считается приходской. Трапезная церковь деревянная. Помещается во втором деревянном этаже трапезного корпуса, выстроена в 1896 году в честь Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Затем на верхнем уступе Богородицкой горы имеется домовая деревянная церковь, соединенная с квартирой Е.Д. Шаховской, в честь Преподобного Сергея Радонежского Чудотворца. Церковь существует с 1895 года и выстроена усердием Е.Д. Шаховской над могилой ее мужа князя С.В. Шаховского.

Часовен, принадлежащих общине, четыре. 1) под священным дубом на кладбище общины, в Куремяэ, деревянная. Священный старинный дуб высотой 10 сажень, толщиной в основании 2 сажени 1 аршин. Точных исторических данных о времени посадки этого дуба нет, но, судя по коре, ему уже несколько сот лет, и предание связывает его со временем явления чудотворной иконы Успения Божией Матери. В настоящее время дуб и кладбище взяты под охрану Правительством Эстонии с 6 го апреля 1927 года, о чем и имеются бумаги от Haridusministerium (6 апреля 1927 г, №№ 3188 на основании распоряжения Riigi Teataja 1925 г. № 111/112). 2). При живоносном источнике в Куремяэ, каменная, перестроена в 1931 году иждивением Латвийского гражданина Ильи Григорьевича Пинуса из деревянной. 3). В д. Пюхтицы (Сомпэ) в 1 ½ километрах от общины, каменная. 4). В д. Овсово в 13 километрах от общины, каменная, в честь Рождества Христова.

В ограде Общины находится 14 жилых деревянных домов и один недостроенный каменный дом. В этих домах помещаются кельи сестер общины. Кроме этого, имеются 8 построек для хозяйственных надобностей. За оградой общины находится странноприимный дом и 2 домика, которые сдаются Общиной под квартиры. Близ Живоносного Источника Общине, совместно с Попечительным на Богородицкой горе Братством, принадлежит 5 зданий, в которых прежде помещалась Больница и квартира врача, а ныне помещается квартира земского врача и приемный покой при земском медицинском пункте. При пункте находится сестра милосердия (монахиня), член общины. Кроме этого, общине принадлежит 21 деревянное здание на участке Биркенгайн в одной версте от общины, это скотный и конный дворы, гумно, кузница и разные другие хозяйственные постройки.

6. Застрахованы ли постройки и где.

Постройки застрахованы в Эстонском страховом обществе.

7. Отчет о состоянии кассы Общины.

Как видно из приходно-расходной книги за 1931 год, состояло в кассе на 1 января 1931 года:

Остаток от 1930 года 146 кр. 96 ц.

Поступило в 1931 году 1 854 кр. 67 ц.

Итого в приходе в 1931 году 18 201 кр. 63 ц.

Израсходовано в 1931 году 18 153 кр. 53 ц.

Остаток на 1 января 1932 года 48 кр. 10 ц.

8. Из каких источников поступило

№	Статьи прихода	Кр.	Ц.
1	Разъезд с Чудотворной иконой	1 545	77
2	Сбор пожертвований	816	66
3	Свечной завод	4 496	56
4	Тарелочный сбор	103	41
5	Запивочных	28	51
6	Кружечных	92	33

7	Продажа просфор	477	18
8	Продажа образков, крестиков, от-крыток	385	61
9	Крестные ходы на источник	43	-
10	Продажа свечей в храме	530	65
11	Сбор по подписным листам	135	50
12	Запись на поминование	435	70
13	За место на кладбище	9	50
14	Славление Христа певчими в Нарве	215	-
15	За продажный ладан	112	-
16	Из кружки от исповедников	65	70
17	Запись исповедников	32	96
18	За живопись образов	120	-
19	Пожертвовано на ремонт Н. Арсени-евской церкви	20	-
20	Плата от квартирантов и арендаторов	754	37
21	Доход от скотного двора (из них по-дано огурцов и капусты на 212 кр.)	420	-
22	От странноприимного дома	339	4
23	За подводы	42	50
24	От продажи ягод и яблок в саду	565	-
25	Из кружки за баню	28	4
26	% с капитала Общины	367	61
27	Случайные доходы	47	
	Итого	12 229	60
+ остаток от 1930 года		74 кр.	37 ц.
12 303 кр. 97 ц.			

Израсходовано за 1931 год

№	Статьи расхода	Кр.	Ц.
1	Куплено на трапезу сестер	1 688	75
2	Куплено для свечного завода	1 759	60
3	Содержание скотного двора	1 226	34
4	Плата рабочим и поденщикам	1 519	85
5	Ремонт построек	1 896	12

6	Покупка хозяйственных предметов	1 057	59
7	Аренда у княгини Шаховской	220	-
8	Пересылка денег по почте	23	50
9	Для канцелярских письменных при-надлежностей	35	37
10	Для сапожной мастерской	419	62
11	Содержание странноприимного дома	89	8
12	Куплено дров на	307	89
13	Помол зерна	110	73
14	Телефон	11	25
15	Налоги церковный и в волость земель-ный и личный	847	68
16	Покупка для церковной ризницы и церкви	81	84
17	Подписка на газету	16	25
18	Искусственное удобрение для сада	5	76
19	Уплачено пастушкам	90	-
20	Передано деньгами в Гефсиманию	100	-
21	Уплачено прис. поверенному Киппе-лю по Земельному делу Общины	60	-
22	Страхование зданий	188	74
23	Проезд с иконой и по делам Общины	265	97
24	Мука для просфор	265	73
Итого		12 287 кр.	66 ц.

9. Как установлена ревизия кассы. Кто ревизор. Кто состоит ответственными лицами при кассе.

На основании параграфа 26 Устава Общины общим собранием ежегодно избирается Ревизионная комиссия в составе трех членов. Касса находится у Председательницы Правления Общины Игумении Иоанны, которая ежемесе-чано и передает все счета и отчетность с оправдательны-ми документами через казначею в канцелярию общины для внесения их в приходно-расходную книгу. Засим, на основании параграфа 27 Устава Общины, Ревизионная комиссия проверяет всю отчетность Общины пред общим годовым собранием.

10. Свечной валовый доход в храмах общины.

Как видно из отчета, валовый доход от продажи свечей в храме общины выразился в сумме 530 крон 65 центов.

11. Существуют ли приход при церквях общины.

К Общине приписан Пюхтицкий приход, зарегистрированный в Министерстве Внутренних дел 31 июля 1926 года за №148. На основании закона Республики о вероисповедных Обществах и их союзах Пюхтицкий приход состоит из членов общины, проживающих в Куремяэ, лиц православного вероисповедания, проживающих вблизи Куремяэ, и граждан деревни Овсово, находящейся в 13-ти километрах от Куремяэ в Васкнарвской волости. За дальностью расстояния и имея в виду, что от деревни Овсово в 7 километрах имеется церковь в селе Ямы, прихожане деревни Овсово крайне редко, и то не все, посещают свой приходской храм в общине.

12. Были ли в церквях общины богослужения на эстонском языке.

Вр. и.д. священника общины и прихода с 23 августа 1927 года состоит Иеромонах Печерского монастыря Павел Горшков, командированный благочинным монастырей Эстонии Епископом Печерским Иоанном. Богослужения совершаются на славянском языке.

Отчет о состоянии имущества и кассы Подворья общины в Иевве в 1931 году.1. Когда Подворье основано.

Подворье основано в 1893 году.

2. Сколько членов на Подворье

Подворье обслуживают две сестры общины. Назначение Подворья — служить приютом на станции дороги в Иевве, проезжающих в общину в Куремяэ, а также по приемке и доставке грузов общины на станцию железной дороги.

3. Кто заведует Подворьем

Заведует Подворьем член Общины монахиня Евлогия Пименова.

4. Сколько земли имеет Подворье.

Подворью принадлежит усадебный участок в местечке Иевве, переданный в пользование общины с 1893 года бывшим Иеввенским отделением Прибалтийского Братства (ныне Попечительным на Богородицкой горе Братством)

5. Какие имеются постройки.

Дом деревянный, выстроенный в 1893 году, каменная кладовая и сарай деревянный.

6. Застрахованы ли постройки

Постройки застрахованы в Эстонском страховом обществе.

7. Отчет о состоянии кассы.

Было на 1 января 1931 года

Остаток от 1930 года 86 цент.

Поступило в 1931 году 171 кр. 67 ц.

Всего в приходе 172 кр. 53 ц.

Израсходовано в 1931 году 171 кр. 67 ц.

Осталось на 1 января 1932 года 86 центов.

8. Из каких источников поступило.

№	Статьи прихода	Кр.	Ц.
1	От квартирантов	48	-
2	От проезжающих посетителей	83	67
3	От хозяйства	40	-
		171	67
	+ Остаток от 1930 года		86
	Всего в приходе	172	53
	Израсходовано в 1931 году		
1	Куплено муки ржаной	33	12
2	Куплено продуктов на трапезу	87	28
3	Куплено керосину	2	12
4	Хозяйственные расходы	23	15
5	Дрова	26	-
	Итого	171	67

9. Как установлена ревизия кассы

Заведующая Подворьем передает все счета в канцелярию Общины, где они проверяются и вносятся в приходно-расходную книгу Общины.

Отчет о состоянии имущества и кассы Богадельни Общины «Гефсимания» за 1931 год

1. Когда богадельня основана.

Богадельня основана в 1894 году, так как бывшим Русским Правительством, на основании предложения Управляющего Государственных Имуществ от 11 августа 1894 года за №2010, был передан в вечное владение бывшего Пюхтицкого Монастыря (ныне Трудовой Общины) 19-ый квартал Вихтизбийской казенной лесной дачи пространством 134 дес. 1 344 кв. саж. в 25 верстах от монастыря в Сыренецкой (Vasknarva) волости Вирского уезда. С 1 марта 1926 года Богадельня зарегистрирована в Министерстве Труда и Призрения как филиальное отделение благотворительной Женской Трудовой Общины.

2. Сколько членов в Богадельне

а) нетрудоспособных 7.

б) трудоспособных 5.

Всего 12 человек.

3. Кто заведует Богадельней.

Заведует Богадельней рясофорная послушница Параскева Семенова.

4. Сколько земли имеет Богадельня.

По плану, имеющемуся у Городецкого лесничего, значится земли при Богадельне.

Под усадьбой $\frac{1}{2}$ дес.

Поля 3 дес.

Покосы 7 дес.

Выгона 12 дес.

Всего 22 $\frac{1}{2}$ дес.

Остальные 114 дес. 144 кв. саж. леса отчуждены Министерством Земледелия. Предположено Министерством при распланировании земли Общины при Куре-

мяэ оставить в пользовании Богадельни участок земли в 25 гектаров, чтобы Богадельня имела возможность вести небольшое сельское хозяйство.

5. Какие постройки имеются.

1) Церковный дом деревянный, выстроенный в 1896 году, с домовою церковью в честь Славного Успения Пресвятой Богородицы.

2) вновь выстроенный в 1930 году дом новой Богадельни на 12 человек для призреваемых.

3) дом деревянный — трапезная и келарня, и 8 деревянных хозяйственных построек.

6. Застрахованы ли постройки.

Постройки застрахованы в Эстонском страховом обществе.

7. Отчет о состоянии кассы.

Было в кассе к 1 января 1931 года.

Остаток от 1930 года 62 кр. 73 ц.

Поступило в 1931 году 1 333 кр. 57 ц.

Всего в приходе 1 396 кр. 30 ц.

Израсходовано в 1931 году 1 365 кр. 93 ц.

Осталось на 1 января 1932 года 30 кр. 37 ц.

8. Из каких источников поступило.

№	Статьи прихода	Кр.	Ц.
1	Собрано пожертвований сестрой Агриппиной Раковой	900	-
2	Прислано пожертвований	46	50
3	Продано продуктов от хозяйства	212	40
4	Получено от общины	100	-
5	Церковный доход	74	67
	Итого	1 333	57
	+ остаток от 1930 года	62	73
	Всего в приходе	1 396	30

Израсходовано в 1931 году.

№	Статьи расхода	Кр.	Ц.
1	Куплено продуктов для трапезы	895	5
2	В аптеку за лекарство	10	-
3	Куплено вещей для хозяйства	93	32
4	Ремонт построек	155	23
5	Наем обработки поля и поденщики	90	34
6	Дрова	105	69
7	Страхование	16	30
	Итого	1 365	93
	+остаток на 1 января 1932 года	30	37

9. Как устроена ревизия кассы.

Все счета с оправдательными документами ежемесячно препровождаются заведующей Богадельней в канцелярию Общины, где проверяются и вносятся в приходо-расходную книгу Общины.

10. Существует ли приход при церкви.

Прихода нет.

11. Были ли в церкви Богадельни богослужения на эстонском языке.

Богослужения бывают редко, с приглашением священника ближайшего прихода из села Ямы и на славянском языке.

Отчет о состоянии имущества и кассы Ревельского подворья Пюхтицкой Женской Трудовой Общины за 1931 год.

1. Когда Подворье основано.

Подворье основано в 1897 году на средства П.Е. Басаргиной.

2. Сколько членов на подворье.

В 1931 году проживало на Подворье 11 человек, все состоят членами Пюхтицкой Женской Трудовой Общины. Подворье составляет филиальное отделение Общины в г. Ревеле и зарегистрировано с 1 марта 1926 года в Министерстве Труда и Призрения как филиальное отделение

вместе с Общиной как Благотворительным учреждением. Обязанность Подворья материально помогать Общине.

3. Кто заведует Подворьем.

Заведует Подворьем с 1908 года монахиня Евпраксия Степанова.

4. Сколько земли имеет Подворье.

Подворью принадлежит в г. Ревеле на углу Гонзиорской и Шубесской улиц усадебный участок в 500 кв. саж., пожертвованный Пюхтицкому Успенскому Монастырю П.Е. Басаргиной. Из означенного числа земли в 1924 году уступлено городу 20 ½ кв. сажень, следовательно, остается у Подворья 479 ½ саж. земли. Кроме того, принадлежит Подворью с 1899 года пожертвованный ею же, Басаргиной, участок земли в 96 кв. саж., приобретенный от кладбищенской администрации на Александро-Невском кладбище в г. Ревеле для погребения сестер, проживающих на Подворье.

5. Какие постройки имеются.

Подворью принадлежит каменная церковь в честь Введения во храм Пресвятыя Богородицы, выстроенная в 1902 году, и деревянный дом, выстроенный в 1907 году для жилья сестер Подворья. При доме сарай и сторожка для дворника.

6. Застрахованы ли постройки.

Дом застрахован в обществе Ека в Ревеле.

7. Отчет о состоянии кассы Подворья.

Было в кассе Подворья к 1 января 1931 года:

Остаток от 1930 года 9 кр.

Поступило в 1931 году 4 319 кр.83 ц.

Итого 4 328 кр.83 ц.

Израсходовано в 1931 году 4 328 кр. 27 ц.

Осталось на 1 января 1932 года 56 ц.

8. Из каких источников поступило.

№	Статьи прихода	Кр.	Ц.
1	За требы	308	-

2	Тарелочных	460	99
3	Просфорных	661	-
4	Свечных	2 101	50
5	Запивочных	77	34
6	Плата за квартиры	402	-
7	От квартирантов за электричество	68	-
8	Пожертвований на ремонт храма	226	-
9	Из кружки	15	-
	Итого	4 319	83
	+остаток от 1930 года	9	-
	Всего в приходе	4 328	83
№	Статьи расхода	Кр.	Ц.
1	Ремонт дома	695	30
2	Ремонт храма	798	87
3	Электричество	110	19
4	Покупка вещей для хозяйства	22	99
5	Хозяйственные расходы	267	21
6	Певчему	120	-
7	Дворнику	58	-
8	Провизия для сестер	900	37
9	% отчислений Синоду с продажи свечей	26	95
10	Дрова	350	-
11	Хлеб сестрам	560	-
12	За воду	88	75
13	Муки	94	-
14	Страхование зданий	27	41
15	Масло для церкви и церковные расходы	164	33
16	Подходный налог	43	90
	Итого	4 328	27

9. Как установлена ревизия кассы.

Все счета с оправдательными документами ежемесячно препровождаются заведующей Подворьем в

канцелярию Общины, где проверяются и вносятся в приходно-расходную книгу Общины.

10. Какой валовой доход свечной продажи в церкви.

В 1931 году доход от продажи свечей 2 101 кр. 50 ц.

11. Существует ли приход при церкви.

При церкви прихода нет. Священнослужителем состоит протоиерей Александр Троицкий с 7-го августа 1924 года. С 3 января 1926 года образован при церкви из постоянных ее посетителей «Кружок ревнителей церковного благоустройства» с целью взаимного объединения в духе православия и забот о важнейших нуждах церкви.

12. Были ли в церкви богослужения на Эстонском языке.

Богослужения совершаются на славянском языке.

Председательница правления общины Игуменья Иоанна.

Казначей Алексия Голубева

Делопроизводитель А. Арбузов.

Источники

Eesti Riigiarhiiv – Эстонский Государственный архив (ERA), Tallinn

1. ERA, f. 14, n. 9, s. 755.

2. ERA, f. 14, n. 9, s. 756.

3. ERA, f. 62, n. 2, s. 8588.

4. ERA, f. 62, n. 28, s. 21511.

5. ERA, f. 62, n. 28, s. 23805.

6. ERA, f. 62, n. 28, s. 24109.

7. ERA, f. 1025, n. 1, s. 176

Eesti Riigiarhiiv – Eesti Ajalooarhiiv – Эстонский Государственный архив – Исторический архив Эстонии (ERA; Tartu – EAA), Tartu

8. EAA, f. 1655, n. 3, s. 115.

9. EAA, f. 1655, n. 3, s. 199.

10. EAA, f. 1655, n. 3, s. 638.

11. EAA, f. 1655, n. 3, s. 639.

12. EAA, f. 1655, n. 3, s. 640.

Литература

13. *Берташ Александр, прот.* Пюхтицкий в честь Успения Пресвятой Богородицы женский ставропигиальный монастырь // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. LIX. С. 107–124.
14. *Берташ Александр, прот.* Пюхтицкое подворье в Ревеле-Таллине и его строитель Н.Н. Никонов // Восьмые Пюхтицкие чтения. Материалы международной научно-практической конференции «Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность». Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, 11–12 декабря 2018 года. Куремяэ, 2019. С. 154–163.
15. *Бойков В.А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009.
16. В Пюхтицком монастыре // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1932. № 8–9. С. 31–33.
17. *Валентин (Ляхотский), иером.* Преподобный Петр царевич и основанный им Ростовский Петровский монастырь. Ростов-Ярославский, 1912.
18. *Вершинин Александр, свящ.* Александр (Паулус), митр. // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 499–501.
19. *Даниила (Полякова), мон.* Благотворительные учреждения Пюхтицкого монастыря во время Первой мировой войны и их дальнейшая судьба // Шестые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2017. С. 403–419.
20. *Даниила (Полякова), мон.* Эвакуация 1917 г. и возвращение Пюхтицких сестер с монастырским имуществом в 1923 г. // Пятые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2016. С. 296–318.
21. *Исаков С.Г.* К истории конфликта в Православной Церкви Эстонии // Балтийский архив. IX. Вильнюс, 2005. С. 134–162.
22. *Калкин О.А.* Игумен Павел (Горшков), наместник Псково-Печерского монастыря // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 173–178.
23. *Клементьев А.К., Шор Т.К.* Иоанн (Булин), епископ // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 382–385.

24. *Колупаев В.Е. (игумен Ростислав).* Архимандрит Митрофан (Ярославцев) // Военно-исторический архив. 2009. № 3(111), С. 10–28.
25. *Корнилий (Якобс), митрополит.* Святой праведный Иоанн Кронштадтский, православные эстонцы и Эстония. Tallinn, 2011.
26. *Кумыш Владислав, свящ.* Блаженный странник Стефан Нарвский // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 25. 2001. С. 31–32.
27. *Ланберг В.А.* Пюхтица 1941–1944 // Шестые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2017. С. 393–402.
28. *Мальцев Ю.П.* Краткое жизнеописание архиеп. Нарвского и Изборского Евсевия (Гроздова) и его потомков. *Килин Андрей, диакон.* Возвращение архиепископа Евсевия. *Синякова Г.* Архиепископ Евсевий // Мир Православия. 2006. № 5 (98).
29. *Мальцев Ю.П.* Православное духовенство в эпидемию тифа 1919–1920 гг. в Эстонии // Мир Православия. 2006. № 7 (100); 8 (101).
30. *Мельник А.Г.* Ансамбль Ростовского Петровского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990.
31. *Мусаев В.И.* Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб., 2018.
32. *Мянник С.* Епископ Иоанн (Булин) // Православие в Балтии. № 4 (13). 2016. С. 77–90.
33. *Мянник С.* Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус) // Православие в Балтии. № 8 (17). Rīga, 2018. С. 123–147.
34. Нарвский архиерей. Материалы к биографии епископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского), впоследствии — архиепископа Таллинского и Эстонского. Таллин, 1997.
35. *Никитин Д.Н.* Евсевий (Гроздов), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. 17. С. 267.
36. [Никифоров-Волгин В.А.]. Торжество в Пюхтицком монастыре // Вести дня. 1928. 21 августа. № 223. С. 1.
37. Обитель Божией Матери. 125 лет Пюхтицкому Успенскому ставропигиальному женскому монастырю. Составители

игумения Филарета (Калачева), монахиня Тихона (Проненко), В.А. Тимкина. Куремяэ, 2016.

38. *Обозный К.* Деятельность Русского студенческого христианского движения в Прибалтике: церковный и общественно-культурный аспект // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е – 1930-е гг. Под ред. И. Пярт. Tartu, 2018. С. 441–442.

39. *Осипов А.* III Прибалтийский съезд Р.Х.С. Движения // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1930. № 10. С. 26–32.

40. *Парфёнов Александр, свящ.* К истории Ростовского Петровского монастыря в XX веке // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2001 г. Ростов, 2002. С. 193–208.

41. *Плюханов Б.Д.* РСХД в Латвии и Эстонии. Париж, 1993.

42. Пюхтицкая обитель и ее покровитель святой праведный Иоанн Кронштадтский. [Куремяэ], 2016. С. 224–225.

43. *Алексий II (Ридигер), Патриарх.* Православие в Эстонии. М., 1999.

44. Русская Православная Церковь и Белое движение. М., 2008.

45. *Синякова Г.А.* Русская Нарва // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 25. 2001.

46. *Уманец С.И.* Воспоминания о князе С.В. Шаховском и Балтийские очерки. СПб., 1899.

47. Успенский собор Пюхтицкого монастыря: 100 лет. 1910–2010. Kuremäe, 2010.

48. *Филарета (Калачёва), игумения.* «Путь, истина и жизнь». Истоки и становление игуменского служения. М., 2019.

49. Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940): из истории русского зарубежья. Составители: С.Г. Исаков, Т.К. Шор, Т.Т. Гузаиров. Т. 1 (1918–1931 гг.). Таллин, 2016; Т. 2 (1932–1940 гг.). Таллин, 2017.

50. *Чуфаровский Николай, свящ.* Ростовский Петровский монастырь и его основатель преподобный Петр царевич. Ярославль, 1891.

51. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002.

52. *Шор Т.К.* Воспоминания бывшего эстляндского губернатора. А.В. Бельгард // Балтийский архив. Т. III. Tallinn, 1997. С. 110–117.

53. *Шумаков Ю.Д.* Колокола мне шлют привет. Таллин, 1991.

54. *Шумаков Ю.Д.* Пристать бы мне к родному берегу... Игорь Северянин и его окружение в Эстонии. Таллин, 1992.

55. Явление изображения иконы Божией Матери в св. источнике Пюхтицкого женского монастыря. Тарту, 1932.

56. *Ярославцев М.В.* Последние дни Северо-Западной Армии // Белая Гвардия. Альманах. М., 2003. № 7. Белое движение на Северо-западе России. С. 181–185.

Периодика

57. Postimies. 1936. 29 июня. № 171. С. 4.

58. Postimies. 1939. 20 июня. № 164. С. 6.

59. Postimies. 1939. 11 июля. № 182. С. 6.

60. Postimies. 1939. 14 августа. № 216. С. 2.

Электронные публикации

61. Русская Эстония. URL: <http://russianestonia.eu/>

62. *Хоновец Виталий, иерей.* Церковная жизнь и деятельность военного духовенства на Северо-Западе России в 1918–1920 гг. URL: <https://minds.by/news/tserkovnaya-zhizn-i-deyatel-nost-voennogo-duhovenstva-na-severo-zapade-rossii-v-1918-1920-gg>

63. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный монастырь <https://www.puhtitsa.ee>

Примечания

¹ *Уманец С.И.* Воспоминания о князе С.В. Шаховском и Балтийские очерки. СПб., 1899. С. 18; *Корнилий (Якобс), митрополит.* Святой праведный Иоанн Кронштадтский, православные эстонцы и Эстония. Tallinn, 2011. С. 264; *Берташ Александр, прот.* Пюхтицкий в честь Успения Пресвятой Богородицы

женский ставропигиальный монастырь // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. LIX. С. 107–124.

² Обитель Божией Матери. 125 лет Пюхтицкому Успенскому ставропигиальному женскому монастырю. Составители игуменья Филарета (Калачева), монахиня Тихона (Проненко), В.А. Тимкина. Куремяэ, 2016. С. 7; Успенский собор Пюхтицкого монастыря: 100 лет. 1910–2010. Kuremäe, 2010. С. 5.

³ См. подробнее: Обитель Божией Матери. Куремяэ, 2016; *Филарета (Калачёва), игуменья*. «Путь, истина и жизнь». Истоки и становление игуменского служения. М., 2019. Выражаю признательность игуменье Филарете за помощь в работе.

⁴ Игуменья Алексия (Анна Михайловна Пляшкевич, 2 февраля 1847 – 25 января 1923), — дочь священника Смоленской епархии, насельница Спасо-Бородинского и Московского Страстного монастырей, где она в 1891 г. приняла постриг. Игуменья с 9 ноября 1897 г., утверждена в должности настоятельницы 10 февраля 1898 г. При ней был сооружен главный монастырский собор в честь Успения Богородицы (1908–1910 гг., архитектор А. А. Полещук).

⁵ Алексей Валерианович Бельгард (Bellegarde, 12 ноября 1861 – 28 марта 1942, Берлин) — сын генерала от инфантерии. С 1 июля 1886 г. — товарищ Лифляндского губернского прокурора, с 5 сентября 1893 г. — заведующий канцелярией Московского обер-полицмейстера. С 1900 г. — камергер, член Совета главного управления по делам печати, с 22 декабря 1901 г. — Лифляндский вице-губернатор, с 6 июля 1902 г. до 19 февраля 1905 г. — Эстляндский губернатор, затем — начальник Главного управления по делам печати, сенатор (1905–1912 гг.), гофмейстер (29 марта 1909 г.). Эмигрировал в Германию, с 1935 г. — в Эстонии. 20 февраля 1936 г. А.В. Бельгард с сыном Алексеем получили гражданство Эстонии в ускоренном порядке. С приходом советской власти в 1940 г. семья Бельгардов бежала из Эстонии. После кончины А.В. Бельгарда панихиду по нем отслужили в церкви подворья Пюхтицкого монастыря в Таллине. См.: *Шор Т.К.* Воспоминания бывшего эстляндского губернатора. А.В. Бельгард // Балтийский архив. Т. III. Tallinn, 1997. С. 110–6

⁶ Мусаев В.И. Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб., 2018. С. 222.

⁷ Ростовский Петровский монастырь был основан во второй половине XIII в. прп. Петром, царевичем Ордынским (†1290 г.) после явления ему первоверховных апп. Петра и Павла. В 1682–1684 гг. был построен новый Петропавловский собор, а в 1695–1696 гг. — зимний храм Похвалы Пресвятой Богородицы (см.: *Чуфаровский Николай, свящ.* Ростовский Петровский монастырь и его основатель преподобный Петр царевич. Ярославль, 1891; *Валентин (Ляхотский), иером.* Преподобный Петр царевич и основанный им Ростовский Петровский монастырь. Ростов-Ярославский, 1912; *Мельник А.Г.* Ансамбль Ростовского Петровского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990). В 1928–1933 гг. монастырь был закрыт, к 1934 г. разобраны собор, колокольня и стены. Сохранились трапезная церковь, башни, игуменский корпус. В 2004–2008 гг. велись восстановительные работы. С 2005 г. возобновлены богослужения. 24 декабря 2010 г. Священным Синодом было благословлено повторное открытие Петровского мужского монастыря.

⁸ *Парфёнов Александр, свящ.* К истории Ростовского Петровского монастыря в XX веке // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2001 г. Ростов, 2002. С. 193–208. В Петровском монастыре знали о Пюхтице. В собрании Ростово-Ярославского музея-заповедника сохранился подписной лист для записи пожертвований по Ростовскому Петровскому монастырю на благоустройство Пюхтицкого Успенского монастыря Эстляндской губернии, датированный 13 сентября 1894 г. Памятью о Пюхтице является обычай выкладывать на манер стога поленицы дров в окрестностях бывшего Петровского монастыря.

⁹ Прот. Христофор Иоаннович Винк (1879 — 4 апреля 1972, Таллин) служил в монастыре с 27 мая 1911 г., старший священник — с 5 октября до 20 декабря 1918 гг. и 1 сентября 1921 — 15 августа 1922 г. Казначей Иеввенского отделения Прибалтийского православного братства, которое внесло определяющий вклад в первоначальное устройство Пюхтиц-

кой общины и монастыря. В эвакуации служил в Ярославле, в послевоенные годы был настоятелем построенной им в 1923 г. Иоанно-Предтеченской церкви в Нымме (Таллин).

¹⁰ Данила (Полякова), мон. Эвакуация 1917 г. и возвращение Пюхтицких сестер с монастырским имуществом в 1923 г. // Пятые Пюхтицкие чтения. Куремая, 2016. С. 296–318.

¹¹ ERA, f. 1025, n. 1, s. 176, l. 3-4, 13, 53-54.

¹² О нем см.: Нарвский архиерей. Материалы к биографии епископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского), впоследствии — архиепископа Таллинского и Эстонского. Таллин, 1997; Мальцев Ю.П. Краткое жизнеописание архиеп. Нарвского и Изборского Евсевия (Гроздова) и его потомков. Килин Андрей, диакон. Возвращение архиепископа Евсевия. Синякова Г. Архиепископ Евсевий // Мир Православия. 2006. № 5 (98); Никитин Д.Н. Евсевий (Гроздов), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. С. 267; Мусаев. Указ. соч. С. 237–238, 253–254.

¹³ Архим. Митрофан (в миру Михаил Владимирович Ярославцев, 30 декабря 1883 — 28 января 1954) — из дворян, потомок прп. Паисия Галичского. Получил военное образование в Москве, участвовал в 1-й мировой войне. С ноября 1918 г. участвовал в Белом движении. В 1920 г. командовал 3-й пехотной дивизией Русской народной добровольческой народной армии С.Н. Булак-Булаховича. Жил в Польше, во Франции. С 1933 г. получал богословское образование в Болгарии. Рукоположен в священный сан в 1937 г., служил в Марокко. 3 апреля 1940 г. пострижен в монашество. С 1946 г. в юрисдикции Московского Патриархата. Умер и похоронен в Рабате. См.: Колупаев В.Е. (игумен Ростислав). Архимандрит Митрофан (Ярославцев) // Военно-исторический архив. 2009. № 3(111), С. 10–28.

¹⁴ Ярославцев М.В. Последние дни Северо-Западной Армии // Белая Гвардия. Альманах. М., 2003. № 7. Белое движение на Северо-Западе России. С. 182.

¹⁵ Мальцев Ю.П. Православное духовенство в эпидемию тифа 1919–1920 гг. в Эстонии // Мир Православия. 2006. № 7 (100). Добровольное пожарное общество Иллуки было основано в

1899 г., его поддерживала княгиня Е.Д. Шаховская, у него даже был свой оркестр.

¹⁶ Ярославцев М.В. Последние дни Северо-Западной Армии // Белая Гвардия. Альманах. М., 2003. № 7. Белое движение на Северо-Западе России. С. 182.

¹⁷ Бойков В.А. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009. С. 168–169; Гаврилов С. Протоиерей К.А. Колчин. http://russianestonia.eu/index.php?title=Колчин_Константин_Александрович.

¹⁸ Мальцев Ю.П. Православное духовенство в эпидемию тифа 1919–1920 гг. в Эстонии // Мир Православия. 2006. № 7 (100); 8 (101).

¹⁹ Хоновец Виталий, иерей. Церковная жизнь и деятельность военного духовенства на Северо-Западе России в 1918–1920 гг. URL: <https://minds.by/news/tserkovnaya-zhizn-i-deyatel-nost-voennogo-duhovenstva-na-severo-zapade-rossii-v-1918-1920-gg>

²⁰ Исаков С.Г. К истории конфликта в Православной Церкви Эстонии // Балтийский архив. IX. Вильнюс, 2005. С. 134–162.

²¹ Митрополит Александр (в миру Александр Карлович Паулус, 2 февраля 1872, Перновский уезд — 18 октября 1953, Стокгольм) — из крестьян, закончил Рижскую духовную семинарию, с 1901 г. — священник, в 1909 г. овдовел. С 1920 г. — архиепископ, с 1923 г. — митрополит Таллинский и всей Эстонии. 20 сентября 1944 г. эвакуирован в Германию, с 1947 г. проживал в Швеции. См.: Вершинин Александр, свящ. Александр (Паулус), митр. // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 499–501; Мусаев. Указ. соч. С. 241.

²² ERA, f. 14, n. 9, s. 755; ERA, f. 14, n. 9, s. 756.

²³ EAA, f. 1655, n. 3, s. 115, l. 1-2.

²⁴ EAA, f. 1655, n. 3, s. 115, l. 2-4, 8-9; ERA, f. 62, n. 2, s. 8588, l. 62-65; EAA, f. 1655, n. 3, s. 199; EAA, f. 1655, n. 3, s. 638.

²⁵ EAA, f. 1655, n. 3, s. 638.

²⁶ EAA, f. 1655, n. 3, s. 115, l. 4-5.

²⁷ ERA, f. 1025, n. 1, s. 176, l. 8, 15, 52, 106,

²⁸ EAA, f. 1655, n. 3, s. 638.

²⁹ ERA, f. 1025, n. 1, s. 176. Подробнее см.: Данила (Полякова), мон. Эвакуация 1917 г. и возвращение Пюхтицких сестер с мо-

настырским имуществом в 1923 г. // Пятые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2016. С. 299–315.

³⁰ *Берташ Александр, прот.* Пюхтицкое подворье в Ревеле-Таллине и его строитель Н.Н. Никонов // Восьмые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2019. С. 154–163.

³¹ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 638; Мусаев. Указ. соч. С. 261.

³² ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 638.

³³ Илия Григорьевич Пинус (с 1934 г. — Пиноци; 14 марта 1880, Могилев — 1952) — из иудейской семьи, окончил консерваторию в С.-Петербурге. Перешел в Православие в 1905 г. Принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 гг., подпоручик (1917 г.). Награжден орденами Св. Станислава; Св. Анны; Св. Владимира; французской Военной медалью. Назначен большевиками начальником оперативного штаба морской крепости императора Петра Великого (3 января 1918 г.). Во время немецкой оккупации занимался спекуляцией недвижимостью, приобрел несколько многоэтажных домов в Риге, куда вскоре и переехал. Один из основателей движения «Русских соколов» в Риге, его первый староста с 1930 по 1932 гг. В обществе состояли его дети Илья, Элиас, Елена и Ираида; Пинус сотрудничал с подпольными антисоветскими организациями. Кавалер ордена Лачплесиса III степени (1926 г.). См.: Русская Эстония (<http://russianestonia.eu/>).

³⁴ Явление изображения иконы Божией Матери в св. источнике Пюхтицкого женского монастыря. Тарту, 1932.

³⁵ См.: ERA, f. 62, n. 2, s. 8588; ERA, f. 62, n. 28, s. 21511, ERA, f. 62, n. 28, s. 23805; ERA, f. 62, n. 28, s. 24109.

³⁶ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 640.

³⁷ ERA, f. 62, n. 2, s. 8588, l. 36, 145.

³⁸ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 638.

³⁹ Иоанн, епископ Печерский, викарий Таллинской епархии (в миру Николай Александрович Булин; 16 февраля 1893, Выпсу — 30 июля 1941, Ленинград) — выпускник Рижской духовной семинарии, в 1918 г. принял постриг и священный сан. С 20 октября 1920 г. — наместник Псково-Печерского монастыря, хиротонисан во епископа 25 апреля 1926 г. Депутат парламента — Рийгикогу от Печерского края (1929–1934 гг.),

отстаивал интересы русского населения. В 1932 г. отказался перейти на Нарвскую кафедру, уволен на покой, жил на Афоне и в Югославии. В 1938 г. вернулся в Эстонию и поселился в Петсери (Печорах). 18 октября 1940 г. арестован органами НКВД, расстрелян. См.: *Клементьев А.К., Шор Т.К.* Иоанн (Булин), епископ // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 382–385; *Мяник С.* Епископ Иоанн (Булин) // Православие в Балтии. № 4 (13). 2016. С. 77–90.

⁴⁰ Игумен Павел (в миру Петр Михайлович Горшков, 20 августа 1867, Рязанская губ. — 6 июля 1950), из крестьян, в 1884 г. поступил в Александро-Свирский монастырь, в 1888 г. по благословению св. Иоанна Кронштадтского в Троице-Сергиеву пустынь, где в 1897 г. принял постриг и диаконский сан, в 1904 г. рукоположен во иеромонаха. Активный деятель трезвенничества. С 1920 г. — в Псково-Печерском монастыре, с 13 сентября 1927 г. до 1931 гг. — в Пюхтице, с 1937 г. вновь в Псково-Печерском монастыре, в 1941–1944 гг. — наместник. Арестован в октябре 1944 г., умер в Сиблаге близ Тайшета. См.: *Калкин О.А.* Игумен Павел (Горшков), наместник Псково-Печерского монастыря // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 173–178.

⁴¹ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 638.

⁴² ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 199.

⁴³ Борис Бернгардович Линд (Boris Linde, 16 октября 1884, Ревель — 1969, Париж) — чиновник особых поручений при Эстляндском губернаторе, Псковский земский начальник, участник Белого движения. Затем крупный торговец оружием, сотрудничавший с Виктором Пятсом, сыном президента Эстонии, делал пожертвования на реставрацию Псково-Печерского монастыря и Изборской крепости.

⁴⁴ *Осипов А.* III Прибалтийский съезд Р.Х.С. Движения // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1930. № 10. С. 26–32; В Пюхтицком монастыре // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1932. № 8–9. С. 31–33; *Плюханов Б.Д.* РСХД в Латвии и Эстонии. Париж, 1993; *Обозный К.* Деятельность Русского студенческого христианского движения в Прибалтике: церковный и общественно-культур-

ный аспект // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840–1930-е гг. Под ред. И. Пярт. Tartu, 2018. С. 441–442.

⁴⁵ По воспоминаниям Ю.Д. Шумакова, «Василию Васильевичу был особенно по сердцу домовый Сергиевский храм, его кипарисовый (так!) иконостас, художественные вышивки на аналое, выполненные вдовой основателя монастыря князя С.В. Шаховского Елизаветой Дмитриевной» (*Шумаков Ю.Д.* Колокола мне шлют привет. Таллин, 1991).

⁴⁶ *Алексий II (Ридигер), Патриарх.* Православие в Эстонии. М., 1999. С. 381–382.

⁴⁷ См.: *Шумаков Ю.Д.* Пристать бы мне к родному берегу... Игорь Северянин и его окружение в Эстонии. Таллин, 1992.

⁴⁸ В. В. [Никифоров-Волгин В.А.]. Торжество в Пюхтицком монастыре // Вести дня. 1928. 21 августа. № 223. С. 1. Василий Акимович Никифоров-Волгин (24 декабря 1900, д. Маркуши Калязинский уезд Тверской губ. — 14 декабря 1941, Вятка) — православный писатель, публицист, редактор, активный участник РСХД, один из учредителей общества «Святогор». Из семьи мастерового, которая вскоре после рождения Василия переехала в Нарву. До весны 1932 г. — псаломщик Нарвского Преображенского собора, с 1936 г. — в Таллине. В мае 1941 г. арестован органами НКВД, расстрелян.

⁴⁹ Александра Семеновна Кобзаренко, урожденная Мордвинова (1866 — после 1921?), в первом браке Салова; дочь действительного тайного советника, члена Гос. Совета Семена Александровича Мордвинова и Марии Алексеевны Милутиной, сестры отца княгини. Усадьба в Порховском уезде — родовое имение Мордвиновых (не сохранилось).

⁵⁰ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 639.

⁵¹ Архиепископ Таллинский и Эстонский (с 16 апреля 1945) Павел (в миру Павел Григорьевич Дмитровский, 15 января 1872, Таврическая губерния — 2 февраля 1946, Таллин), рукоположен в 1896 г., служил на приходах Таврической и Санкт-Петербургской губерний, овдовел, с 1919 г. — в Нарве. 3 октября 1937 г. рукоположен во епископа Нарвского, с 21 декабря 1942 г. указом митр. Сергия (Воскресенского) возведен в сан

архиепископа. См.: Нарвский архиерей. Материалы к биографии епископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского), впоследствии — архиепископа Таллинского и Эстонского. Таллин, 1997.

⁵² Postimies. 1939. 20 июня. № 164. С. 6.

⁵³ Postimies. 1939. 11 июля. № 182. С. 6. Отто Лиив (6 сентября 1935, Нарва — 10 декабря 1942, Тарту) — выпускник Тартуского университета, в котором впоследствии преподавал, доктор истории (1935 г.), директор Центрального государственного архива (1929–1941 гг.).

⁵⁴ Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940): из истории русского зарубежья. Составители: С.Г. Исаков, Т.К. Шор, Т.Т. Гузаиров. Т. 1 (1918–1931 гг.). Таллин, 2016; Т. 2 (1932–1940 гг.). Таллин, 2017; Postimies. 1939. 14 августа. № 216. С. 2.

⁵⁵ *Ланберг В.А.* Пюхтица 1941–1944 // Шестые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2017. С. 397.

⁵⁶ *Шумаков Ю.Д.* Колокола мне шлют привет. Таллин, 1991; Успенский собор. С. 47, Пюхтицкая обитель и ее покровитель святой праведный Иоанн Кронштадтский. [Куремяэ], 2016. С. 224–225; со ссылками на мон. Рафаилу и местного крестьянина Кунигаса.

⁵⁷ Действовала до 1996 г. Ныне в здании работают семейный врач, библиотека и волостной архив.

⁵⁸ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 638; ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 115, Postimies. 1936. 29 июня. № 171. С. 4; *Кумыш Владислав, свящ.* Блаженный странник Стефан Нарвский // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 25. 2001. С. 31–32.

⁵⁹ ЕАА, f. 1655, n. 3, s. 640.

⁶⁰ *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 351–352.

⁶¹ Мянник С. Митрополит Таллинский и всея Эстонии Александр (Паулус) // Православие в Балтии. № 8 (17). Rīga_ 2018. С. 141.

⁶² Игуменья Алексия (Пелагия Андреевна Голубева, 1881, Ярославская губерния — 3 мая 1953) поступила в монастырь в 1896 г., несла послушания: в живописной, на клиросе, в канцелярии и с 1928 г. — казначей.

⁶³ *Синякова Г.А.* Русская Нарва // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 25. 2001. С. 72. Церковь снесена в 1950-е гг.

⁶⁴ Листы в деле не нумерованы. Сохранены основные особенности орфографии документа.

CONTENTS

75TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT FOR EXTERNAL CHURCH RELATIONS OF THE MOSCOW PATRIARCHATE

Editorial Note. On the Occasion of the 75th Anniversary of the Moscow Patriarchate's Department for External Church Relations.7

Patriarch Kirill of Moscow and All Russia.

Address on the Occasion of the 75th Anniversary of Moscow Patriarchate's Department for External Church Relations.....19

Metropolitan Hilarion of Volokolamsk.

DECR's Activities in the Past and at Present. Marking the 75th Anniversary of the Department for External Church Relations...26

CHURCH AND SOCIETY

Alexandr (Haluska), hieromonk, Postgraduate student of Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies.

State Policy Towards the Orthodox and the Uniates in Czecho- slovakia in the Second Half of the Twentieth Century.....63

Based on archival documents and periodical materials, the article examines major aspects of the relationships between the state and two Christian confessions, the Orthodox Church and the Greek Catholic Church, in Czechoslovakia in the second half of the 20th century. After World War II, Czechoslovakia became one of the countries of people's democracy, having come under the powerful influence of the USSR, which affected its government's religious policy. The authorities were open in their intention to create an atheistic state. Analyzed in the article are some major events characterizing the anti-church policy of the Czechoslovak authorities, including the "Catholicism without the Vatican" movement which, according to the government, should have put an end to the dependence of the socialist Slovakia on the bourgeois West, and the Prešov Council of 1950. After that Council, held under the authorities' control, a ban was imposed on the activities of the Uniate Church, which significantly complicated the relationships between the Uniates and the Orthodox. In 1968, the state resumed the Uniates' activities, thus provoking an increase in property disputes between the Orthodox and the Uniate Christians. Using various resources, including Slovak archives, the author presents the names of those who suffered persecution for the Church in the country at the time. After the collapse of Czechoslovakia, most of the Orthodox Christians found themselves on the territory of the Slovak Republic. Therefore, a special focus in the article is on legal relations, governed by the law, between the Orthodox Church and the government of the Slovak

Republic. In his research the author relies on the conclusions of the leading modern-day Slovak church historians, citing various sources in the Slovak language, not readily available to Russian scholars.

Keywords: church history, state and Church, Orthodox Church, Czechoslovakia, Slovakia, Greek Catholic Church, Prešov Council, persecution.

CHURCH HISTORY

Bishop Vladimir of Novokuznetsk and Tashtagol, Student of Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies.

Chronicle Studies in Pre-Revolutionary and Soviet Times: Con- flict of Approaches.....77

The article explores the views held by Russian historians of the Soviet period and scholars of the late imperial period (end of the 19th century) on the 14th-century chronicles. Considered in the paper is also an impact of ideology on disputes among scholars in assessing reliability of the chronicles in the corpus of the Russian Medieval historical sources.

Keywords: Soviet historiography, 14th-century chronicles, church chronicles, codices of the Grand Prince, Grand Prince's chancellery, Metropolitan's chancellery, atheism, feudal lords, feudal fragmentation, The Laurentian Chronicle, Tver Principality, Moscow Principality, all-Russian codex.

Ioann (Merzlyakov), hierodeacon, Second-year postgraduate student of the Moscow Theological Academy.

Some Aspects of Church-State Relations in Muscovite Russia in Fourteenth and Fifteenth Centuries.....89

The article focuses on an important period in the Russian history, exploring the paradigm of church-state relations in the forming Muscovite state of the 14th and 15th centuries. The course of these relationships would change in time under the influence of a number of internal and external factors. In the second half of the 14th century the Grand Prince of Moscow, whose authority had grown stronger, wished to break free from the powerful church guardianship and dictate his terms to the Church. The author examines the attempts made at that time to elevate Archimandrite Mikhail-Mityay to the Throne of Metropolitan. Analysed in the article are also certain developments that took place in the second half of the 15th century, in particular, problems in the relationships between Grand Prince Ivan III of Moscow and Metropolitan Gerontius of Moscow. The events that occurred in different centuries have some common characteristics and indicate new tendencies in how church-state relations would continue to unfold.

Keywords: Muscovite Russia, Grand Prince of Moscow, Metropolitan, church-state relations.

Ryzhenkov Alexy, priest, Master of Theology, senior lecturer at the Department of Biblical Studies of the Kolomna Theological Seminary.
Phenomenon of "Autobiographical Life" in the Context of Old Believers' Writings.....98

The article examines a phenomenon of "autobiographical life" in the context of Old Believers' writings. An Old-Rite author would not strive for self-deprecation, and such stereotyped formulations as "unworthiness," used in the lives of the past, were absolutely alien to him, be it in their conservative form or in their meaning. He was a new type of author, developed as the result of reassessment of the axiological dignity of his own "self" – he is worthy to be depicted in a hagiographic text, and his faith, life, deeds and thoughts are edifying and useful for society. In addition, these new authors differed in their attitude towards psychologism. Some were overtly introverted, while others were extroverted. Such self-perception approach was not typical for the human consciousness of the previous centuries, but is very similar to the Protestant doctrine of salvation by faith and confidence in one's own salvation.

Keywords: Old Believers' writings, autobiographical life, psychologism, introversion, extroversion, Protestant doctrine, salvation by faith.

Kurlykin Andrej, priest, Master of Theology, senior lecturer at the Chair of Biblical and Theological Disciplines of the Voronezh Theological Seminary.

Staff of the Russian Ecclesiastical Mission in China: Missionary Aspect.....114

The article centers on a missionary aspect of the employment policy of the Russian Ecclesiastical Mission in China before the Revolution of 1917, examining criteria used for selection of staff and organization of their work. The article defines areas of strength and weakness in the Mission's staff policy with its goal to preach Orthodoxy in China. Describing its strong points, the author notes careful selection of the Mission's staff members, particular attention to their professional skills and personal qualities, employment of representatives of different professions, and a system of rewards provided to missionaries on their return to the homeland. As for the policy weak points, the author mentions the limited time period, during which preachers would perform their ministry in China.

Keywords: Russian Ecclesiastical Mission in China, missiology, history of the Mission, personality of a missionary, staff for the Mission, Christianity in China, organization of missionary activity.

Lyakh Mikhail, priest, Bachelor of Theology, master's student of the Moscow Theological Academy.

"Travelling in Dalmatia" by Bishop Porfiry (Uspensky) As a Cultural and Historical Source.....133

A story entitled "Travelling in Dalmatia" is the first part of Book of My Life – memoirs and journalistic notes of Bishop Porfiry (Uspensky), an orientalist, Byzantologist, paleographer and archaeologist. "Travelling in Dalmatia" was based on a diary which Porfiry, then an archimandrite, kept during his expedition along the Dalmatian coast on June 8-20, 1842. In his diary Bishop Porfiry described historical buildings, their state and architectural details, as well as town plans on his journey. "Travelling in Dalmatia" gives a unique opportunity to contemporary researchers to learn more about everyday life and culture of that historical period. The article also devotes considerable attention to the activities and life of the Orthodox Church in the territory of Dalmatia.

Keywords: Bishop Porfiry (Uspensky), Book of My Life, "Travelling in Dalmatia," situation of the Orthodox Church abroad, creative history, sources.

Bertash Alexander, archpriest, Ph.D. in Art History, Ph.D. in Theology; rector of the Moscow Patriarchate's Church of the Holy Royal Passion-Bearers in Bremen and of the parish in Bremerhaven, Germany; leading art critic at the "Litejnaja Chast -91" Architectural Bureau; member of the Russian Union of Journalists.

Pühtitsa Assumption Convent in the Time of the Revolution and in Independent Estonia.....146

The article provides the first complete historical description of the least studied period in the life of one of the most famous monasteries of the Russian Orthodox Church – the Pühtitsa Assumption Convent, founded in 1892. After the Revolution of 1917 the convent found itself in the territory of the independent Republic of Estonia and thus escaped closure and financial devastation, unlike other monasteries in the USSR. The article is mainly based on the previously unpublished archival files discovered by the author in the Eesti Riigiarhiiv – the Estonian State Archives (Tallinn, Tartu).

Keywords: Pühtitsa Assumption Convent, Gethsemane Skete of the Pühtitsa Convent, Tallinn (Revel) metochion of the Pühtitsa Convent, Estonian Apostolic Orthodox Church, Metropolitan Alexander (Paulus), Archbishop Eusebius (Grozdev), Bishop John (Bulin), Abbess Alexija (Pljashkevich), Abbess Ioanna (Korovnikova), Ye.D. Shakhovskaya.

Формат 60х90/16.
Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д.4, стр. 1 А
Тел.: + 7 495 926 63 96, e-mail: Info@bukivedi.com
www.bukivedi.com